

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2 (328) – 2023

Научно-информационный журнал

Издаётся с 1992 года

Учредитель:
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция журналов «Россия и мусульманский мир»
на русском и английском языках

Редакционная коллегия

Мирзеханов В.С. – д-р ист. наук, профессор, научный консультант (ИВИ РАН, ИНИОН РАН), *Дмитриева Е.Л.* – главный редактор, *Бибикова О.П.* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора, *Гинесина Н.В.* – отв. за выпуск на англ. яз., *Ниязи А.Ш.* – канд. ист. наук, зам главного редактора (ИВ РАН), *Сченснович В.Н.* – отв. секретарь

Аликберов А.К., д-р ист. наук, директор ИВ РАН

Аватков В.А., д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД РФ

Белинский А.В., канд. полит. наук, ИНИОН РАН

Белозёров В.К., д-р полит. наук, МГЛУ

Гордон А.В., д-р ист. наук, ИНИОН РАН

Добаев И.П., д-р филос. наук, канд. полит. наук, эксперт РАН, ЮФУ

Кудаяров К.А., канд. ист. наук, ИНИОН РАН

Кузнеццов И.И., д-р полит. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова

Малышева Д.Б., д-р полит. наук, ИМЭМО РАН

Мельник С.В., д-р филос. наук, ИНИОН РАН

Следзевский И.В., д-р ист. наук, Институт Африки РАН

Флиши де ла Невиль Т. (Швейцария), канд. юр. наук, Университет в Пуатье, Реннская школа бизнеса (Франция)

Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал / ИНИОН РАН, Редакция журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках. – Москва, 2023. – № 2 (328). – 137 с.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.00

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
© ИНИОН РАН, 2023

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**RUSSIA
AND
THE MOSLEM WORLD**

2 (328) – 2023

SCIENCE- INFORMATION JOURNAL

Published since 1992

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION)

Publishing Department of the Journals
“Rossiya i Musulmanskiy Mir” & “Russia and the Moslem World”

Editorial Board

Velikan Mirzehanov – Scientific Consultant, INION; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Elena Dmitrieva* – Editor-in-Chief, INION, Moscow, Russian Federation; *Olga Bibikova* – First Deputy Editor-in-Chief, INION, Moscow, Russian Federation; *Aziz Niyazi* – Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Valentina Schensnovich* – Executive Secretary, INION, Moscow, Russian Federation; *Natalia Ginesina* – Managing Editor, INION, Moscow, Russian Federation

Alikber Alikberov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Avatkov, INION; Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Andrey Belinsky, INION, Moscow, Russian Federation

Vasiliy Belozerov, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Igor Dobaev, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Alexander Gordon, INION, Moscow, Russian Federation

Kanybek Kudayarov, INION, Moscow, Russian Federation

Igor Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dina Malysheva, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sergey Melnik, INION, Moscow, Russian Federation

Igor Sledzhevsky, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Thomas Flichy de La Neuville (Switzerland), Institute for the History of Law (University of Poitiers), Rennes School of Business, France

Russia and the Moslem World: Science-Information Journal / INION RAN, Publishing Department of the Journals “Rossiya i Musulmanskiy Mir” & “Russia and the Moslem World”. – Moscow, 2023. – N 2 (328). – 137 p.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.00

Journal is indexed in the Russian Science Citation Index
© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Добаев И.П.</i> Геополитические исследования на Юге России.....	9
<i>Сченснович В.Н.</i> Тенденции миграции в России и государствах СНГ. (Аналитический обзор)	21

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Сченснович В.Н.</i> Отношения России и Казахстана в контексте современного многополярного мира и СВО на Украине. (Аналитический обзор)	33
<i>Кудаяров К.А.</i> «Фабрики мысли» в современной Киргизии	44
<i>Дьяченко В.Г.</i> Появление и развитие радикального исламистского движения в Центральной Азии: причины, внутренние и внешние факторы подпитки.....	55

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Бибикова О.П.</i> «Неграждане» в странах Аравийского полуострова	68
<i>Кудаяров К.А.</i> История развития ВПК Турецкой Республики. (Аналитический обзор).....	85
<i>Филоник А.О., Батурина В.Н.</i> Египет: первые шаги феминизма.....	100
<i>Погорельская С.В.</i> Мусульмане в Германии: возможна ли радикализация?	114

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Дмитриева Е.Л.</i> Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама)	129
--	-----

CONTENTS

MODERN RUSSIA: IDEOLOGY, POLITICS, CULTURE AND RELIGION

<i>Dobaev I.P.</i> Geopolitical Studies in the South of Russia	9
<i>Schensnovich V.N.</i> Migration Trends in Russia and CIS countries. (Analytical review).....	21

PLACE AND ROLE OF ISLAM IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE CAUCASSUS AND CENTRAL ASIA

<i>Schensnovich V.N.</i> Relations between Russia and Kazakhstan in the context of multipolarity and SMO in Ukraine. (Analytical review)	33
<i>Kudayarov K.A.</i> “Thought factories” in Modern Kyrgyzstan	44
<i>Dyachenko V.G.</i> The Emergence and Development of the Radical Islamist Movement in Central Asia: Causes, Internal and External Factors of Feeding.....	55

ISLAM IN FOREIGN COUNTRIES

<i>Bibikova O.P.</i> “Non-citizens” in the Countries of the Arabian Peninsula	68
<i>Kudayarov K.A.</i> Histiry of the Military – Industrial Complex Development in the Turkish Republik. (Analytical review)	85
<i>Filonik A.O., Baturina V.N.</i> Egypt: the first steps of feminism	100
<i>Pogorelskaya S.V.</i> Moslems in Germany: is radicalization possible?	114

THE MOSLEM WORLD: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

<i>Dmitrieva E.L.</i> Religion in Russia in the Era of Digitalization (on the Example of Orthodoxy and Islam)	129
--	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П.*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ЮГЕ РОССИИ

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.01

Для цитирования: Добаев И.П. Геополитические исследования на Юге России // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.01

Аннотация. В статье описывается процесс появления и развития геополитики как науки и метода многофакторного анализа: от традиционной – к цивилизационной, от глобальной – к региональной и даже локальной. Рассмотрены основные постулаты отцов-основателей англосаксонской, германской, российской и французской геополитических школ. Особое внимание уделено зарождению и развитию российской геополитики, ее современному состоянию. Среди целого ряда направлений выделены евразийское и неоевразийское, их общее и особенное. Прописаны вехи развития геополитической мысли на Юге России, при этом отмечается, что геополитический метод, впитавший в себя наработки «слабой» французской геополитики, эффективен, продуктивен и является хорошим подспорьем в политологическом, социологическом и стратегическом анализе не только глобальных проблем современности, но и важных вопросов национального, регионального и даже локального уровней.

Ключевые слова: геополитика; геополитический метод; традиционная геополитика; новая геополитика (геоэкономика); новейшая геополитика; талассократия; теллурократия; российская геополитика;

* Добаев И.П., доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, руководитель Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

евразийство, неоевразийство; закон фундаментального дуализма; Юг России.

Геополитика как наука выросла из политической географии в конце XIX в., но попытки осмыслить связь между политической организацией общества в лице государства и окружающим его пространством имели место в творчестве философов, историков и политиков еще в далекой древности.

Научно-теоретическое развитие классической (традиционной) геополитики берет свое начало с рубежа XIX–XX вв. Термин «геополитика» был введен в научный оборот в 1916 г. шведским географом Р. Челленом, определившим ее как науку о государстве, олицетворяющем собой «географический организм в пространстве». Положения геополитики были развиты в трудах отцов-основателей ее классических школ – немецкого политического географа Фридриха Ратцеля, американского адмирала Альфреда Мэхэна, англичанина Хэлфорда Макиндера, французского географа Поля Видаля де ля Блаша, позже немецкого генерала Карла Хаусхофера и немецкого юриста Карла Шмитта. Именно они явились создателями национальных школ геополитики – американской, английской, немецкой, французской. Ими геополитика понималась как система знаний о контроле над пространством.

Развитие геополитической дисциплины от ее основателей до настоящего времени проходило по нескольким параллельным траекториям. В соответствии с основополагающими понятиями геополитики важнейшие школы этой науки разделились на три ветви – морскую, сухопутную и береговую. Морская и сухопутная считаются сильными геополитическими школами, оперирующими глобальными категориями. Именно их основателями был выведен главный закон классической геополитики – геополитический дуализм, заключающийся в извечном глобальном противостоянии государств морской и сухопутной цивилизаций (Моря и Континента, талассократии и теллурократии). Что касается французской (береговой) геополитики, то она считается слабой. На ее основе во второй половине XX в. появились региональное и локальное геополитические направления.

Морская геополитика получила широкое распространение в английских и американских элитах, а с 70-х годов XX в. признана одной из самых популярных методологий политического и военно-стратегического анализа мировой политики и международных отношений в США.

Сухопутная (континентальная) школа сложилась в 20-е годы прошлого столетия в Германии и в самом общем приближении (в намеках и очерках, скорее, нежели в систематическом изложении) у русских евразийцев.

«Береговая» линия в этой дисциплине развивалась во Франции, в школе Видаля де ля Блаша, которая возродилась в 70-е годы ХХ в. вместе с геополитическим журналом «Геродот» современного геополитика Ива Лякоста.

Основы русской школы геополитики заложили своими исследованиями еще знаменитые славянофилы – братья Киреевские и братья Аксаковы, А.С. Хомяков и «последний славянофил» и «предтеча евразийства» – К.Н. Леонтьев. Однако поставили ее, как науку, на прочную идеиную основу и методологическую базу два великих человека XIX в., работавших в тесном научном и научно-политическом содружестве – виднейший государственный деятель империи граф Д.А. Милютин и прославленный ученый Н.Я. Данилевский. Их трудами геополитика стала практическим руководством для государственной деятельности Российской империи.

В последующем в России геополитические воззрения формировались в таких направлениях, как цивилизационное, социально-политическое и естественно-научное. Это было связано, во-первых, с утверждением евразийского статуса России, ее устойчивого положения в границах евразийской империи; во-вторых, с экономическим ростом, расширением международных связей; в-третьих, с развитием естествознания, начатым еще в ходе Петровских реформ. Среди исследователей этого времени можно назвать таких ученых, как К.М. Бэр, В.И. Ламанский, Л.И. Мечников, Д.И. Менделеев и др.

Дальнейшие эволюционные сдвиги в геополитических воззрениях России наблюдаются в работах Е.А. Вандама (Едрихина), А. Радо, В.П. Семенова-Тян-Шанского, А.Е. Снесарева и др.

Однако после 1917 г. отношение советской власти к геополитике стало прохладным, и постепенно геополитики и геополитика были вытеснены из сферы собственно политики, наброски геополитических подходов встречаются лишь в эмигрантском течении евразийства и в преподавании военной географии и оперативного страноведения в закрытых военных учреждениях. В этот период за границей, в эмигрантской среде, русская геополитика получила новое развитие, стала основой и плодом работы такого интереснейшего научного феномена, как евразийство. Классиками геополитики среднего поколения стали столпы евразийства –

Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и др., а в России – «последний евразиец» Л.Н. Гумилев. Евразийцы рассматривали Россию как особую цивилизацию, отличную от западной и восточной.

Помимо традиционной (классической) версии, выделяется также *новая* (экономическая) геополитика (геоэкономика) и *новейшая* (цивилизационная) геополитика. Иными словами, несмотря на молодость геополитики как науки, произошла трансформация геополитического мышления: от традиционной геополитики (военной мощи) к новой геополитике, или геоэкономике (экономической мощи), и, наконец, к новейшей, или цивилизационной геополитике. Эта тенденция затронула фундаментальные основы мирового порядка, символами которого являются «большие пространства», капитал (золото) и информация, включая традицию как коммуникацию во времени. Основной категорией геополитики выступают *пространства*: физические (суша, вода, воздух, подводная сфера, космос и др.) и метафизические (политическое, экономическое, экологическое, демографическое, военное и т.д.). Вместе с тем, не отрицая значимости множества физических и метафизических пространств, современные геополитики-традиционалисты утверждают, что они представляют собой лишь некий фон, на котором разворачивается борьба стратегических противников – государств сухопутной и морской цивилизаций, а главный закон геополитики (закон фундаментального дуализма) определяет суть происходящих глобальных и региональных процессов.

Новый взлет в мировых масштабах геополитика пережила в 90-е годы XX в., когда возникла потребность объяснения основных событий мировой политики в новых системах координат. И оказалось, что геополитика полностью удовлетворяет этим требованиям. Кроме того, отказ от идеологической риторики обнаружил тот факт, что большинство американских центров стратегического планирования продолжают развивать традицию английских и американских геополитиков атлантистской школы (Макиндер, Спикмен, позже Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Р. Перл и др.).

Что касается современного развития российского геополитического подхода, то оно, безусловно, связано с наращиванием исследовательской деятельности нескольких основных конкурирующих между собой геополитических направлений.

Наиболее известной геополитической школой в современной России является неоевразийская, лидером которой выступает авторитетный российский мыслитель, автор большого количества

монографий и учебников по геополитике А.Г. Дугин, а также его ученики, среди которых – Г.Б. Гавриш¹, В.М. Коровин², Л.С. Савин³ и др. С точки зрения неоевразийцев, особая миссия России состоит в созиании евразийского континентального пространства. Ими Россия рассматривается как «мост цивилизаций», призванный сближать между собой страны Европы и Азии. При этом, по мнению Э.Г. Соловьева, «в отличие от классического евразийства А. Дугин и его последователи активно заимствуют те или иные элементы европейских континентальных проектов, расширяя горизонты евразийства на всю Европу и даже Евразию. Тезис о необходимости создания «национальной идеократии имперского континентального масштаба» выступает ключевым в дугинской версии неоевразийства. Телеологичность и универсальное значение российской истории, особая миссия России безапелационно выводятся из ее континентального, «теллукратического» призыва»⁴.

Геополитической проблематике следовали и следуют другие российские авторы, среди которых – К.С. Гаджиев, А.С. Панарин, К. Плешаков, К.Э. Сорокин, Р.Ф. Туровский, В. Цымбурский и др. Тем не менее в современной российской научной среде геополитические исследования до сих пор так и не получили самостоятельного статуса. Одними авторами геополитика рассматривается как ответвление истории международных отношений. Другие считают ее областью политологии или политической географии. Наконец, третьи, как отмечалось выше, отстаивают проблематику фундаментального дуализма политических сообществ.

В современных условиях чаще всего в геополитических исследованиях используются наработки французской школы⁵, кото-

¹ Гавриш Г.Б. Пространственно-временная модель Кавказа в условиях глобализации // Непризнанные государства Южного Кавказа в этнополитических процессах на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 29. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

² Коровин В.М. Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны. М.: Изд-во «Евразийское движение», 2008.

³ Савин Л. Новые способы ведения война: как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016.

⁴ Соловьев Э.Г. Геополитика как профессия и как научная дисциплина: направления эволюции геополитической мысли современной России // Российская наука международных отношений: новые направления. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 264–265.

⁵ Цыганков П.А. Французская школа геополитики в 2000-х годах: отношения ЕС с Россией [Электронный ресурс]. URL:<http://www.perspektivy.info> (дата обращения: 31.03.2023).

рую отличает неприятие типичного для англосаксонской и немецкой традиции «объективного закона» дуализма суши и моря. Более того, для французской геополитики большее значение имеет идея постепенной конвергенции, взаимопроникновения суши и моря – этих противоположных, с точки зрения Х. Маккиннера и других британских, американских и немецких авторов, геополитических сил. Французские геополитики отрицают решающее влияние на политические процессы материальных, природных, географических факторов. Для французской школы характерен не географический детерминизм, а примат воли и инициативы человека. Так, Поль Видаль де ла Блаш резко критиковал Ф. Ратцеля за его географический детерминизм и выдвинул принципиально важный для современной французской геополитики принцип «поссибилизма», согласно которому то или иное пространство только предоставляет государству возможности его геополитической конфигурации, но реализация этих возможностей зависит от воли людей. Характерной чертой французской геополитики является упор не на пространственно-географические размеры государств и их естественные границы, а на такие более важные, с точки зрения ее представителей, факторы, как организация территории, ее отношение к коммуникациям.

Именно французская школа геополитики одной из первых обратила внимание на вопросы социальной географии, что способствовало развитию «внутренней геополитики» – исследованию политического соперничества, наблюдающегося в рамках одной нации (например, в электоральной сфере). По мнению французских геополитиков, пространственно-географические факторы не исчерпывают многообразия тех причин, которые оказывают влияние на политическое поведение государства и которые поэтому должны быть дополнены факторами времени, длительности, истории.

Наконец, еще одной чертой французской школы геополитики является склонность ее представителей рассматривать геополитику как метод исследования. Для него характерен акцент на социальных «представлениях» о пространстве и учете сочетания пространственных (локальных, национальных, региональных, мировых, сетевых) и временных (кратковременных, долгосрочных и перспективных) характеристик изучаемого объекта.

Одновременно следует подчеркнуть, что многомерная структура геополитики в современных условиях дифференцируется, в том числе, на *глобальную, региональную и локальную*. Специалисты выделяют также *внешнюю и внутреннюю* геополитику.

В условиях глобализации усилилось влияние геополитических процессов не только на макрорегиональном (межгосударственном) уровне, но и в региональной политике. Поэтому наряду с глобалистикой происходит становление *регионалистики*, учитывавшей влияние на региональное развитие не только внутренних, но и внешних факторов.

Таким образом, в последние десятилетия все чаще фиксируется перестановка акцентов геополитики – с глобального уровня на региональный. Оптимальной единицей анализа становится геополитический регион как некая геополитическая, геоэкономическая и геокультурная целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе (трансграничный характер, изменчивость контуров, смена доминантных региональных держав, культурные, этнические и демографические трансформации). С этой точки зрения не лишены определенного смысла и попытки регионального геополитического анализа отдельных мировых регионов или постсоветского пространства.

В этой связи постепенно стирается четкая грань между внешней и внутренней политикой, между территориальными уровнями политического управления. Возникает феномен *глобализации* – прямых взаимовлияний мировых и субнациональных (региональных и местных) факторов при подчиненной роли государств. В этих условиях понадобился научный термин, который синтезировал бы направления анализа проблемы на стратегическом и субгосударственном уровнях, а также участия суб- и трансгосударственных регионов в политике. Такими свойствами обладает введенный в научный оборот термин **«внутренняя геополитика»**.

Данное понятие, концептуально оформленное во французской геополитической школе, наиболее аргументированный анализ, по всей видимости, обрело в ряде статей М.В. Ильина¹. Предмет изучения «внутренней геополитики» – внутреннее устройство политий («конфигурация сочленения географических возможностей и принципов политической организации»), а также внутренняя политика государств в контексте географических параметров и их социальных систем. М.В. Ильин выделяет два вида географиче-

¹ Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–83; Он же. Геохронополитические членения культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 46–78.

ских факторов. Первый из них – материальный (геоморфология, природные зоны, ареалы и сети расселения, языковые и этнокультурные ареалы, хозяйственная и транспортная инфраструктура, коммуникационные и организационные взаимодействия). Второй вид факторов можно назвать духовно-ментальными, так как к нему Ильин относит geopolитические коды, образы, идентичность, «память» о способах применения geopolитических факторов.

Таким образом, *внутренняя geopolитика* – это направление научных знаний, которое исследует модели строения политического пространства стран, выявляет факторы geopolитического положения и развития регионов, а также предлагает меры по управлению территориальным развитием государства.

Геополитический подход, представляющий универсальный интерес и несомненную ценность для российской политологии в целом, особенно незаменим для исследования ситуации на Юге России. На основании этой методологии можно не просто изучать многомерные и многофакторные процессы, но и активно справляться с серьезными вызовами национальной безопасности и территориальной целостности РФ, исходящими из этого региона, что является важной практической стороной вопроса.

В этой связи geopolитическая тематика начиная с 90-х годов XX в. занимает весомое место и в работах южнороссийских исследователей. На Юге России в постсоветский период прошло немало конференций, семинаров, круглых столов, посвященных geopolитической проблематике. Особенно знаменательным в жизни geopolитиков региона стал 1998 год. В конце апреля состоялись научные чтения «Кавказ: проблемы geopolитики и национально-государственные интересы России»¹, что способствовало появлению неформального сообщества geopolитиков южнороссийского макрорегиона.

В конце 1999 г. на базе ИППК Ростовского государственного университета (с 2006 г. – Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета) был создан Центр региональных исследований, в рамках которого проведено большое количество конференций, круглых столов, других научных мероприятий, а под рубрикой «Южнороссийское обозрение» начали издаваться сборники научных статей, монографии и учебные пособия. За годы издательской деятельности Центром выпущено бо-

¹ Кавказ: проблемы geopolитики и национально-государственные интересы России. Научные чтения к 70-летию академика Е.С. Троицкого (апрель 1998 г.) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Дону, 1998.

лее 100 сборников статей, из них порядка 15 – по геополитической проблематике¹.

Вопросы геополитики стали волновать не только маститых и начинающих ученых, но и студентов. Курс «Геополитика», первоначально для студентов-политологов, стал преподаваться в ряде высших учебных заведений южнороссийского макрорегиона. Позднее появились учебные пособия по этому предмету, среди которых отметим «Политическую регионалистику (на материалах Южного федерального округа)», подготовленную коллективом авторов из Северо-Кавказской академии государственной службы во главе с профессором Игнатовым В.Г.², а также пятитомный курс лекций «Политическая регионалистика», предложенный кубанскими учеными А.В. Барановым и А.А. Вартумяном³. В 2022 г. в Южном федеральном университете было издано учебное пособие, посвященное геополитическим процессам в Черноморско-Каспийском регионе⁴.

В этот же период учеными региона начинают разворачиваться геополитические исследования субъектов Ближнего и Среднего Вос-

¹ См., в частности: Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник статей «Северокавказское обозрение». Вып. 5 / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001; Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 14 / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003; Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 26 / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005; Факторы стабилизации ситуации на Северном Кавказе. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 35 / отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006; Юг России и Украина в геополитическом контексте. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 40 / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007; Современные проблемы экономической безопасности на Юге России. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 50 / отв. ред. И.П. Добаев. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2008; Современные политические процессы на Украине. Сборник статей «Южнороссийское обозрение». Вып. 53 / отв. ред. И.П. Добаев, Э.А. Попов. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2008; Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009 и др.

² Политическая регионалистика (на материалах Южного федерального округа). Учебное пособие / под ред. проф. В.Г. Игнатова. Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2003.

³ Баранов А.А., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: курс лекций. М.: Изд-во «Союз», 2005.

⁴ Добаев И.П. Геополитика и геополитические процессы в Черноморско-Каспийском регионе. Ростов н/Дону: Фонд науки и образования, 2022.

тока, Кавказского макрорегиона, Юга России. Среди них следует назвать ростовчан А.Г. Дружинина, И.П. Добаева, С.Н. Епифанцева¹; ученых из Чеченского государственного университета В.Х. Акаева и Г.Б. Вока²; дагестанских исследователей З.С. Арухова, Э.М. Магарамова, З.А. Махулову, Г.А. Мурклинскую³; автора из Карачаево-Черкесской Республики А.А. Эбзеева⁴ и др. Тем не менее говорить о том, что геополитика как наука на Юге России состоялась, все же преждевременно.

В современной России геополитика в большей степени рассматривается не как самостоятельная наука, но в русле положений французской геополитической школы, как некая геополитическая методология, которая предлагает свести наиболее значимые процессы к единой географической матрице и исследовать ее во взаимосвязи с внешними и глобальными факторами. Многофакторность геополитической методологии нашла свое отражение в определении геополитики, представленном в популярной энциклопедии «Геополитика»⁵: «Геополитика – теория и практика современных международных отношений и перспектив их развития с учетом широкомасштабного системного влияния географических, политических, экономических, военных, демографических, экологических, научно-технических и других факторов». Примерно такого же мнения придерживался, например, американский классик традиционной и новой геополитики Н. Спайкмен, который рассматривал геополитику именно как *аналитический метод*, по-

¹ Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ – начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). Ростов н/Дону: Изд-во РГУ, 2005; Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004; Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007; Епифанцев С.Н. Этносоциetalная трансформация на Северном Кавказе на рубеже ХХ–ХХI вв. Ростов н/Дону: Наука-Пресс, 2005.

² Акаев В.Х., Вок Г.Б. Кавказ в контексте геополитики. Грозный: «Книжное издательство», 2006.

³ Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006; Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы региональной геостратегии России. Ростов н/Дону, 2007; Махурова З.А. Дагестан в кавказской геополитике России. Махачкала: ИПЦ ДГМА, 2005; Мурклинская Г.А. Геополитические шахматы: искусство побеждать без войны. Махачкала: «Эпоха», 2008.

⁴ Эбзееев А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007.

⁵ Геополитика. Энциклопедия. М., 2002.

зволяющий вырабатывать эффективную международную политику.

На базе геополитического подхода на Юге России уже в начале нулевых было подготовлено и защищено несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических наук, среди них отметим исследования З.А. Махуловой¹, Э.М. Магарамова², А.Т. Абакарова³, М.В. Джевакова⁴ и др.

Итак, геополитика, как метод многофакторного анализа в привязке к той или иной географической матрице разного масштаба (планета, международный регион, государство, внутригосударственный регион), занимает все более серьезные позиции в исследовании протекающих политических процессов. Особенно ее значение в нашей стране повысилось после завершения холодной войны и идеологического противостояния, когда возник концептуальный вакуум в анализе происходящих процессов. В сложившихся условиях усилились значимость и эффективность геополитического метода для анализа процессов, происходящих в той или иной точке мира. При этом геополитика, как качественно новое общественное знание, свой новый взлет пережила в 90-х годах XX столетия, так как оказалось, что только она способна полностью удовлетворять новым требованиям, выявляя неоднозначность геополитических процессов, характерные для них парадоксы и противоречия.

Геополитика представляет собой достаточно сложное, многоаспектное и динамично развивающееся явление, причем она все активнее проникает на внутригосударственный (региональный) уровень, способствуя комплексному осмыслению и анализу протекающих процессов.

В таких обстоятельствах не так важно, как подчеркивал А.Г. Дугин в беседах с автором настоящей статьи, является ли геополитика полноценной научной дисциплиной или нет, бесспорно, что

¹ Махулова З.А. Региональный фактор геополитических процессов в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.

² Магарамов Э.М. Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы геостратегии России: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2007.

³ Абакаров А.Т. Геополитические интересы Российской Федерации в Каспийском регионе как фактор политического процесса на Юге России: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008.

⁴ Джеваков М.В. Региональная геополитика в современной России: угрозы и риски для национальной безопасности (на материалах Республики Калмыкия): дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

геополитический метод эффективен, продуктивен и стал прекрасным подспорьем в политологическом, социологическом и стратегическом анализе большинства острых проблем современности. В связи с этим, по мнению А.Г. Дугина, необходимо придать геополитическим исследованиям академический и научно-практический характер с соответствующей институционализацией геополитики как самостоятельной области политических исследований¹.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2023.
Принята к публикации 07.04.2023.*

Dobaev I.P.

Geopolitical Studies in the South of Russia

Igor P. Dobaev,

DSc(Philosophy), Professor,

Expert of Russian Academy of Sciences,

Director of Center of Regional Studies,

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University, Rostov-on-Don,

e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

The article describes the process of the emergence and development of geopolitics as a science and a method of multifactor analysis: from traditional to civilizational, from global to regional and even local. The author considers the main postulates of the founding fathers of the Anglo-Saxon, German, Russian and French geopolitical schools. Special attention is paid to the origin and development of Russian geopolitics, its current state. Among a number of directions, the Eurasian and the neo-Eurasian ones, their general and special features are distinguished. The milestones of the development of geopolitical thought in the South of Russia are spelled out, while it is noted that the geopolitical method, which has absorbed the achievements of “weak” French geopolitics, is effective, productive and is a good help in the political, sociological and strategic analysis of not only global problems of our time, but also important issues of national, regional and even local levels.

Keywords: geopolitics; geopolitical method; traditional geopolitics; new geopolitics (geo-economics); the latest geopolitics, thalassocracy; tellurocracy; Russian geopolitics; Eurasianism, neo-Eurasianism; the law of fundamental dualism; South of Russia.

¹ Личный архив автора.

Сченнович В.Н.*

**ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ
И ГОСУДАРСТВАХ СНГ
(Аналитический обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.02

Для цитирования: Сченнович В.Н. Тенденции миграции в России и государствах СНГ. (Аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.02

Аннотация. На современном этапе во всем мире актуальны проблемы миграции населения. Для России особое значение имеет трудовая миграция из стран СНГ. Большое внимание государство уделяет адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество, проблемам знания истории России и русского языка.

Ключевые слова: Россия; государства СНГ; Таджикистан; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; трудовая миграция; регулирование миграции; отношение местного населения к мигрантам; постоянное и временное трудоустройство; миграция в период пандемии COVID-19; квалификация и образование мигрантов; легальная и нелегальная миграция; рынок труда.

Введение

В условиях пандемии COVID-19 РФ продолжает являться одним из мировых центров притяжения трудовых мигрантов. До начала пандемии коронавируса на работу в Россию ежегодно въезжало около 5–6 млн человек, из них более 90% – из стран СНГ. Глобальное распространение вируса изменило действовавшие тенденции в сфере трансграничных передвижений. Закрытие государственных границ превратилось в основную проблему международного трудового обмена.

Авторы статьи опираются на проведенные ими социологические исследования по ситуации в сфере миграции, приводят суждения экспертов.

* Сченнович В.Н., научный сотрудник Редакции журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в РФ

Кандидаты экономических наук, ведущие научные сотрудники Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН Е.С. Красинец и Т.В. Шевцова (г. Москва) анализируют последствия влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию в России [3]. На основе данных социологических опросов показано воздействие пандемии COVID-19 на процессы привлечения иностранных работников. Уделено внимание также регулированию трудовой иммиграции в условиях преодоления последствий коронавируса.

С целью раскрытия тенденций, проблем адаптации и интеграции иностранных работников в период пандемии COVID-19 Институтом социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН в 2020–2021 гг. на территории Калининградской области были проведены социологические опросы трудовых мигрантов. Общий объем выборки составил 600 человек от 18 лет и старше. Среди опрошенных трудовых мигрантов преобладали мужчины в возрасте 30–40 лет. Молодежь составляла около 30%. Основной приток мигрантов – из Средней Азии с доминированием граждан Узбекистана. 24% опрошенных у себя на родине получили среднее образование. Менее половины мигрантов имели среднее специальное, высшее или незаконченное высшее образование. 29% респондентов прибыли в страну с начальным и неполным средним образованием, или вообще без образования.

Общий уровень квалификации мигрантов невысок. До отъезда в Россию большинство респондентов были заняты в отраслях с неквалифицированным трудом (45%) или выполняли работы, требующие среднего уровня квалификации (47%). В структуре прибывших заметно ниже оказалась доля работников с высокой квалификацией – около 8%.

В условиях пандемии коронавируса масштабы трудовой иммиграции в российских регионах резко пошли на убыль. По данным МВД РФ, в 2020 г. в целом по стране было поставлено на миграционный учет 2,4 млн иностранных граждан, прибывших в Россию на работу, это более чем в 2 раза меньше, чем в 2019 г. Наполовину сократилось количество выданных разрешений на работу иностранным гражданам из стран с визовым въездом. На 57% уменьшился прием из-за рубежа квалифицированных специалистов. На 1/3 убавилось количество выданных патентов иностранным

гражданам и лицам без гражданства. Общее количество разрешений на работу и патентов для трудовых мигрантов сократилось в 1,6 раза. В период пандемии в экономике произошло резкое сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты. В условиях кризиса и неустойчивой занятости трудовые мигранты оказались перед угрозами потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию.

Сузились легальные пути для трудоустройства, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости. В регионах усилились диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. С одной стороны, в сфере занятости сформировалась избыточная численность «застрявших» сотен тысяч трудовых мигрантов, лишенных средств на покупку продуктов питания, жилья, лекарств, оплату транспортных расходов и другие насущные нужды, что увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций. С другой стороны, в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения их «возвратной миграции» отдельные отрасли, прежде всего строительство, ЖКХ и сельское хозяйство, испытывали нехватку рабочих кадров. Многие работодатели после преодоления первой волны пандемии активно занялись поиском иностранных работников.

Трудовые мигранты в условиях кризиса оказались одной из наиболее уязвимых групп населения России. Как показали опросы, важнейшими проблемами жизнедеятельности гастарбайтеров стали: ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы отправлять денежные переводы домой. По данным опросов, у почти 30% трудовых мигрантов доход уменьшился на величину от 10% до половины от прежнего уровня, у 13% заработки сократились более чем на 50%.

Период пандемии характеризуется противоречивым характером суждений трудовых мигрантов, связанных с оценкой их положения в России и планами по возвращению домой в страны постоянного проживания. Большинство опрошенных позитивно характеризуют работу в России и не планируют уходить с российского рынка труда. Несмотря на многочисленные оценки своего материального положения как неудовлетворительные, а также возросшие в период пандемии риски потерять работу и остаться без источника дохода, велико число тех, кто не намерен уезжать из страны. Главной причиной таких настроений является крайняя

бедность населения стран Центральной Азии, которая заставляет значительную часть мигрантов мириться с сокращением заработков, ухудшением условий занятости и даже с периодами безработицы и не покидать Россию.

Большая часть трудовых мигрантов высказались за долгосрочное пребывание в России. За год пандемии выросли намерения мигрантов на более глубокую интеграцию в РФ. В 2020 г. около 37% респондентов указали, что они хотят остаться в России навсегда, а в 2021 г. таких было уже 43%. При этом представители стран СНГ относятся к возможности остаться в России на постоянной основе по-разному. Лидирующие позиции в рейтинге ответов на вопрос «Хотели бы Вы остаться в России навсегда, получить вид на жительство и российское гражданство?» занимают ответы мигрантов из стран, наиболее интегрированных на евразийском пространстве, – Казахстана (75,0%) и Киргизии (62,5%). Стремление получить российское гражданство и долгосрочно находиться в России характерно также для мигрантов из Таджикистана (44%), Азербайджана (40%) и Узбекистана (37%).

Последствия пандемии в экономической сфере сформировали у мигрантов рост ориентаций на получение достойных заработков и возврат домой. Доля респондентов с такой стратегией выросла с 17% в 2020 г. до 21% в 2021 г. Вместе с тем большинство мигрантов (почти 2/3 от числа опрошенных) намерены после отъезда домой опять вернуться в Россию. Согласно данным опроса, 41% респондентов ответил о своих планах «обязательно вернуться» и еще 24% заявили, что «скорее всего вернутся». Работа мигрантов в России в целом воспринимается ими более благоприятной, чем ситуация с занятостью в местах их постоянного проживания у себя на родине.

В результате первой волны пандемии COVID-19 на российском рынке труда возникла избыточность предложения иностранной рабочей силы (ИРС), отмечает Е.С. Красинец [2]. Под влиянием карантинных мер и сокращения масштабов экономической деятельности произошло сжатие спроса на рынке труда и резкое уменьшение рабочих мест в отраслях и секторах, где были задействованы мигранты. По мере нормализации ситуации в экономике и под воздействием принятия антикризисных мер правительства по борьбе с коронавирусом численность трудовых мигрантов стала увеличиваться. Восстановление экономики привело к возрастанию спроса как на низкоквалифицированных, так и на высококвалифицированных работников.

В сфере управления потоками трудовых мигрантов важен поиск путей совершенствования механизмов, регулирующих рынок труда иностранных работников. Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы, считает автор, повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования рынка труда мигрантов. Большое значение при этом приобретает стимулирование приезда в Россию востребованных категорий работников.

В статье доктора экономических наук, профессора Р.И. Акьюлова (Уральский ин-т управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург) и замначальника общего отдела Е.И. Акьюловой (Уральский ин-т управления) [1] представлена типология нелегальной миграции, критерием которой выступает характер ее влияния на региональный рынок труда. Негативные аспекты, связанные с нелегальной миграцией, в значительной степени являются следствием несовершенного миграционного законодательства и коррупционных правонарушений, осуществляемых должностными лицами, занимающимися вопросами регулирования миграционных процессов. Нелегальная миграция – один из основных источников теневой экономики. Основные причины нелегальной миграции – коррупция в органах государственного управления, относительная дороговизна оформления документов для осуществления иностранцами законной трудовой деятельности на территории России. Усугубляют ситуацию наличие многочисленных недобросовестных посредников, а также мошенников, предлагающих свои услуги по оформлению вида на жительство, патента или права на работу, делающих фальшивые документы, а также незнание мигрантами русского языка, российских законов, отсутствие межгосударственных программ в области трудовой миграции.

Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда

Исследователь М.Г. Хохлова [5] (НИИ мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова) отмечает, что в 90-е годы в Россию в поисках работы из стран СНГ прибывала преимущественно малоквалифицированная рабочая сила, которая находила занятость в строительстве, торговле, транспорте и пр. Распространение Интернета привело к росту количества иммигрантов-программистов и других специалистов в области сложных технологий. В 2021 г. увеличилось число запросов на работу в

России от ИТ-разработчиков из стран СНГ. Из Казахстана в 2021 г. поступило запросов на 36% больше, чем в 2020 г.

Главной причиной роста иммиграции из государств СНГ в РФ стала «демографическая яма», образовавшаяся в 90-е годы и приведшая к нехватке специалистов – за последнее десятилетие население РФ в возрасте 20–24 лет сократилось с 12 до 7 млн человек [2]. В числе причин дефицита рабочей силы на российском рынке труда оказался также отток мигрантов (занятых преимущественно в материальном производстве) в связи с пандемией коронавируса. В отличие от них, в ИТ-секторе «дистанционная иммиграция» (т.е. работа в удаленном режиме) нарастила благодаря готовности мигрантов работать в менее благоприятных условиях и за меньшую зарплату.

Пандемия ускорила технологические прорывы и усилила «неравенство» профессий, разделив их на те, которые можно перевести на удаленную работу, и те, которые исключают такую возможность. В результате этого миллионы людей остаются без работы, тогда как более 40% рабочей силы благодаря возможности использовать цифровые технологии успешно адаптировались к новым условиям. Дистанционная работа, получившая импульс под влиянием карантина и самоизоляции, обрела законодательную базу. Нехватка персонала наблюдается там, где требуется присутствие на рабочем месте (location based).

Данные о процессах, происходящих на рынке труда в связи с технологической революцией, содержатся в Докладе МОТ от февраля 2021 г. Цифровые платформы выросли за последнее десятилетие. Среди них две платформы широкого типа: 1) гибкая форма работы, осуществляемая из любого места в любое время (online web-based), например, переводы, разработка программного обеспечения; 2) работа, требующая присутствия персонала в конкретном месте (location based), например, такси и доставка. Работодатели все чаще приглашают на работу молодых специалистов, что объясняется различием в уровне образования и готовностью осваивать новые технологии. Так, занятые в online web-based платформах не только моложе, но и характеризуются более высоким уровнем образования – среди них 60% имеют высшее университетское образование. Среди работающих location based в такси 21–24% имеют высшее образование, они часто вынуждены были отказываться от профессий, по которым получили образование.

Развитие ИТ-технологий и пандемия, ускорившая процессы перехода на дистанционный труд, создали новые возможности адаптации как для иммигрантов, так и для активного населения России, желающего интегрировать себя в современный рынок труда. Новые формы занятости позволяют работать дистанционно и делают доступным обучение профессиям нематериального производства без значительных затрат средств [2, с. 226].

Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва) В.И. Мукомель [4] рассматривает особенности занятости в России высококвалифицированных трудовых мигрантов (ВКМ) из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Вместе с тем ВКМ из Средней Азии, будучи более успешными, чем их менее квалифицированные соотечественники, проигрывают в конкуренции за лучшие рабочие места ВКМ из других стран.

Потенциал среднеазиатской миграции в краткосрочной перспективе высок и способен вызвать серьезные изменения не только на рынке труда – в силу того, что в Россию могут прибыть значительные потоки мигрантов, не адаптированных к российским реалиям.

Применительно к мигрантам на постсоветском пространстве автор использует сведения о полученном ими высшем образовании. Исследователь поясняет: из-за того, что граждане Туркмении практически незаметны на российском рынке труда и немногочисленности граждан Казахстана (основная часть которых представлена этническими русскими и студентами, сталкивающимися с иными проблемами на рынке труда), автор относит к среднеазиатским ВКМ исключительно граждан Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Работа базируется на нескольких социологических обследованиях. В проведенном Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) для НИУ ВШЭ в 2017 г. опросе мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана 586 человек были отнесены к ВКМ. В июне 2020 г. был проведен опрос мигрантов сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с НИУ ВШЭ. Опрошены 2695 граждан стран СНГ, включая 1301 респон-

дента на территории РФ и 1394 респондентов за ее пределами, но намеревавшихся приехать в Россию в 2020 г. Численность мигрантов из Средней Азии составила 1012 человек, в том числе отнесенных к ВКМ – 264 человека (из них 114 респондентов в России, 150 – за пределами РФ).

Хотя квалификация не сводится к образованию, однако решающую роль в квалификации работника играет полученное им образование. Основная масса среднеазиатских трудовых мигрантов имеет среднюю квалификацию (84,3%), доля ВКМ – 12,1%, низкоквалифицированных – 3,6%. Доля ВКМ среди трудовых мигрантов из разных государств максимальна среди граждан Киргизии – 15,0%, а минимальна среди граждан из Узбекистана – 10,0%, тогда как среди граждан Таджикистана эта доля составляет 14,0%.

Высококвалифицированные работницы старше высококвалифицированных мигрантов-мужчин: среди ВКМ из Киргизии и Узбекистана – на 4 года, из Таджикистана – на 1,5 года. Женщины существенно образованнее мужчин: если только 10,5% мужчин имеют высшее и неполное высшее образование, то среди женщин эта доля составляет 17,8%. При этом в Россию едут работать наиболее образованные женщины и менее образованные мужчины из стран-доноров: во всех потоках из среднеазиатских государств доля женщин с высшим и неполным высшим образованием среди присутствующих на российском рынке труда значительно выше, чем в странах происхождения, тогда как мужчин – ниже.

Согласно официальным данным Республики Узбекистан, в 2017 г. 91% мигрантов имели среднее образование и менее 10% – высшее. В отличие от Киргизии, где доля имеющих высшее образование больше среди женщин, в Таджикистане и Узбекистане высшее образование более распространено среди мужчин.

Социально-демографические профили ВКМ из Киргизии и Таджикистана не сильно отличаются от профилей работников низкой и средней квалификации из этих государств. Иная ситуация среди мигрантов из Узбекистана: ВКМ, во-первых, существенно старше работников более низкой квалификации, во-вторых, среди них значительно больше женщин. Отчасти это обусловлено тем, что из Узбекистана приезжают больше ВКМ этнических русских и представителей других этнических групп, не принадлежащих к титульным национальностям среднеазиатских стран.

Большинство ВКМ работают, но 10,6% из них – безработные, ищущие работу. Среди респондентов из Киргизии безработных 9,3%, из Таджикистана – 10,7, из Узбекистана – 10,7%. Занятость ВКМ из Киргизии выше, что объясняется большей доступностью рынка труда для этих мигрантов ввиду преференций, распространяющихся на граждан стран – членов ЕАЭС.

Для ВКМ из Средней Азии основными видами экономической деятельности являются оптовая и розничная торговля, коммунальные, социальные и персональные услуги (административная работа), строительство, гостиничный бизнес и общественное питание, транспорт, домашнее хозяйство. Имеются различия в видах экономической активности выходцев из Киргизии и мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – ВКМ из Киргизии реже работают в строительстве и чаще в торговле. Виды экономической деятельности среднеазиатских ВКМ существенно отличаются от тех, в которые они были вовлечены на родине (а такой опыт имеют 4/5 ВКМ), – наиболее часто они были заняты в системе образования – 23,5%, в торговле – 15,5, в госуправлении, обеспечении безопасности и соцобеспечении – 11,3%. В строительстве были заняты 8,6% ВКМ, в гостиничном бизнесе и общественном питании – 2,7, на транспорте и в связи – 5,5, в деятельности домашних хозяйств – 1,8%.

Среднеазиатские ВКМ в подавляющем большинстве занимают рабочие места, где их квалификация избыточна. Проблема «сверхквалификации» актуальна для среднеазиатских ВКМ: только у 9,2% их квалификация востребована на новых местах. В сложном положении находятся многочисленные представители работавших на родине в образовательных учреждениях. В большинстве своем (61,5%) это женщины, практически все они до приезда в Россию занимали места специалистов высшей квалификации. В России они заняты преимущественно в торговле (31,0%), коммунальных, персональных и социальных услугах (22,0%), гостиничном бизнесе и общепите (16,0%). Прогнозируемая доля занятых неквалифицированным трудом максимальна в коммунальных и прочих сферах услуг. Тогда как ВКМ, работающие в гостиничном бизнесе, сфере общественного питания и торговле, чаще заняты на рабочих местах, требующих средней и высокой квалификации.

Основная мотивация приезда в Россию – поиск хорошо оплачиваемой работы. Хотя значительная часть среднеазиатских ВКМ заняты на неквалифицированных работах и интенсивность

их труда чрезмерна, в большинстве своем они позитивно оценивают свою работу в России. Причем в поисках приемлемой работы ВКМ демонстрируют более высокую мобильность, чем менее квалифицированные среднеазиатские мигранты: свыше половины (55,2%) меняли рабочее место в России, тогда как среди менее квалифицированных – 47,3%.

Квалификация значительной части среднеазиатских ВКМ не востребована на российском рынке труда в силу того, что образование, полученное ими на родине, не котируется российскими работодателями. Только 9,3% работников удалось найти работу, адекватную их опыту и квалификации, и это 40,4% респондентов, искавших такую работу.

Несмотря на все проблемы, среднеазиатские ВКМ, присутствующие на рынке труда, собирались и дальше продолжать работать: 86,0% из них планировали работать в России в 2020 г., не планировали – лишь 5,3%. Среди присутствующих на рынке труда ВКМ 78,1% хотели постоянно оставаться в России, среди мигрантов меньшей квалификации – 74,2%. Многие ВКМ, находившиеся за рубежом, стремились приехать на заработки в Россию: 64,9% из них были уверены, что найдут работу, а 27,6% сомневались только в том, что найдут ее быстро.

К 2020 г. большинство трудовых мигрантов, как показал социологический опрос, успешно адаптировались к ситуации. Среднеазиатские ВКМ в массе своей выражали удовлетворенность условиями труда (77,5%) и оплатой труда (70,0%). В то же время среднеазиатские ВКМ сознавали, что их квалификация не соответствует качеству занимаемых ими рабочих мест: 76,3% считали, что у них есть навыки или квалификация для выполнения более сложной работы.

Расценивая ситуацию как временную во время первой волны пандемии (весна 2020 г.), уверенные в своих возможностях найти работу в России и не желая ее покидать даже временно, среднеазиатские ВКМ упрочили свое положение на российском рынке труда. Учитывая неопределенность перспектив возвращения ВКМ из других государств постсоветского пространства на российский рынок труда, исследователь прогнозирует: в ближайшие годы мигрантские ниши труда высокой квалификации будут заполняться ВКМ из основных стран-доноров – государств Средней Азии.

Заключение

Ситуация, сложившаяся в связи с пандемией, ограничением международных транспортных коммуникаций, привела к тому, что в Россию не смогли приехать сотни тысяч мигрантов из Средней Азии, намеревавшихся выйти на рынок труда: в 2020 г. было поставлено на миграционный учет на 2,0 млн меньше въехавших из стран Средней Азии мигрантов с декларируемой целью работы, чем в предыдущем году. В 2021 г. ситуация кардинально не изменилась по сравнению с 2020 г.: на 1 июля количество патентов (большинство их владельцев – граждане Таджикистана и Узбекистана) было на 13,4% меньше, чем годом ранее.

Мигранты стали одной из наиболее уязвимых групп во время пандемии. Повышенный риск заражения (как минимум вдвое выше, чем у местных жителей), сложное положение на рынке труда из-за менее стабильной занятости, более низкого стажа работы, дискриминация в условиях избытка предложения на рынке труда – все это стало повседневной реальностью во время пандемии. Вместе с тем высококвалифицированные мигранты из стран Средней Азии продемонстрировали высокий потенциал адаптации к экстрапартиарной трансформации рынка труда.

Список литературы

1. Акылов Р.И., Акылова Е.И. Влияние нелегальной миграции на региональные рынки труда в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 148–161.
2. Красинец Е.С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение, 2022. Т. 25. № 2. С. 104–115.
3. Красинец Е.С., Шевцова Т.В. О последствиях пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2021. С. 234–237.
4. Мукомель В.И. Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии в России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 186–204.
5. Хохлова М.Г. Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 221–227.

*Обзор поступил в редакцию 02.02.2023.
Принят к публикации 16.03.2023.*

Schensnovich V.N.

**Migration trends in Russia and CIS countries.
(Analytical review)**

Valentina N. Schensnovich,

Research Associate,

Publishing Department of the Journals

“Rossiya i Musulmanskiy Mir” & “Russia and the Moslem World”,
INION,

e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. At the present stage, the problems of population migration are relevant all over the world. Labor migration from CIS countries is of particular importance for Russia. The state pays great attention to the adaptation and integration of migrants into the host community, the problems of knowledge of the history of Russia and the Russian language.

Keywords: Russia; CIS states; Tajikistan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; labor migration; migration regulation; attitude of the local population to migrants; qualification and education of migrants; legal and illegal migration; labor market.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сченнович В.Н.*

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И СВО НА УКРАИНЕ

(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.03

Для цитирования: Сченнович В.Н. Отношения России и Казахстана в контексте современного многополярного мира и СВО на Украине. (Аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.03

Аннотация. В обзоре анализируется характер социально-политических трансформаций в РФ за 30 лет в контексте проведения СВО на Украине. Рассмотрены приоритеты geopolитики и геоэкономики России и Казахстана. Значительное внимание уделено концепции евразийства. Приводятся данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» об отношении населения к внутренней политике Российского государства и приоритетам внешней политики.

Ключевые слова: Россия; Казахстан; СВО на Украине; Евразия; евразийство; США; трехполярный мир; глобализация; geopolитика; русофobia; интеграция; безопасность; ЕАЭС; ШОС; ОДКБ; БРИКС.

Введение

В обзоре анализируются социально-политические трансформации в России за последние 30 лет в контексте проведения СВО на

* Сченнович В.Н., научный сотрудник Редакции журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Украине. На основе данных социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» показано отношение россиян к внутренней и внешней политике государства. Обосновывается вывод о пределах возможностей либеральной стратегии развития страны в актуальных геополитических и геоэкономических условиях.

Россия имеет универсальную интеграционную идею – евразийство и свои механизмы для реализации стратегии глобального цивилизационного развития: ЕАЭС и ОДКБ. Особая роль принадлежит концепции трехполярного мира.

Доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН В.К. Левашов (г. Москва) [1] рассматривает особенности социально-политических трансформаций России в контексте проведения СВО на Украине. К концу 2021 г., по убеждению исследователя, наступил социально-политический момент истины либеральных трансформаций в России, когда встал вопрос о будущем страны и народов, проживающих на евразийском пространстве. Милитаризация на почве русофобии политического режима и населения Украины имела целью разжигание геноцида русского и других народов в этой стране и формирование современно вооруженной армии для войны с Россией. Угрозы президента В.А. Зеленского создать ядерное оружие сделали ситуацию непредсказуемой и неизбежной для проведения СВО на Украине. В этих условиях происходит поиск и апробация новых переходных многовалентных моделей устойчивого развития, соответствующих характеру глобальных вызовов.

Автор приводит данные проведенного под его руководством социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» об отношении граждан к внутренней политике РФ и приоритетам внешней политики. Динамика настроений российского гражданского общества тесно связана с внешней и внутренней политикой государства, складывающейся под влиянием мировой рыночной конъюнктуры и санкций, введенных странами Запада. Результаты мониторинга показывают, что уровень тревожности граждан по поводу своего экономического положения оставался высоким и не поменял своего характера за прошедшие 30 лет. В конце 1993 г. россиян беспокоили больше всего «дороговизна жизни» (70%), «преступность» (51%), «экологическая обстановка» (26%). К июню 2021 г. доминирующими тревогами массового сознания являлись «повышение цен на продукты питания» (49%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (40%). В числе прочего россиян тревожили: «страх перед будущим» (13%), «безопасность близких» (12%), «терро-

ризм» (11%), «обострение межнациональных отношений» (8%), «мировой экономический кризис» (8%), «экономические санкции против России» (7%), «ухудшение отношений с США и Европой» (7%). Наряду с экономическим положением российское гражданское общество беспокоит высокий уровень противоречий и неприязни между гражданами. К 2021 г. не ослабла острота противоречий «между бедными и богатыми» (74%), «между низшими и высшими классами» (70%), «между народом и властью» (67%). В то же время наблюдается устойчивое снижение остроты противоречий между «людьми различных национальностей», «верующими различных религий», «верующими и неверующими».

Анализ динамики социологических индикаторов последних лет показал, что СВО на Украине, которую поддерживает большинство граждан, по данным социологических опросов, повысила рейтинги Президента РФ и Российской армии. В долгосрочном тренде (1995–2021) наблюдается устойчивый рост уровня доверия всем общественным структурам и институтам власти.

Новые geopolитические тенденции на евразийском пространстве: формирование трехполярного мира

Доктор философских наук, замдиректора Института философии, политологии и права им. Баховаддина Национальной академии наук Таджикистана (г. Душанбе) Р. Дж. Хайдаров [2] убежден, что спецоперация России в Восточной Европе, начавшаяся в феврале 2022 г., стала точкой отсчета для переформатирования системы международных отношений в мире и изменения баланса сил на пространстве Евразии. Сегодняшний конфликт в Восточной Европе будет иметь долгосрочное влияние не только на Россию, но и на стратегии развития всех стран постсоветского пространства. СВО России в Восточной Европе служит обеспечению безопасности России, а также безопасности и сохранению государственной независимости почти всех стран СНГ.

По мысли автора, необходимо учитывать следующие факторы / тенденции современной geopolитики и геоэкономики: наступление периода «Второй Холодной войны»; формирование трехполярного мира во главе с Россией, Китаем и США; ускорение процессов деглобализации; превращение транснациональных исламистских групп в центр деструктивной силы в системе международных отношений современного мира. Сегодня, констатирует ис-

следователь, спецоперация России в Восточной Европе является ответом на агрессивную политику НАТО по расширению на Восток.

С началом спецоперации России в Восточной Европе, считает автор, завершился этап формирования трехполярного мира с тремя центрами мировой политики – Россией, Китаем и США. Именно трехполярный мир, по мысли исследователя, может вывести мировую экономику и политику на качественно новый трек развития и дать международным отношениям долговременную устойчивость, гибкость и маневренность.

По мнению исследователя, для того чтобы стать одним из центров силы в мировой политике и экономике, необходимо иметь стратегию глобального цивилизационного развития, состоящую из двух ключевых элементов: универсальной интеграционной идеи / проекта, учитывающей этническое и религиозное, культурное многообразие / палитру современного мира; соответствующих политических, экономических, финансовых и культурных механизмов / инструментов. Россия, как один из полюсов мира, имеет свою универсальную интеграционную идею / проект – евразийство и такие инструменты / механизмы для реализации российской стратегии глобального цивилизационного развития, как ЕАЭС и ОДКБ.

США после распада СССР предложили постсоветским странам и всему миру собственный интеграционный проект / идею глобализации, в основе которой лежали идеология либерализма, рыночная экономика и ценности западного мира. Дальнейшая практика показала, что США, после распада социалистического лагеря воспользовавшиеся ослаблением России и Китая, начали активно и агрессивно расширять ареал американского мира. Усилилось вмешательство США во внутренние дела суверенных государств по всему миру, особенно в Евразии. Поэтому американская стратегия глобального цивилизационного развития стремительно теряла свою привлекательность на постсоветском пространстве. Она вызывала отрицательную реакцию у большей части мирового сообщества, особенно в Евразии, в странах с мусульманским населением.

Трансляция идеологии национал-шовинизма и религиозно-политического экстремизма на постсоветском пространстве остается долгосрочной стратегией США, всего коллективного Запада и осуществляется с одной целью – навсегда разорвать многовековые, исторические узы народов постсоветского пространства с Россией и переориентировать постсоветские государства на Запад. Поэтому вслед за странами Восточной Европы, резкий всплеск русофобии в некоторых странах Центральной Азии, особенно в

период спецоперации России в Восточной Европе, не случаен. Коллективный Запад во главе с США за последние десятилетия попытался создать проамериканское, прозападное лобби почти во всех странах постсоветского пространства. Где-то усилия увенчались успехом (Восточная Европа), а сегодня они пытаются это сделать в Центральной Азии.

Сохранению влияния России в регионе Центральной Азии, по мысли автора, способствовали следующие факторы: наличие сильной и пророссийски настроенной научно-технической, творческой интеллигенции, политических и экономических элит, устойчивых научных и культурных связей; наличие устойчивых экономических, финансовых связей, ориентированности большого и среднего предпринимательства стран Центральной Азии на российское экономическое пространство; налаженные связи и военно-техническое сотрудничество оборонных ведомств; доступ трудоспособного населения к рынку труда в России; доступ молодежи посредством квот к системе образования в России; высокий интерес населения Центральной Азии к русскому языку и российской культуре; опыт совместного проживания в СССР, общие памятные даты (День Победы). Все эти факторы являются базисом для долгосрочного сотрудничества России и стран Центральной Азии. Сегодня мир возвращается в период новой холодной войны, и санкции Запада против России автоматически направлены на всех союзников России по СНГ. Возможно эта ситуация сохранится на ближайшее десятилетие.

Хотя страны Центральной Азии строят свою внешнюю политику на основе принципа «многовекторности», вопросы обеспечения безопасности и сохранения суверенитета стран региона на прямую будут зависеть от России, и в этом контексте ее роль заменить в Центральной Азии не сможет ни одно государство Запада или Востока. Несомненно, считает исследователь, Россия на нынешнем этапе своего развития будет корректировать свою внешнюю политику и поворачиваться на Восток. В процессе выработки и реализации новой Восточной политики России в Евразии, особенно со странами с мусульманским населением, необходимо использовать экономический и культурный потенциал российских регионов с мусульманским населением – это и республики Кавказа, и Татарстан с Башкортостаном. Россия является составной и активной частью мусульманского мира и имеет на него влияние. В настоящее время свыше 20 млн граждан России исповедуют ислам и официально считают себя мусульманами.

Россия, на взгляд автора, должна приступить совместно с другими заинтересованными странами к созданию международных организаций, которые смогут поддержать интеграционные процессы на евразийском пространстве. России и Китаю нужно инициировать строительство глобальных политических, финансовых институтов и структур. В новой конфигурации системы международных отношений будет укрепляться позиция БРИКС, в которой ведущая роль принадлежит России и Китаю. Важно также при активном участии России оптимизировать и адаптировать ШОС под современную систему международных отношений.

В условиях антироссийских экономических санкций, которые косвенно направлены на всех союзников России по СНГ, странам Центрально-Азиатского региона необходимо способствовать реализации российской стратегии глобального цивилизационного развития. Успех российской спецоперации в Восточной Европе поможет укреплению безопасности во всей Евразии и станет гарантом укрепления государственного суверенитета многих стран СНГ.

Противостояние России и коллективного Запада, это борьба разных мировоззрений. Сегодня Россия выступает за сотрудничество между всеми странами с учетом культурного, религиозного и этнического многообразия, различных политических практик и разного уровня экономического развития.

Генезис евразийской идеи и практики в Республике Казахстан

Кандидат политических наук А. Вахшитех (РУДН), кандидат исторических наук М.В. Лапенко (Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского) и магистр государственного управления, научный сотрудник международного научного комплекса «Астана» (г. Нур-Султан, Казахстан) А. Мукашева [3] обращаются к истокам развития евразийской идеи в Казахстане и современной евразийской практике в РК.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что именно первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в 1990-е годы заложил основы нового этапа в развитии евразийства как политико-философской концепции и интеграционной практики. Н. Назарбаев отмечал необходимость сближения постсоветских республик в экономической, оборонительной, экологической, культурной и информационной сферах. При этом казахстанский лидер подчеркивал: Рос-

ции принадлежит особая роль в реинтеграции евразийского пространства, она может стать ее «стержнем». Предложенный евразийский проект должен был стать основой нового межгосударственного объединения, созданного на принципах равноправия, призванного решить две ключевые задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики.

Высказывания Н. Назарбаева на тему евразийской интеграции повысили интерес к трудам классического евразийства. Особенно популярными в Казахстане тогда стали труды Л.Н. Гумилева. Эксперты в основном акцентировали внимание на его концепциях «этноса» и «этногенеза». Опираясь на концепцию Л. Гумилева, современные казахстанские ученые доказывают, что кочевая цивилизация создала собственную систему государственного управления на территории Евразии и была апробирована в Тюркском каганате, государстве кипчаков, Монгольском улусе, Казахском ханстве. По их убеждению, Евразия имеет самодостаточную культуру и самостоятельный путь исторического развития.

В дальнейшем инициатива по реализации евразийского проекта переходит от Казахстана к России. Во многом это было предопределено внутренними политическими процессами в РК. За 20 лет независимого развития в Казахстане так и не сформировались евразийская идентичность или национальная идентичность казахстанцев. Отток русского и русскоязычного населения, а также реализация программы возвращения соотечественников (оралманов) привели к изменению этнического состава населения в пользу этнических казахов. На первый план стали выходить задачи развития национального государства, возрождения казахской нации, развития казахского языка и этнической культуры казахов.

С началом украинского кризиса и политического конфликта России и «коллективного Запада» ведущим в казахстанском истеблишменте стал тренд на то, что сотрудничество на евразийском пространстве должно иметь экономический характер и не влиять на суверенитет Казахстана. Хотя Россию продолжали называть стратегическим союзником, предложения о политической интеграции практически исчезли из публичных выступлений первых лиц Казахстана.

С рубежа 2015–2016 гг. «евразийская тематика» вновь обретает дополнительные грани и импульсы. Запад усилил давление на Россию в виде санкционной политики, обострилась конкуренция транс континентальных интеграционных замыслов, и ответной реакцией на эти процессы стала инициатива «Большой Евразии» как нового век

тора внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества. Впервые о «Большой Евразии» на официальном уровне было заявлено в 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Тогда президент РФ В.В. Путин обрисовал возможные контуры будущего сотрудничества. Казахстан был заинтересован в развитии новых форматов взаимодействия, однако имел собственные представления о том, как развивать отношения с Западом и Китаем.

Дальнейшее развитие Евразийского экономического союза будет зависеть от наличия определенной идеологии или стратегии развития евразийской интеграции, а также устойчивого интеграционного ядра, которое будет задавать темпы интеграции и определять ее перспективы. Таким интеграционным ядром могла бы стать так называемая «евразийская тройка» – Республика Казахстан, Российская Федерация и Республика Беларусь, поскольку именно эти страны лидируют по интеграционному потенциалу. Однако для того, чтобы сформировалось данное интеграционное ядро, необходима не только политическая воля лидеров стран, но и широкая поддержка всех евразийских интеграционных инициатив среди общества, экспертов и бизнеса. Но проблема в том, что в каждой из стран «евразийской тройки» существуют разные подходы к определению евразийства и евразийской интеграции, а также присутствует как большое количество сторонников углубления интеграции, так и достаточно весомое число ее критиков и противников.

Евразийская практика на современном этапе развития Республики Казахстан

С момента создания Евразийского экономического союза прошло немало лет, но дискуссия о целесообразности участия Казахстана в данной международной организации продолжается, так же как и обсуждение возможностей и вызовов, связанных с членством Казахстана в ЕАЭС. Сложность заключается в том, что, во-первых, в Казахстане не сформировано сильное гражданское общество и значимость общественного мнения крайне низкая; во-вторых, в казахстанском обществе нет единства, граждане разделены на отдельные группы интересов, которые конкурируют между собой, и не все группы одинаково воспринимают евразийскую интеграцию; у нее есть как сторонники, так и откровенные противники в лице национал-патриотов. В предшествующий период фигура Н.А. Назарбаева и его авторитет играли главную консолидирующую роль в сохранении евразийской интеграции как

одного из главных приоритетов внешней политики Казахстана. В казахстанской историографии преобладала точка зрения, что Казахстан и его первый президент являются основоположниками и идеяными вдохновителями созданного Евразийского экономического союза. Поэтому не случайно, что подписание Договора о ЕАЭС произошло именно в столице Казахстана. В самом Евразийском экономическом союзе также признается выдающийся вклад Н. Назарбаева в развитие евразийской интеграции. До настоящего момента он является гарантом продолжения данного курса. При этом в политической повестке Казахстана в текущее время преобладает линия на развитие национального государства, основ его суверенитета, формирование национальной или гражданской, но никак не евразийской идентичности.

На данный момент отсутствует возможность появления общей для всех стран евразийской идеологии, или евразийской объединительной идеи. Несмотря на то что экономический потенциал России, Казахстана и Беларуси позволяет создать «сильное интеграционное ядро», общественная поддержка и заинтересованность бизнеса в развитии евразийской интеграции остаются крайне низкими.

Итоги постсоветских экономических реформ в России и Казахстане

Кандидат экономических наук С.В. Жаворонков (Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, г. Москва), старший научный сотрудник В.В. Новиков (РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва) и магистрант РАНХиГС А.А. Проценкова [4] обсуждают итоги постсоветских реформ на примере сопоставления России и Казахстана, государств со сходной во многом экономикой сырьевых стран. Россия обладала значительно лучшими стартовыми условиями, но в настоящее время показатели ВВП на душу населения двух рассматриваемых стран фактически сравнялись. По абсолютному уровню лидируют Россия (11 786 долл. на душу населения) и Казахстан (11 075 долл.), за ними со значительным отрывом следуют остальные. Причины того, что Казахстан – страна не с самыми благоприятными стартовыми условиями оказалась на втором месте по ВВП, во многом обусловлены тем, что Казахстан находится на первом месте по прямым иностранным инвестициям на душу населения: 8063 долл.

В сфере финансовой стабилизации страны шли схожими курсами. Приватизация же проводилась одинаково только на первом,

чековом, этапе. Россия пошла по пути передачи крупной собственности отечественному бизнесу на инсайдерских условиях, а Казахстан – по пути привлечения крупных международных инвесторов на условиях индивидуальных соглашений. В сфере поощрения инвестиций Россия предпочла путь создания территорий с льготным налоговым режимом («Сколково», территории «опережающего развития» – ТОРы, «особые экономические зоны» – ОЭЗ), Казахстан – путь создания Международного финансового центра «Астана», который, кроме налоговых льгот, обладает собственным признаваемым государством судом на основе английского права, представленным авторитетными иностранными судьями.

Высокая инфляция после отпуска цен блокировала экономический рост. В области борьбы с инфляцией страны были весьма похожи. Макрофинансовая стабилизация (падение инфляции ниже 50% годовых) произошла и в России, и в Казахстане в 1996 г. (21,8 и 28,6%, соответственно). Сутью финансовой политики Казахстана была классическая стратегия: ограничение денежной эмиссии. В результате Казахстан оказался одной из немногих постсоветских стран, которых миновал так называемый «азиатский финансовый кризис» и не произошло дефолта или серьезной девальвации.

События января 2022 г. в Казахстане ставят вопрос не только об экономических институтах, но и об институтах политических. Политические практики невозможно изолировать от экономических, они могут наносить ущерб не только в стабильном состоянии страны, но и в неизбежной в определенный момент ситуации необходимости силовой коррекции существующего правительства («снизу» или «сверху», в междусобной борьбе). Такой момент сложно прогнозировать, ведь рост экономических показателей не гарантирует правительство от падения. Транспарентные правила нужны не только в экономике, но и в политике. Тогда смена власти не будет чревата потрясениями.

Заключение

СВО России на Украине послужила переформатированию системы международных отношений в мире и изменению баланса сил на пространстве Евразии. К 2022 г. российское общественное сознание и большая часть политического класса избавились от иллюзий о позитивном эффекте либеральных реформ. В подавляющем большинстве граждане поняли, что их благосостояние, будущее их детей напрямую зависят от уровня безопасности и крепости нацио-

нального суверенитета России, а правовое государство и гражданское общество являются стратегическими социально-политическими институтами, обеспечивающими устойчивое развитие страны. Вторая иллюзия, с которой рассталось российское общественное сознание – это комплекс вины, неправедного исторического, социального, политического прошлого. Произошло также разрушение иллюзии о том, что Запад и США одержали победу в холодной войне или могут одержать ее в будущем. Разрушение иллюзий укрепило фундамент веры, убеждений о суверенности многонациональной России, ее территориальной целостности и праведности действий во имя собирания ее исторических территорий и народов.

Понятия «евразийство», «Евразия», «Большая Евразия» и проект Евразийского экономического союза требуют нового концептуального и теоретического осмысления. В настоящее время классические основы евразийства уступили место экономическому детерминизму как основе развития взаимоотношений Казахстана с партнерами по интеграции. Поэтому вряд ли следует ожидать того, что в ближайшей перспективе Казахстан будет лидером евразийской интеграции. Вместе с тем Казахстан принадлежит к числу активных участников интеграционных объединений, по-прежнему заинтересован в продвижении евразийской интеграции и рассматривает ЕАЭС как приоритетное направление развития региональной торговли и способа повышения конкурентоспособности. По мнению многих экспертов, в том числе зарубежных, ЕАЭС способен сыграть серьезную роль в геополитике и формировании Большой Евразии, а евразийство / неоевразийство как идеология может внести свой теоретический вклад в появление многополярного мира.

Список литературы

1. Левашов В.К. Тридцать лет и момент истины российских трансформаций // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 47–79.
2. Хайдаров Р. Дж. Новые геополитические тенденции (евразийское пространство) // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 7. С. 659–676.
3. Вахшикех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник РУДН. 2022. С. 60–76.
4. Жаворонков С.В., Новиков В.В., Прощенкова А.А. Тридцатилетие реформ: опыт Petrostate на постсоветском пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2022. С. 74–88.

Обзор поступила в редакцию 07.02.2023.

Принят к публикации 28.02.2023.

**Schensnovich V.N.
Relations between Russia
and Kazakhstan in the context of multipolarity
and SMO in Ukraine.
(Analytical review)**

Valentina N. Schensnovich,
Research Associate,
Publishing Department of the Journals “Rossiya i Musulmanskiy
Mir” & “Russia and the Moslem World”, INION,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. The review analyzes the nature of socio-political transformations in the Russian Federation over 30 years, in the context of carrying out of SMO in Ukraine. The priorities of geopolitics and geo-economics of Russia and Kazakhstan are considered. Considerable attention is paid to the concept of Eurasianism. The data of the sociological monitoring “How do you live, Russia?” about the attitude of the population to the domestic policy of the Russian state and the priorities of foreign policy are given.

Keywords: Russia; Kazakhstan; SVO in Ukraine; Eurasia; Eurasianism; USA; the three-polar world; globalization; geopolitics; Russophobia; integration; security; EAEU; SCO; CSTO; BRICS.

**Кудаяров К.А.*
«ФАБРИКИ МЫСЛИ» В СОВРЕМЕННОЙ КИРГИЗИИ**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.04

Для цитирования: Кудаяров К.А. «Фабрики мысли» в современной Киргизии. // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.04

Аннотация. Статья посвящена обзору различных категорий аналитических центров Киргизии. Автор описывает историю развития аналитической индустрии в республике за последние три десятилетия (1993–2023), отмечает роль НПО / НГО в жизни государства. Подчер-

* Кудаяров Каныбек Акматбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

киваются некоторые особенности каждой из категорий аналитических центров, а также их зависимость от внешнего финансирования.

Ключевые слова: аналитические центры; Киргизия; Центральная Азия; НГО; НПО; доноры.

Под аналитическими центрами (согласно определению профессора Дж. Макганна) подразумеваются организации, которые специализируются на исследовании и анализе государственной политики и взаимодействии с соответствующими акторами, осуществляют политические исследования, анализ и консультации по внутриполитическим и международным вопросам, тем самым давая возможность политическому руководству и общественности принимать обоснованные решения в сфере государственной политики¹. Несмотря на общепризнанность данного определения среди мирового экспертного сообщества, применительно к региону Центральной Азии следует дополнить его версией определения, используемого аналитиками центральноазиатской региональной экспертной платформы CABAR.Asia: «Аналитические центры (Think Tanks) – это публичные организации, осуществляющие исследовательскую, прогнозную и консультационную деятельность по государственным, коммерческим или некоммерческим контрактам, преимущественно в области политического производства и оценки результатов и возможных последствий политических решений»².

Согласно «Атласу аналитических центров «Большой Евразии» (Т. 1)³, в 2022 г. в Киргизии находилось 24 аналитических центра (АЦ), большая часть которых относилась к негосударственным организациям (НГО), т.е. к действующим в определенной организационно-правовой форме группам интересов или организационно и финансово независимым от государства некоммерче-

¹ Макгант Дж. Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров за 2015 год // Программа «Аналитические центры и гражданское общество» Института Лодера при Университете Пенсильвании. – 2016. – URL: https://carnegieeinowment.org/files/Global_Think%20 Tank%20 Rating%202015%20 RUS.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

² Данный термин был применен Cabar.Asia в публикации «Аналитические центры в Центральной Азии: между наукой, обществом и властью»: URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/05/Policy-Brief_ru_web.pdf.

³ Атлас аналитических центров «Большой Евразии». Т. 1. М: ИНИОН РАН, 2022. – 340 с. – URL: https://www.researchgate.net/publication/365409294_Greater_Eurasia_Think_Tanks_Directory

ским организациям, имеющим в качестве цели деятельности оказание экспертного, консультационного и иного содействия процессу принятия политических решений¹.

НГО относятся к субъектам, не наделенным властными полномочиями, институционально не встроенным в систему государственного управления, лишенным реальной возможности эффективной коммуникации с государством в целях транслирования тех своих интересов и потребностей, которые требуют решения в процессе государственного управления.

В Киргизии «мозговые центры» – НГО в численном отношении в разы превосходят государственные и университетские (т.е. созданные при университетах) АЦ: 14 против трех и шести, соответственно.

Аналитические центры Киргизии

Распределение по категориям (2023)		
Государственный	НГО	Университетский
Национальный институт стратегических исследований; Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР; Дип. академия Министерства иностранных дел им. Казы Дикамбаева (ЦАМО ДА МИД КР).	Фонд поддержки образовательных инициатив; Экологическое движение «БИОМ»; Институт политики развития, Центральноазиатский барометр; Полис Азия, Центр анализа политики здравоохранения; SIAR; «Разумные решения»; Институт развития молодежи; «Институт оценки развития»; М-Вектор, Центр политico-правовых исследований; Центр религиоведческих исследований; Региональный институт Центральной Азии.	Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП, КРСУ); ORASAM (КТУ «Манас»); Лаборатория Социальных Инноваций Киргизии (SILK, АУЦА); Silk Road Research Center (Международный университет Ала-Тоо); Институт гос. политики и администрации (УЦА); Центр изучения окружающей среды и развития (АУЦА).

К примеру, в Казахстане численный разрыв между различными категориями «фабрик мысли» не столь велик: 17 НГО против девяти государственных и двух университетских². В Узбекистане и Таджикистане имеется по шесть НГО, но количество государственных и университетских АЦ, которые (в данном случае для удобства подсчета) объединены нами в категорию госу-

¹ Вилисов М.В. Участие негосударственных организаций в процессе принятия политических решений: автореф. дис. на соиск. степ. к. полит. н.: М., 2004, С. 23.

² Кудаяров К.А. Аналитические центры Казахстана и Узбекистана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 60–72.

дарственных, несколько разнится, составляя соответственно три и семь «фабрик мысли» в двух республиках¹.

АЦ-НГО работают в таких областях исследований, как политические и социально-экономические процессы, развитие демократических свобод, право, образование, гендерные вопросы и т.д. Сетевых НГО (т.е. НГО, имеющих разветвленную сеть филиалов и представительств в различных геолокациях: странах и регионах) всего два – Центральноазиатский барометр и М-Вектор.

В Киргизии деятельность НГО зависит от наличия постоянного внешнего финансирования (так как «доноры» являются всегда зарубежными, например, Фонд Сороса в Киргизии), целесообразность которого в свою очередь определяется самой спонсируемой стороной и может не зависеть от позиции или статуса самого АЦ-НГО. (В данной работе мы не затрагиваем данный аспект.) Неопределенность в получении финансирования (зависящая от того, выиграет ли АЦ тендер / конкурс / грант для осуществления какого-либо проекта), определяет функционирование «фабрик мысли» республики, динамика деятельности которых может значительно меняться от года к году.

Основные международные организации и доноры пришли в Киргизию со своим мандатом и своими приоритетами. Поэтому развитие сектора НПО / НГО, как и его финансирование, во многом зависело от тех сфер, которые поддерживаются тем или иным донором. Точная статистика финансовых потоков в неправительственный сектор в Киргизии отсутствует. Вопрос гармонизации донорской помощи стоял на повестке дня в течение многих лет, но до сих пор окончательно не разрешен. По оценкам независимых экспертов, около 40% финансирования НПО направляется на правозащитную тематику, около 25 – на охрану здоровья, 20% – на образование. Оставшаяся часть финансирования (5%) связана с гендерными вопросами, защитой экологии и проведением социологических исследований².

Основными донорами АЦ в Киргизии являются: Фонд им. Ф. Эберта, Фонд им. К. Аденауэра, USAID, Посольство США в

¹ Кудаяров К.А. Аналитические центры Таджикистана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 4. – С. 52–69.

² Краткий обзор гражданского общества в Кыргызской Республике / Постоянное представительство АБР в Кыргызской Республике, Бишкек, ноябрь 2011. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf>

Киргизии, Фонд Сороса в Киргизии, Национальный демократический институт, ЕС, структуры ООН, АБР и др. Их деятельность видна практически везде, начиная от финансовой поддержки выпуска периодических изданий государственных учреждений и АЦ (например, при Дипломатической академии МИД Киргизии) и заканчивая финансированием проектов различных НГО.

Большую роль играет спектр оказываемых услуг «фабрик мысли», влияющий на количественный и временной показатели притока финансовых средств. В качестве примера можно привести АЦ «Центральноазиатский барометр», имеющий различные источники финансирования (исследовательские гранты; продажа подписок на результаты опроса общественного мнения; опросы; проведение эмпирических и социологических исследований в качестве подрядчика)¹. Среди относительно финансово стабильных негосударственных АЦ стоит отметить также Институт политики развития, Экологическое движение БИОМ, «М-Вектор» и некоторые другие «фабрики мысли», которые практически всегда востребованы на местном и региональном рынках аналитики.

Отсутствие финансовой стабильности и в силу этого шаткое положение НГО, время от времени вынужденных приостанавливать свою деятельность на неопределенный период либо полностью прекращать свою работу, – явление нередкое. К их числу можно отнести Институт публичной политики (Institute for Public Policy), прекративший свою деятельность в 2014 г.; Институт региональных исследований (Institute for Regional Studies), закрывшийся в 2016 г.; Фонд поддержки образовательных инициатив, практически простоявший из-за отсутствия крупных заказов и ряд других организаций.

На данный момент (по неизвестным для нас причинам) приостановлена работа сетевого «think tank» – Центра социально-экономических исследований в Киргизии (CASE).

Те аналитические центры, которым удается продержаться «на плаву», имеют относительно небольшой штат постоянных сотрудников, который может временно увеличиться при получении крупных заказов на аналитическую продукцию. В такие периоды привлекаются эксперты из различных академических, универси-

¹ Как финансируется Центральноазиатский Барометр? // Сайт НКО «Центральноазиатский барометр». – URL: <https://ca-barometer.org/ru/funding> (дата обращения: 12.03.2023).

тетских и государственных учреждений, как правило имеющих опыт работы в подобных организациях.

Краткая история развития аналитических центров Киргизии

Историю развития аналитической индустрии в Киргизии условно можно разделить на четыре периода или этапа: 1993–2000, 2001–2010, 2011–2014 и 2015–2023 гг.

Первый этап связан с установлением контактов Киргизии с внешним миром, приходом в республику в 1993 г. Фонда Сороса (раньше, чем в другие государства региона). С этого момента Фонд Сороса в Киргизии последовательно продолжает оказывать поддержку гражданским инициативам в самых различных направлениях, таких как правовые, образовательные и экономические реформы, поддержка СМИ, НПО и академических кругов, содействие инициативам в области публичной политики, здравоохранения, культуры. Для финансирования этих инициатив по линии Фонда в страну за истекший период времени безвозмездно поступило 111,45 млн долл.¹, что больше, чем расходы Фонда в других республиках региона (Казахстан – 100 млн долл.²; Таджикистан – более 70 млн (закрыт в 2022 г.); Узбекистан – 20 млн (закрыт в 2004 г.³.)).

1990-е годы являются временем зарождения НПО / НГО, в том числе и аналитических центров. Наиболее активный их рост приходится на вторую половину 1990-х годов. Это в немалой степени связано с тем, что Фонд Сороса в Киргизии полноценно засработал только после 1995 г. Уже в 1997 г. возникли такие АЦ, как «М-Вектор», Фонд поддержки образовательных инициатив (ФПОИ), Экологическое движение «БИОМ», которые пополнили число НПО / НГО, достигшее к концу 1997 г. 2201 организации. Этот период характеризуется как время либерализации экономики Киргизии, продвижения демократических ценностей, развития гражданского общества (по примеру западных стран). Западные

¹ О Фонде // Сайт Фонда «Сорос-Кыргызстан» (ФСК). – URL: https://soros.kg/home_ru/who-we-are/about-us/ (дата обращения: 18.03.2023).

² О нас // Сайт Фонда «Сорос-Казахстан». – URL: https://www.soros.kz/ru/about_us/soros_foundation_kazakhstan/ (дата обращения: 18.03.2023).

³ Узбекистан закрыл "Открытое общество" // Сайт газеты «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/468367> (дата обращения: 18.03.2023).

наблюдатели называли Киргизию «островком демократии» в Центральной Азии¹.

Второй период развития аналитической индустрии в республике приходится на 2000-е годы. Он не в последнюю очередь связан с событиями 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ними военной кампании НАТО в Афганистане. Внимание западных стран все больше начинает фокусироваться на государствах Центральной Азии, ставших на некоторое время важными логистическими цепочками, от которых зависело осуществление военной кампании Альянса в Афганистане. В это время в Центрально-Азиатском регионе начинается период появления новых НПО / НГО, а также государственных и университетских «мозговых центров» вдобавок к уже существовавшим на тот момент аналитическим центрам. Среди них такие «фабрики мысли», как общественное объединение «Институт оценки развития» (2001); Дипломатическая академия МИД КР (2001); Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП, 2003); Полис Азия (2007); Центр политico-правовых исследований (ЦППИ) (2007); общественное объединение «Институт политики развития» (2009); Центр анализа политики здравоохранения (2009); аналитический центр «Разумные решения» (2010) и др.

Со временем НПО / НГО стали выходить на политическую арену, участвовать в обсуждении вопросов общественно-политического и экономического развития страны. В результате проявленной активности со стороны гражданского сектора, в 2004 г. была принята Концепция сотрудничества между правительством и НПО, реализация которой легла на плечи самих НПО и их доноров. Усиление позиций НПО / НГО привело к попыткам со стороны государства ограничить их влияние в стране прежде всего путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов (с 2006 по 2022 г.). Результатом подобной политики стало частичное изменение дискурса «фабрик мысли» и некоторое переформатирование их деятельности. Они переключились с критического анализа принимаемых властями решений в различных секторах жизнедеятельности государства на нейтральные аспекты, не затрагивающие государственную внутреннюю и внешнюю политику. Тем не менее полагаем, что факт (очередного) избрания Киргизии в Совет

¹ Аскар Акаев: Элиты Кыргызстана должны жить мирно и действовать воедино в созидательных целях [Электронный ресурс] // Информационное агентство «24. kg». 2014. 10 ноября. URL: https://24.kg/biznes_info/1224_askar_akaev_elityi_kyrgyzstana_doljnyi_jit_mirno_i_deystvov/ (дата обращения: 8 февраля 2021).

по правам человека ООН на 2023–2025 гг.¹ внесет некоторые корректизы в деятельность НПО / НГО. Возможно, членство в Совете создаст юридические и моральные основания для активизации / развития аналитической индустрии в стране.

Третий период приходится на 2011–2014 гг. После очередной смены власти в Киргизии и последовавшего за ней межэтнического конфликта на Юге республики (2010) происходит очередное оживление НПО / НГО в республике, занимающихся вопросами социально-экономического и политического развития страны, реализацией миротворческих инициатив и вопросов миростроительства. Например, на этот период приходится активизация деятельности Института региональных исследований (Institute for Regional Studies, IFRS), Центра изучения мира в Киргизии (Peace Research Center of Kyrgyzstan, PRCK). Создаются такие «мозговые центры», как Институт развития молодежи (2011); Центр исследований Центральной Азии (2011); Институт государственной политики и администрации (2011); Центр религиоведческих исследований (2011); Центральноазиатский барометр (2012) и др.

Не вполне ясно, по каким причинам происходит спад активности АЦ к концу 2014 г. В geopolитическом плане на этот период приходится уход США из региона, выразившийся в виде вывода авиабазы Соединенных Штатов с территории Киргизии (2014), что могло явиться причиной «затухания» ряда «фабрик мысли» в республике из-за прекращения финансирования. Однако продолжающееся увеличение количества НПО в Киргизии с 21 797 в 2014 г. до 23 859 в 2017 г. заставляет усомниться в этом.

В последующие годы (2015–2023) АЦ-НГО в Киргизии практически не создаются (в отличие от Казахстана и Узбекистана), а многие из существующих «мозговых центров» начинают испытывать нехватку финансирования. Это происходит несмотря на расширение деятельности Фонда Сороса в Киргизии, который с 2021 г. пополнился двумя новыми программами: демократическое управление; искусство и культура². По мнению ряда экспертов

¹ Кыргызская Республика избрана в Совет по правам человека ООН на период 2023–2025 гг. // Сайт Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. – URL: <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menu/press-slushba/novosti/kyrgyzskaya-respublika-vyigrala-vybory-v-sovet-on-po-pravam-cheloveka-na-2023-2025-gody> (дата обращения: 18.03.2023).

² Годовой отчет 2021 // Сайт Фонда «Сорос-Кыргызстан». – URL: <https://soros.kg/wp-content/uploads/2022/03/fsk-report-2021.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).

Киргизии, это объясняется увеличением сотрудничества внешних доноров напрямую с государственными структурами, которое впоследствии стало более приоритетным, нежели партнерство с НГО.

Таким образом, развитие аналитических центров поначалу было связано с открытостью страны и провозглашением демократических принципов развития. В последующие годы значительная «подпитка» аналитической индустрии Киргизии во многом стала возможна благодаря росту геополитической значимости Центральной Азии. В Киргизию (как и другие государства региона) начинают активно проникать западные НКО, стимулирующие открытие ряда АЦ. Следующий и весьма непродолжительный период расцвета / роста АЦ, возможно, связан как с выводом американского воинского контингента из Киргизии и закрытием Центра транзитных перевозок им. П. Ганси (о чем упоминалось ранее), так и с тем фактом, что западные НПО к этому времени перешли от сотрудничества с НГО Киргизии к тесному взаимодействию с государственными учреждениями. Это способствовало увеличению эффективности работы внешних доноров, поскольку давало возможность работать с государством без посредников. В связи с этим потребность в НГО стала уменьшаться, что во многом объясняет тот факт, что в период после 2014 г. в республике появился лишь один новый аналитический центр. Необходимо отметить и то, что тесное взаимодействие государства и внешних доноров в реализации различных проектов напрямую способствовало уменьшению недоверия первого к деятельности вторых, поскольку отныне государство являлось не сторонним наблюдателем, а одним из участников этого партнерства.

Как видно из таблицы аналитических центров Киргизии, аналитическая индустрия республики представлена тремя категориями: НГО, государственные и университетские. При этом негосударственные организации включают четыре «фабрики мысли» при частных вузах республики: при Американском университете в Центральной Азии (АУЦА – два АЦ); Университете Центральной Азии (УЦА, спонсируемом Фондом Агахана IV, – один АЦ) и Международном университете «Ала-Тоо», аффилиированном с движением Фетхуллаха Гюлена «Хизмет» (один АЦ).

Также имеются два межгосударственных университетских АЦ: при Киргизско-Российском Славянском университете (Институт стратегического анализа и прогноза) и при Киргизско-Турецком университете «Манас» (Центр исследований Центральной Азии / Orta Asya Araştırmaları Merkezi (ORASAM)).

На наш взгляд, университетские аналитические центры отличаются стабильным финансированием и относительно постоянным штатом сотрудников, о чем свидетельствуют регулярно публикуемые аналитические материалы, пресс-релизы и многое другое. «Нахождение при вузе» обеспечивает аналитический центр большим выбором потенциальных экспертов, способных в случае необходимости легко включиться в работу центра. Бюджеты частных вузов республики в некоторой степени формируются благодаря их ориентации на предоставление образовательных услуг, стоящих гораздо дороже средней стоимости за обучение в государственных вузах. Большую (если не основную) роль в формировании бюджетов данной категории вузов играет донорская помощь. Например, число организаций – доноров АУЦА составляет порядка 30 организаций¹.

Государственные «think tanks» представлены тремя организациями: Национальным институтом стратегических исследований при Президенте КР (НИСИ); Центром анализа международных отношений при Дипломатической академии МИД КР; Центром исследований религиозной ситуации при Государственной комиссии по делам религий Киргизии.

По словам самих экспертов «фабрик мысли» Киргизии, до недавнего времени государственные АЦ отличались слабым финансированием. Низкая заработка приводила к кадровой «текучке», которая, в свою очередь, затрудняла профессиональную коммуникацию между опытными сотрудниками организаций и их новоприбывшими коллегами и говорила об отсутствии эффективной кадровой политики. Однако с прошлого года наметилось некоторое улучшение финансирования государственных аналитических центров, стали повышаться зарплаты экспертов и улучшаться условия труда.

НИСИ является ведущим государственным АЦ, занимающимся анализом социально-экономических и политических процессов республиканского, регионального и глобального масштаба, разъяснением государственной политики в различных секторах жизнедеятельности Киргизии. Поскольку, как говорилось выше, деятельность международных доноров и партнеров перешла от партнерства с местными НГО к партнерству с государством, уместно предположить, что НИСИ и другие немногочисленные госу-

¹ Доноры // Сайт Американского университета в Центральной Азии. – URL: <https://www.auca.kg/ru/donors/> (дата обращения: 18.03.2023).

дарственные АЦ и ведомства Киргизии получают финансирование как из каналов глобальных организаций и учреждений, наподобие ООН (МОМ ООН, ПРООН, ВПП ООН и др.), так и других международных, региональных государственных и частных НКО и НПО. Не является исключением и финансирование по линии правительства различных стран. Растет количество реализованных ими аналитических и оценочных проектов. При этом относительно небольшой процент их приходится на АЦ в сравнении с ведомственными структурами республики.

По просьбе правительства Киргизии осуществлено немало проектов, подготовлено большое количество аналитических материалов, выполненных иностранными правительственными и неправительственными организациями (Natural Resource Governance Institute, USAID, UKAID, Программный офис ОБСЕ в Бишкеке, Азиатский банк развития, Всемирный банк, Boston Consulting Group, Международный деловой совет, Германское общество по международному сотрудничеству, ЕС и т.д.).

Обзор «фабрик мысли» Киргизии показал, что в местной аналитической индустрии численно превалируют НГО. Однако наметившаяся с 2006 г. тенденция к усилению государственного контроля за деятельностью НПО / НГО привела к некоторому сдвигу поля исследований аналитических центров-НГО с особенно значимых для государства и неоднозначных тем (например, безопасности или актуальных политических процессов) в сторону анализа «нейтральных» и менее болезненных для руководства страны тематик.

Возможно, это явилось одной из причин, по которым изменились предпочтения доноров, стремящихся в последние годы работать непосредственно с государственными учреждениями и АЦ. В результате этой политики мы наблюдаем кризисный для НГО-АЦ период, когда даже сильные в экспертном отношении и опытные организации прекращают свою деятельность в связи с отсутствием должного финансирования.

Несмотря на сохраняющуюся слабость государственных «мозговых центров», полагаем, что их научно-методологический и экспертный потенциал будет возрастать благодаря помощи внешних доноров (под которыми мы понимаем все без исключения категории иностранных организаций, осуществляющих финансирование аналитических проектов).

Статья поступила в редакцию 22.03.2023.

Принята к публикации 31.03.2023.

Kudayarov K.A.

“Thought Factories” in Modern Kyrgyzstan

Kanybek A. Kudayarov,

PhD(History), Research Associate,
Center for Interdisciplinary Research,
INION,
e-mail: kana8306@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to an overview of various categories of analytical centers in Kyrgyzstan. The author describes the history of the development of the analytical industry in the republic over the past three decades (1993–2023), notes the role of NGOs in the life of the state. Some features of each of the categories of analytical centers are emphasized, as well as their dependence on external funding.

Keywords: analytical centers; Kyrgyzstan; Central Asia; NGOs; donors.

Дьяченко В.Г.*

**ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РАДИКАЛЬНОГО
ИСЛАМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРИЧИНЫ,
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПОДПИТКИ**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.05

Для цитирования: Дьяченко В.Г. Появление и развитие радикального исламистского движения в Центральной Азии: причины, внутренние и внешние факторы подпитки // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.05

Аннотация. В статье рассматриваются условия и причины возникновения радикального исламистского движения в Центральной Азии. Исторический экскурс с приведением статистических данных позволяет отследить траекторию развития идеологии радикального ислама на

* Дьяченко В.Г., эксперт Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: maxwellamanda@mail.ru

© Дьяченко В.Г., 2023

территории государств региона. На основе приведенной информации доказывается усиливающаяся активность деятельности радикальных организаций, движений и группировок. Также в статье описывается ряд внешних и внутренних факторов подпитки радикального исламистского движения в Центральной Азии, особое внимание уделяется его субъектам и инструментам их влияния. Воздействие факторов подпитки на религиозно-политическую ситуацию в странах региона продолжает оставаться актуальным по настоящее время.

Ключевые слова: ислам; радикальный ислам; Центральная Азия; международная безопасность; террористическая угроза; экстремизм.

Последняя треть XX – начало XXI в. ознаменовались для стран Центральной Азии столкновением с дестабилизирующей деятельностью радикальных исламских (исламистских) организаций, движений, группировок и режимов, которые в совокупности образуют радикальное исламистское движение.

В современной научной литературе, посвященной вопросам терроризма и экстремизма, можно встретить всевозможные трактовки понятия «исламский радикализм». В данной статье в качестве базового определения будет использоваться следующее: исламский радикализм – это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценостным закреплением идеологического, политico-миро-воздренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» – внешнему и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идеи) своих сторонников¹.

Вместе с тем следует отметить, что «радикальный ислам» нельзя отождествлять с исламом в целом или с направлениями ислама (шиизм, суннизм). Исламский радикализм представляет собой лишь сегмент гораздо более широкой тенденции, связанной с «реисламизацией» общества и политизацией мусульманской религиозной системы, т.е. крайнюю, политизированную часть ислама, всех его направлений, течений и толков. Учитывая это, исследование «исламского радикализма» и его крайних проявлений играет немаловажную роль в понимании ситуации, складывающейся в мусульманских регионах, ее причин и факторах подпитки.

¹ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва; Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. С. 29.

Современное радикальное исламское движение берет свое начало в Египте первой половины XIX в. Первоначально в противовес мощным тенденциям секуляризации, появившимся после распада Османской империи, шейхом Хасаном аль-Банной в 1929 г. была основана ассоциация «Братья-мусульмане». Позже ее филиалы образовались во многих других регионах, а также появились другие организации идентичной направленности¹. Во второй половине XX в. и особенно в 70–90-х годах наблюдается одновременная активизация религиозно-политических движений радикальной направленности в странах мусульманского ареала. На сегодняшний день радикальное исламистское движение в определенной мере стало реальностью большинства мусульманских стран.

При исследовании современной религиозной ситуации становится очевидным, что радикальный исламизм (религиозно-политический экстремизм) появился в Центрально-Азиатском регионе в начале 90-х годов XX в. и изначально распространялся из южных городов Киргизии (Ош, Ферганская область) под влиянием социальных и географических факторов, затронув ближайшие республики – Таджикистан и Узбекистан².

С середины 1990-х годов в регионе развернула свою деятельность «Исламская партия освобождения» (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами), которая ставила своей целью видоизменение конституционного строя и светского характера государственности стран Центральной Азии. Основными задачами партии являлись установление халифата и шариата, что должно было контролировать духовную, экономическую, политическую и другие сферы жизни общества.

В этих целях партия вела активную вербовочную работу среди сотрудников органов законодательной и исполнительной власти (в том числе и сотрудников правоохранительных органов), представителей исламского духовенства, а также лиц, оказывающих влияние на общественное мнение (писателей, журналистов,

¹ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва; Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. С. 37–60.

² Синиченко В.В., Аграфонов М.Ю. Развитие исламского радикализма в Средней Азии как одна из угроз безопасности Российской Федерации в XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-islamskogo-radikalizma-v-sredneye-azii-kak-odna-iz-ugroz-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-v-hhi-v> (дата обращения: 10.11.2022).

видных общественных и политических деятелей, руководителей политических партий и др.)¹.

На территории Киргизии до сих пор активно действует «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)², основанное в 1990-х годах и осуществлявшее теракты в этой республике. Несмотря на то что в 2001 г. группа была ликвидирована во время вторжения США в Афганистан, по мнению исследователей и некоторых экспертов, у нее есть потенциал вновь «выйти в свет» и создать настоящую угрозу для региона.

«Хизб ут-Тахрир» является самой популярной исламистской организацией в Киргизии³. Как и ИДУ, «Хизб ут-Тахрир» намерена создать исламскую систему управления во всем регионе. Несмотря на официальное заявление группы о ненасилии, многие региональные эксперты считают, что «Хизб ут-Тахрир» поддерживает насильтственные методы для осуществления политических изменений. Особенно это тревожно для Киргизии, потому что этнические узбеки стали ядром ячеек «хизбовцев». Известно, что наряду с беднейшими членами общества некоторые узбекские предприниматели и торговцы, профессионалы, студенты университетов и активисты НПО принадлежат к данной организации⁴.

Отмечается так называемая эволюция исламских организаций, партий, объединений. Как отмечает известный российский востоковед И.Д. Звягельская, «в начале 1990-х годов они лишь зарождались и пробовали свои силы, позже они стали частью политического ландшафта в государствах Центральной Азии, за редким исключением – частью нелегальной»⁵. И таких организаций очень много в регионе. В качестве основных можно выделить уже упо-

¹ Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

² Информационный портал «Sputnik Таджикистан & Sputnik Узбекистан». URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/multimedia/20171211/7041520/Religioznyi-ekstremizm.htm> (дата обращения: 06.11.2022).

³ Информационный портал «Sputnik Таджикистан & Sputnik Узбекистан». URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/multimedia/20171211/7041520/Religioznyi-ekstremizm.htm> (дата обращения: 06.11.2022).

⁴ Сафарова Ганджина Фаридуновна. Эволюция исламского экстремизма в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-islamskogo-ekstremizma-v-stranah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 10.11.2022).

⁵ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.

минавшиеся выше «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партию исламского освобождения), Союз исламского джихада, а в последнее время и «Исламское государство» (ИГ). В странах Центральной Азии действует и такая разветвленная структура, как «Братья-мусульмане», которая, как известно, представляет собой сеть самостоятельных ячеек, имеющихшихся в странах Центральной Азии под разными названиями – «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва» и др. В основном подобные структуры действуют в Казахстане, Киргизии и Таджикистане¹. Есть еще Центр исламского развития, «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») и др.²

Согласно актуальной статистике, с каждым годом в странах Центральной Азии растет количество преступлений религиозно-экстремистского характера. Например, за первое полугодие 2013 г. сотрудниками МВД Киргизии зарегистрировано 160 таких преступлений, а годом ранее за этот же период совершено 140 преступлений, задержано около 130 человек. При этом 99% задерживаемых составляет молодежь³. В Таджикистане в 2012 г. к уголовной ответственности за религиозный экстремизм привлечены 150 человек⁴. Генеральный прокурор Таджикистана Юсуф Рахмон, выступая на пресс-конференции в 2021 г. в Душанбе, отметил рост преступлений экстремистского и террористического характера. В 2020 г. зарегистрировано 1118 преступлений экстремистской и террористической направленности, в то время как в 2019 г. этот же показатель был равен 1063⁵. В 2022 г., по данным МВД Узбеки-

¹ Терроризм в Центральной Азии // Экстремизм. ру. – 2006. – Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/baza-znaniy/item/53-terrorizm-v-sentralnoy-azii> (дата обращения: 15.11.2022).

² Малышев Д.В. Радикализация ислама в Центральной Азии и Запад // АПЕ. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizatsiya-islama-v-sentralnoy-azii-i-zapad> (дата обращения: 16.11.2022).

³ Бейшенбек кызы Э. Экстремисты переходят в цифровое пространство [Электронный ресурс] / Элеонора кызы Бейшенбек // Радио Азаттык: сайт. – URL: http://www.rus.azattykkg/content/kyrgyzstan_security_extremism/25036347.html (дата обращения: 05.11.2022).

⁴ Сокиев Б. Правительство Таджикистана озабочено ростом экстремизма в стране [Электронный ресурс] / Б. Сокиев // ЦентрАзия: сайт. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1375377480> (дата обращения: 10.11.2022).

⁵ В Таджикистане зафиксировали рост экстремизма и провокаций из-за рубежа. Date Views 11.11.2022 www.tj.sputniknews.ru/amp/20210203/tajikistan-rost-ekstremizma-provokatsiy-1032749885.html.

стана, в период с января по июнь властям удалось воспрепятствовать деятельности четырех группировок, связанных с такими организациями, как «Исламское государство» и «Катибат уль тавхид ва джихад». Было раскрыто более 10 «виртуальных группировок» и задержаны около 250 предполагаемых независимых вербовщиков в интернете. Директор Ташкентского центра изучения региональных угроз Виктор Михайлов отмечает, что 250 задержанных с начала 2022 г. – это немаленький показатель, если брать во внимание, что за весь 2021 г. были обнаружены 400 радикалов.

В Киргизии в период с 2010 по 2017 г. число осужденных за терроризм и религиозный экстремизм увеличилось более чем в 5 раз – с 79 до 422 человек. В 2018 г. статистика была такова: в КР отбывали наказание 558 человек, осужденных за преступления религиозно-экстремистского характера. Из них 16 приговорены к пожизненному лишению свободы. 96 таких преступников содержались в следственных изоляторах, 164 – в колониях строгого и особого режима, 206 – в колониях-поселениях, 92 – находились на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

В Казахстане за январь – июль 2021 г. зарегистрировали 139 правонарушений, связанных с экстремизмом и терроризмом, – на 19,8% больше, чем годом ранее. Для сравнения: за аналогичный период 2020 г. в стране зарегистрировали 116 таких правонарушений, минус 41,1% за год¹. Правоохранительные органы отмечают, что среди наиболее часто совершаемых видов правонарушений выделяются следующие: пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма, в том числе организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма.

МВД Туркменистана статистику зарегистрированных правонарушений не публикует².

Если брать во внимание приведенные статистические показатели по странам Центральной Азии, целесообразным видится внимательное рассмотрение причин и факторов подпитки ислами-

¹ В рейтинге самых миролюбивых стран Казахстан занял 67-е место из 163. Date Views 11.11.2022 www.finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-samyh-mirolyubivyh-stran-kazahstan-zanyal-67-e-mesto-iz-163.

² Бердымухамедов потребовал усилить борьбу с преступлениями. Date Views 11.11.2022 www.hronikatm.com/2021/07/crime-plummet/.

стского радикализма, напрямую повлиявшего на представленную статистику в изучаемом регионе.

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма объясняются набором негативных внутренних факторов, вынуждающих определить большую часть стран региона в категорию «хрупких» государств (fragile states). «Хрупкость» создает потенциал развала и появления «несостоявшихся государств» (failed states), которые не имеют возможности контролировать свою территорию. Именно такие государства представляют собой подходящую питательную среду для укоренения радикальных террористических группировок, наподобие «Исламского государства». Ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в The Fragile States Index, 2015¹.

Таблица 1

**Страны Центральной Азии
в Индекс «хрупкости государств»
(The Fragile States Index, 2015)²**

Страна	Узбекистан	Таджикистан	Киргизия	Туркменистан	Казахстан
Место в мире из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)	51/178	57 /178	62/178	78/178	110/178
Баллы (большее число баллов означает рост угрозы)	85.4	83.4	82.2	77.5	68.3
Категория	High Warning	High Warning	High Warning	Warning	Low Warning

Представленные показатели демонстрируют, что, согласно мнению экспертов, угроза дестабилизации ситуации во многих странах Центрально-Азиатского региона действительно существует. Также эти оценки свидетельствуют о некоторой разнице между странами региона, в частности, об особом положении Казахстана.

Среди факторов, способствующих «хрупкости государств» региона, можно обозначить, во-первых, большие объемы нарко-

¹ Казанцев А. 2016. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама. Россия в глобальной политике, Валдайские записки. Date Views 10.11.2022 www.globalaffairs.ru/articles/czentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama/

² <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015>

торговли по Северному маршруту транспортировки из Афганистана в Россию. Последняя является основным в мире потребителем афганского героина. При этом экспертам по безопасности хорошо известно, что доходы от наркоторговли часто используются для финансирования терроризма и религиозно-политического экстремизма¹. Наличие этой «связки» известно, например, по «Баткенской войне», так как вторжение ИДУ в Киргизию было связано, в том числе, с прокладкой маршрутов для торговли героином.

Вторым важным фактором, способствующим «хрупкости государств» и росту угрозы со стороны радикального исламизма, является большой показатель коррупции в Центрально-Азиатском регионе. Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, все страны региона расположены в самом конце списка.

Таблица 2

Центральноазиатские государства в Индексе восприятия коррупции²

Страна	Индекс восприятия коррупции		
	2012 год	2013 год	2014 год
Казахстан	133 / 174	140 / 177	126 / 175
Киргизия	154 / 174	150 / 177	136 / 175
Таджикистан	157 / 174	154 / 177	152 / 175
Туркменистан	170 / 174	168 / 177	169 / 175
Узбекистан	170 / 174	168 / 177	166 / 175

Третьим фактором «хрупкости» государств региона следует обозначить бедность. Страны региона (особенно части Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, расположенные в Ферганской долине) обладают немалым показателем аграрного перенаселения при существующем дефиците воды и плодородной земли. Это неизбежно ведет к безработице и появлению масс маргинализированной молодежи, которая очень легко поддается «обработке» радикалами. Проблема усиливается из-за регресса в созданных в советское время системах социального обеспечения, образования и медицины. Трудовая миграция в Россию была одним из важных клапанов, предотвращавших социальный взрыв. Однако девальва-

¹ US Drug Enforcement Administration DEA Congressional Testimony – “Narco-Terrorism: International Drug Trafficking and Terrorism – a Dangerous Mix”, <http://www.justice.gov/dea/pubs/cngrtest/ct052003.html>, Accessed August 9, 2012.

² www.transparency.org/research/cpi/overview

ция рубля в 2014–2015 гг., а также сокращение спроса на рабочую силу в РФ привели к резкому истощению этого источника доходов населения, что закономерно привело к опасному обострению ситуации, особенно в Таджикистане.

Рост бедности наблюдается на фоне тенденции социально-экономической «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26% от общей численности населения¹, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлением «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

Четвертым кризисным фактором, угрожающим государственности стран региона, является проблема наличия так называемых персонализированных режимов султанистского типа², существующих на фоне клановых систем, определяющих внутриэлитные сетевые конфигурации³.

Ко всему вышеперечисленному можно добавить наличие серьезных межгосударственных конфликтов из-за водных ресурсов между расположенными выше (Таджикистан, Киргизия) и ниже (Узбекистан, в меньшей степени Туркменистан и Казахстан) по течению рек странами. Эти конфликты мешают партнерству стран Центрально-Азиатского региона, в особенности их противостоянию угрозам безопасности.

Одновременно влиятельные великие державы (Россия, США, Китай, ЕС, исламские страны) вовлечены в «Новую Большую игру»⁴ за влияние в регионе. Конфликты между их интересами могут вызвать рост угроз безопасности или же нейтрализовать их усилия по помощи странам региона в преодолении всевозможных вызовов.

Описанные выше внешние угрозы из Афганистана и Ближнего Востока, связанные с радикальным исламом, а также резко обост-

¹ www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html

² Sultanistic Regimes / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.

³ Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.

⁴ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии, 2008.

ряющие внутренние проблемы ряда стран региона, указывают на то, что государства Центральной Азии переживают на данный момент определенный кризис. Перспективы преодоления этого кризиса разнятся по странам региона и во многом обуславливаются спецификой взаимодействия государственных структур и религии ислам.

Зарождению и развитию исламского экстремизма в Центральной Азии способствовал целый комплекс внешних факторов, влияние которых на религиозно-политическую ситуацию в странах региона продолжает оставаться актуальным по настоящее время¹.

Появившийся сразу после распада Советского Союза идейный вакуум в государствах Центральной Азии начал заполняться идеологическим влиянием Ирана, Турции, государств Персидского залива, а также Афганистана, Пакистана и других мусульманских стран, имевших намерения по созданию своих политических и экономических позиций в новых независимых государствах. В тех условиях иностранное проникновение в религию вновь образованных государств соответствовало экономическим и политическим интересам локальных элит и настроениям мусульманского населения.

Зарубежное влияние осуществлялось в основном через оказание финансовой помощи при строительстве и обустройстве объектов мусульманского культа, обучение религии, распространение религиозной литературы и прямой проповеднической деятельности зарубежных эмиссаров.

В странах региона происходил неконтролируемый рост количества культовых исламских учреждений, в том числе так называемых «частных» мечетей, медресе и иных исламских культурных и образовательных центров. Проповеди и преподавание в них проходили в соответствии с религиозными и политическими предпочтениями зарубежных и местных спонсоров. Достаточно быстро количество построек стало превышать число образованных исламских священнослужителей. Во многих случаях на служение в них приходили лица, не обладавшие глубокими познаниями в исламе. Обычно они были не в состоянии разобраться в тонкостях исламского богословия.

Росло число молодых людей, получивших религиозное образование в зарубежных исламских учебных заведениях (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Пакистан, Египет и др.).

¹ Добаев И.П. Геополитика и геополитические процессы в Черноморско-Каспийском регионе. Ростов н/Дону: Фонд науки и образования, 2022. С. 148–160.

Часть подобных учебных центров строит свою образовательную деятельность с ориентацией на идеи радикального ислама¹. В процессе обучения студенты «впитывали» отличные от традиционного для стран Центральной Азии ислама религиозные взгляды и ценности. Часто случалось их попадание под влияние эмиссаров и миссионеров зарубежных радикальных исламских организаций. В последнем десятилетии прошлого века в страны ЦА из-за рубежа стала проникать идеология исламизма (политизированного ислама), по большей части экстремистской направленности. Появлению пропагандистов международных исламских экстремистских организаций помогала прозрачность государственных границ, непосредственная географическая близкая расположленность к нестабильным странам и регионам, где, в свою очередь, довольно крепки позиции радикального ислама, – Афганистан, Пакистан и др.

В это время в Центральной Азии стала проявляться деятельность представителей таких международных исламских организаций, как «Тайба», «Комитет мусульман Азии» и др. Большинство из них под прикрытием миссионерства распространяло идеи радикального ислама. Ровно в то же время начала отмечаться активная организационная и пропагандистская деятельность международных и региональных исламских экстремистских и террористических организаций («Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Исламское движение Узбекистана» и др.), а также большого количества радикальных группировок, в том числе салафитской (ваххабитской) направленности.

Начиная с 2000 г. ситуация приняла чрезвычайный характер. Правоохранительными органами стран Центральной Азии изымались в огромном количестве экстремистские материалы – в основном произведения Сейида Кутба (главный идеолог египетских «Братьев-мусульман»), экземпляры арабского журнала Аль-Вайй, переведенные на местные языки произведения Таки ад-Дина ан-Набахани (основатель «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), брошюры и листовки этой партии.

В это же время берет свое начало переход экстремистов от пропагандистских методов работы к целенаправленной организационной деятельности, главным образом при поддержке международных исламских экстремистских организаций. Вовремя восполь-

¹ Добаев И.П. Ислам и исламизм в современном мире. Ростов н/Дону: Фонд науки и образования, 2021. С. 80–96.

здавшись просчетами руководителей стран Центральной Азии в проведении политики исламизации, экстремисты стали оказывать непосредственное морально-психологическое давление на власти, невзирая на то, что во многих странах они были запрещены.

Отдельные группы исламских экстремистов в Центральной Азии, в первую очередь «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», в этот период пользовались открытой политической поддержкой стран Евросоюза и завуалированной – со стороны США. К этому следует добавить, что Соединенные Штаты Америки оказывали негласную поддержку ИДУ, некоторым другим группам исламской оппозиции¹.

Подводя итоги, можно отметить следующее: за годы независимого развития государства Центральной Азии столкнулись и продолжают сталкиваться, хотя и в разной степени, с деятельностью исламских радикалов, которая подпитывается изнутри коррупцией, бедностью, наркоторговлей и иностранным влиянием извне. Статистика, приведенная за последнее десятилетие, свидетельствует о необходимости пристального изучения причин и факторов подпитки радикального исламистского движения для более эффективной борьбы с экстремистами как внутри региона, так и за его пределами.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023.

Принята к публикации 04.04.2023.

Dyachenko V.G.

**The Emergence and Development
of the Radical Islamist Movement in Central Asia:
Causes, Internal and External Factors of Feeding**

Valeria G. Dyachenko,

Expert of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: maxwellamanda@mail.ru

Abstract. The article concentrates on the conditions and causes of the emergence of the radical Islamist movement in Central Asia. A historical

¹ США стремятся контролировать Узбекистан, используя исламских радикалов (материалы международной конференции «Евразия: новые угрозы и вызовы», 24.12.2012) // Интернет- издание «Regnum.ru», 25.12.2012.

digression with statistical data allows you to track the trajectory of the ideology of radical Islam development on the territory of the states of the region. The increasing activity of radical organizations, movements and groupings is proved on the basis of the information provided. The article also describes a number of external and internal factors fueling the radical Islamist movement in Central Asia, special attention is paid to its subjects and instruments of their influence. The impact of feeding factors on the religious and political situation in the countries of the region continues to be relevant to the present.

Keywords: Islam; radical Islam; Central Asia; international security; terrorist threat; extremism.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

**Бибикова О.П.*
«НЕГРАЖДАНЕ» В СТРАНАХ
АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.06

Для цитирования: Бибикова О.П. «Неграждане» в странах Аравийского полуострова // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.06

Аннотация. Страны Аравийского полуострова являются молодыми государствами, в которых до сих не полностью осуществлены мероприятия, формирующие государственные институты (проведение границ, перепись населения, законодательные акты и др.). Огромные доходы от добычи и продажи нефти и газа позволяют правителям этих государств нанимать рабочую силу за границей, приумножая за их счет свои богатства. Эти средства позволяют части коренного населения, обладающего политическими правами, вести образ жизни рантъе, не участвуя в экономической жизни. Одновременно есть отдельная категория коренного населения («неграждане»), которые, будучи местными уроженцами, не имеют гражданских прав. Получение гражданства для них осложнено трудновыполнимыми условиями.

Ключевые слова: бидуны; неграждане; апатриды; гастарбайтеры; натурализация; депортация; *Jus soli, Jus sanguinis*.

Слово «неграждане» вошло российский бытовой лексикон недавно, после того, как в Латвии был принят закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих ни латвийского, ни другого

* Бибикова О.П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Редакции журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках ИНИОН РАН, e-mail: olbibikova@mail.ru

гражданства». При этом в эту категорию могут попасть даже те, кто родился в этой стране. В Латвии, почти треть населения – около 700 тыс. русскоязычных – получила статус «неграждан». Русскоязычные жители страны были лишены избирательных прав, исключены из приватизационных программ, русский язык и образование на нем искоренялись¹. Однако оказалось, что в других странах тоже есть аналогичная категория населения.

В 2006 г. Верховный комиссар ООН по делам беженцев представил доклад, согласно которому проблемы неграждан затрагивают 3% населения планеты, или 175 млн человек².

Согласно общепринятыму определению, «гражданство – правовая связь человека и государства, выражаясь в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности»³.

В 1954 г. в ООН была принята Конвенция о статусе неграждан (иначе апатридов) – *Conventions des Nations Unies sur l'apatriodie*, которая установила минимальные стандарты взаимоотношений государства и этой категории лиц, но ее подписали всего 66 стран. Конвенцию о сокращении безгражданства – *Convention sur la réduction des cas d'apatriodie* (1961) подписали и того меньше – 38 государств. С чем это связано? С нежеланием брать на себя ответственность и расходы по заботе об этих людях. По состоянию на сентябрь 2018 г. только 75 государств ратифицировали конвенцию⁴.

В категорию неграждан в первую очередь входят беженцы. Отметим сразу близость понятий «беженцы» и «мигранты». Согласно документам ООН (Конвенция 1951 г.⁵), беженцы (от

¹ на WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27472/4678300/> (дата обращения: 24.12.2022).

² Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев – Википедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/Управление_Верховного_комиссара_ООН_по_делам_беженцев (дата обращения: 24.12.2022).

³ Гражданство – Википедия // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданство> (дата обращения: 24.12.2022).

⁴ На территории РФ проживают ок. 50 тыс. апатридов, которые реально лишены большинства фундаментальных человеческих прав. См.: 50 лет Конвенции о сокращении безгражданства // <https://helier59.livejournal.com/103488.html> (дата обращения: 12.01.2023).

⁵ Принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г. Документы ООН предусматривают некоторые права для тех, кто считается беженцем, мигранты не имеют таких прав. Беженцы защищены от депортации или возвращения в ситуации, которые могут угрожать их жизни. Они должны получить доступ к социальным

слова *убежище*) – это лица, покинувшие свою страну в силу чрезвычайных обстоятельств. Спасая свою жизнь, они переходят только одну границу. Если беженец продолжит свой путь, то он уже мигрант – политический или экономический. То есть, если человек перебрался в другую страну, исходя из экономических интересов, а не в результате каких-то катализмов, угрожающих его жизни, или политических взглядов, то он является экономическим мигрантом. В противном случае, если он претендует на статус политического беженца, он должен представить доказательства того, что он преследуем в своей стране по политическим мотивам. В любом случае, получение гражданства новой страны требует времени, и человек в течение какого-то периода получает статус неграждан (категория «ищущие гражданство»). Это объясняет поведение тех, кто в 2015 г. стартовал в Турции и, в стремлении получить статус беженца в Германии, Швеции или Великобритании, пересек несколько границ.

К негражданам условно можно отнести беженцев, мигрантов, гастарбайтеров. Но особый интерес представляет положение людей, которые не имеют гражданства в стране, где они родились. Предваряя наш анализ, отметим, что негражданство (или безгражданство) часто возникает в результате намеренных действий правительства, стремящихся по разным причинам игнорировать часть жителей, не учитывая их при переписи населения, хотя они имеют право на проживание и правовую защиту в стране.

Безгражданство может передаваться по наследству, несмотря на то, что Конвенция ООН по правам ребенка и Международный пакт о гражданских и политических правах прямо предусматривают, что у детей есть право приобретать гражданство. Чаще всего это происходит в странах, где гражданство определяется «по крови».

Существует два типа получения гражданства: «по почве» – *Jus soli* (например, в США место рождения определяет гражданство) или «по крови» – *Jus sanguinis*, т.е. по гражданству родителей. Чаще всего по гражданству отца (Сирия и Ливан). Допускается и по гражданству обоих или одного из родителей (Турция, РФ).

В перечень стран, не подписавших конвенцию, но где есть проблема безгражданства, входят следующие арабские страны:

услугам и интегрироваться в общество своей новой страны. Мигранты подпадают под действие иммиграционных законов и процедур страны и могут быть выдворены или депортированы обратно на родину.

Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ, Кувейт, Катар, Иордания, Ливан, Ирак и Сирия. В Сирии и Ираке до сих пор идут военные действия, поэтому достоверные данные о количестве неграждан отсутствуют.

В арабских странах таких людей называют БИДУН. «Бидун» – сокращение от بدون جنسية (bidūn jinsiyya), что в переводе с арабского означает «не имеющий гражданства». Традиционно используется только первая часть этого выражения – «бидун», состоящая из двух предлогов «би» – с и «дун» – без (те, у которых нет гражданства).

АРАВИЙСКИЕ МОНАРХИИ

Кувейт

В этой стране проживает самое большое число неграждан на Аравийском полуострове. Большинство из них принадлежат к северным племенам, в основном к племенной конфедерации Аль-Мунтафик. Еще до обретения независимости в 1959 г., в эмиратах был принят «Закон о гражданстве», который требовал от соискателя гражданства подтвердить свое постоянное проживание в эмиратах на 1920 г. Эти люди получали гражданство первой степени. Тем, кто мог доказать свое непрерывное проживание в стране (с 1945 г. – для арабов или с 1930 г. для неарабов), предоставлялось гражданство второй степени, без политических прав.

В период между 1959 и 1965 гг. были созданы четыре комитета по гражданству, которые могли принимать решения о его предоставлении. В то время допускались устные доказательства от уважаемых людей. Однако они носили субъективный характер, из-за чего процедура затягивалась. Кроме того, бедуины, живущие в пустыне, не были заранее оповещены о возможности получения гражданства или не осознавали его важность. Таким образом, для части населения Кувейта вопрос о гражданстве не решен до сих пор.

Согласно закону, «коренными кувейтянами» (أصيل / мн. ч. نأصيلو) являются потомки лиц, постоянно проживавших в Кувейте с 1899 г. Власти Кувейта пользуются этим обстоятельством, утверждая, что племена прибыли на территорию Кувейта слишком поздно, и не принимают во внимание то, что в тот период не было проведено специальной кампании по привлечению неоседлого населения к переписи. Действительно, в то время даже не было четко обозначенных границ между государствами. Кувейтско-саудовская

граница была окончательно установлена в ее нынешнем положении только в 1965 г.¹

Одновременно *бидунам* было предложено вступать в Вооруженные силы, полицию и службы безопасности. Дело в том, что для работы на низших уровнях этих структур не хватало коренных кувейтцев. В Вооруженных силах вербовка иностранцев была запрещена, поэтому Кувейт предпочел нанимать людей, заявления о гражданстве которых находились на рассмотрении.

До 1986 г. эти люди всё же надеялись на получение гражданства. Однако 29 декабря 1986 г. был подписан секретный документ, который позднее, в 2003 г., был опубликован оппозиционной кувейтской газетой «Аль-Талиа» («Авангард»). В нем *бидуны* вновь были классифицированы как «незаконные резиденты», что предполагало утрату даже тех льгот, которыми они пользовались, пока их статус оставался неопределенным. Характерно, что власти никогда его не опровергали.

Причины принятия этого закона были связаны с экономикой: низкие цены на нефть, последствия Ирано-Иракской войны (1980–1988) и вызванные ею перемещения населения.

Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. усугубило положение соискателей кувейтского гражданства, поскольку именно из числа *бидунов* была сформирована армия. Как известно, кувейтская армия потерпела поражение, и страну от оккупации иракской армии спасла международная коалиция.

После войны в Кувейте была развернута кампания против военных, в частности, против *бидунов*, которых называли «предателями». Была поставлена под сомнение их верность правящей династии. Вместе с ними острокизму подверглись и палестинцы, которые в результате были депортированы из страны. Последнее объясняется тем, что, начиная вторжение в Кувейт, С. Хусейн заявил, что он борется за справедливость, пытается вернуть земли, некогда бывшие частью Ирака, а второй его целью является освобождение оккупированных Израилем палестинских земель с помощью кувейтских денег. «Арабская улица» была на стороне Багдада. Поэтому после окончания военных действий палестинцы были массово депортированы из Кувейта.

¹ Граница между Кувейтом и Саудовской Аравией. – Википедия // https://translated.turopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5145a762-63c819f2-e8fca14b-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Kuwait–Saudi_Arabia_border (дата обращения: 11.01.2023).

Получить гражданство Кувейта чрезвычайно сложно. После войны с Ираком, для того чтобы восполнить утрату населения (прежде всего, мужского), правительство предложило своему народу вернуться к старой традиции – полигамии. При этом были созданы специальные курсы для вдов, которые были согласны стать второй или третьей женой... Кроме того, правительство пригласило в страну молодежь родственных племен (даже из Ирака), предложив им специальную программу, предваряющую вхождение в кувейтское общество.

По мнению Клер Богран¹, число бидунов в Кувейте достигает 100 тыс., что по состоянию на 2020 г. составляет почти 8% коренного населения страны². Официальная политика правительства заключается в попытках заставить бидунов признаться в своем иностранном / некувейтском происхождении. Подобное решение столь болезненного вопроса практически снимает ответственность с государства за судьбу этих людей. Однако последствия такого решения непредсказуемы.

Внутри кувейтского общества нет единого мнения по поводу сложившейся ситуации. Есть те, кто считает, что существует историческая несправедливость по отношению к бидунам, другие категорически не хотят даже обсуждать эту проблему.

Катар

Обладая небольшой территорией (11 тыс. км²), Катар является одним из богатейших государств мира. В Катаре проживает около 2,9 млн человек, но лишь 10% являются коренными гражданами страны. Именно на них распространяются высокие зарплаты (10 тыс. долл.), высокие пенсии, бесплатное медицинское обслуживание и образование (в том числе и за границей), отсутствие подоходного налога, финансовая поддержка молодоженов, субсидии на услуги ЖКХ, а также многочисленные выплаты по случаю разнообразных праздников.

¹ Клер Богран – автор книги «Apatrides dans le golfe Persique: migration, nationalité et société au Koweït» – «Лица без гражданства в Персидском заливе : миграция, национальность и общество в Кувейте» (2018).

² Entretien avec Claire Beaugrand – La «question bidūn» au Koweït. 2.09.2022// <https://www.lesclesdumoyenoriente.com/Entretien-avec-Claire-Beaugrand-La-question-bidūn-au-Koweit.html> (дата обращения: 13.02.2023).

Источником богатства этой страны является одно из крупнейших в мире месторождений природного газа North Field. Согласно статистическому бюллетеню ОПЕК за 2021 г., на долю доказанных запасов природного газа Катара приходится 12% всех мировых запасов; он занимает третье место в мире после России и Ирана¹. На конец 2020 г. его доказанные запасы оценивались в 23 831 млрд м³².

Это обстоятельство позволяет катарцам нанимать рабочую силу за границей, поскольку коренные катарцы вполне могут позволить себе не заниматься тяжелой или неквалифицированной работой, предпочитая руководящие должности или частный бизнес. Что касается рабочих-иностранцев, то они получают низкую заработную плату и выполняют свою работу иногда при температуре, превышающей 40 градусов по Цельсию. Многие НПО квалифицируют эту ситуацию как современное рабство³.

Гражданство Катара определяется исключительно по происхождению отца, обладающего катарским паспортом. Возможно приобретение гражданства за инвестиции, однако подобные случаи чрезвычайно редки. В то же время граждане стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ⁴), могут находиться на территории Катара неограниченное время.

В стране есть свои *бидуны*. В 2004 г. решением эмира катарского гражданство было аннулировано у племени аль-Гуфран. Дело в том, что отец Тамима бин Хамада Аль-Тани, нынешнего эмира, организовал переворот, свергнув своего отца⁵. Племя аль-Гуфран выразило недовольство, за что было наказано – его членов депортировали на границу с Саудовской Аравией. Протестные манифе-

¹ Нефтегазовая промышленность Катара и его доля в ОПЕК в цифрах – ТАСС // <https://tass.ru/info/5864787> (дата обращения: 13.02.2023).

² Рейтинг стран по запасам и добыче газа: место России в списке // <https://top-rf.ru/places/109-rejting-stran-gaz.html> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Согласно опросу, опубликованному The *Guardian*, по сообщениям, в период с 2010 по 2020 г. в Катаре умерло не менее 6751 иммигранта, что составляет почти два случая смерти в день в течение десяти лет // Цит. по: Qatar : au moins 6 750 travailleurs étrangers sont morts ces dix dernières années // https://www.liberation.fr/international/moyen-orient/qatar-au-moins-6-750-travailleurs-etrangers-sont-morts-ces-dix-dernieres-annees-20210223_UTURZYPYRVDYTGRSMLHY4CJA3Q/

⁴ В арабских странах название организации скорректировано, так как Персидский залив называется «Арабским».

⁵ Халифа бин Хамад Аль-Тани в 1995 г. был свергнут с престола своим сыном Хамадом бин Халифа Аль-Тани.

стации в стране и за ее пределами результатов не принесли. Эмир Катара утверждал, что за время депортации члены племени получили гражданство соседнего государства – Королевства Саудовская Аравия (КСА)¹. С тех пор представители племени аль-Гуффран в своем родном отечестве нежелательны. Причиной подобного негативизма является, как отмечает российский исследователь А.Р. Аганин, «трайбализм, который до сих пор является очень важным аспектом отношений между коренными катарцами, а незаметные для постороннего наблюдателя родоплеменные связи играют порой главную роль в формировании внутренней и внешней политики Катара»².

ОАЭ

Экономика ОАЭ – вторая после Саудовской Аравии среди стран Персидского залива. Здесь имеются огромные запасы нефти и газа, а также большой потребительский рынок. Это позволяет коренному населению жить вполне благополучно, тем более что в стране разработана социальная система поддержки именно коренных жителей³.

Широкое распространение здесь получила система спонсорства *кафала*, благодаря которой удается контролировать рынок иностранной рабочей силы. Суть системы состоит в получении иностранцем разрешения на работу от конкретного работодателя, который несет ответственность за иностранного рабочего. Несмотря на то что право иностранца на проживание и разрешение на работу обоснованы федеральным законом (№ 6 1973), гастарбайтер не защищен от произвола работодателя. Более того, наемный работник практически не имеет возможности обратиться к своему опекуну (кафиль) в случае конфликта.

¹ Шмелева Т. Активизация племенного фактора и внутренней оппозиции в Катаре. 25.09.2018 // <http://www.iimes.ru/?p=48104> (дата обращения: 13.02.2023).

² Цит. по: Шмелева Т. Активизация племенного фактора и внутренней оппозиции в Катаре. 25.09.2018 // <http://www.iimes.ru/?p=48104> (дата обращения: 13.02.2023).

³ Власти стимулируют рождаемость коренного населения финансовыми выплатами. При рождении ребенка отцу выплачивается 60 тыс. долл. Кроме того, в собственность семьи передается земельный участок. Любой гражданин ОАЭ имеет право получить дотацию на обучение за границей и т.д. (см.: Мыкание на задворках чужого рая – как живут мигранты в Дубае? // <https://dzen.ru/a/YDqQD0m05yiQQnH6>) (дата обращения: 12.02.2023).

Эта система, которую часто называют эвфемизмом, являясь обязательным элементом экономической жизни, обеспечивает доход и безопасность граждан, реальную ренту. Всемирная торговая организация (ВТО) осуждает эту практику, так как она противоречит свободе передвижения людей и капитала и является источником эксплуатации человека.

ОАЭ занимает одно из первых мест в мире по использованию иностранных рабочих. По данным на 2013 г., именно гастарбайтеры составляли до 80% жителей страны¹. Большинство иностранных рабочих-мигрантов прибывают из азиатских стран – Индии, Непала, Шри-Ланки, Бангладеш и Пакистана². Часть технических специалистов, а также врачей приехали из Египта, Ливана и Сирии. Также здесь работают высококвалифицированные специалисты из Европы и США.

Подавляющее большинство эмигрантов, работающих в странах Персидского залива, являются выходцами из Азии. Уроженцы Индии составляют более половины населения Объединенных Арабских Эмиратов: их 1,7 млн из примерно 3 млн иммигрантов, проживающих в этих небольших государствах. За ними следуют пакистанцы, иранцы, шри-ланкийцы, бангладешцы, непальцы и филиппинцы.

В результате разразившейся в 2020 г. пандемии COVID-19 многие мигранты в Дубае потеряли работу. Некоторые бизнесмены воспользовались ситуацией, чтобы разорвать контракты. Многие рабочие потеряли жилье, ютились на улицах и с большим трудом вернулись на родину.

Иностранные рабочие – самая уязвимая категория населения. Они не могут получить гражданство ОАЭ, но могут потерять право на работу в любой момент. Тем не менее правительство ОАЭ ввело послабления для иностранцев, желающих стать гражданами этой страны. Однако для этого они должны владеть недвижимостью или сделать инвестиции в экономику страны. Минимальный размер инвестиции – 1 млн дирхемов (20 млн 550 тыс. руб.). Люди востребованных профессий – врачи, инженеры, ученые

¹ Рабочие-мигранты в Объединенных Арабских Эмиратах//https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Migrant_workers_in_the_United_Arab_Emirates (дата обращения: 13.02.2023).

² Рабочие-мигранты в Объединенных Арабских Эмиратах – Migrant workers in the United Arab Emirates – abcdef.wiki // https://ru.abcdef.wiki/wiki/Migrant_workers_in_the_United_Arab_Emirates (дата обращения: 14.02.2023).

и т.д. – также могут претендовать на получение эмиратского паспорта, но для этого они (имея 10-летний стаж работы в ОАЭ) должны доказать свой профессиональный уровень, в том числе наличие международных дипломов и наград.

Складывается впечатление, что этот новый порядок натурализации был введен исключительно для правозащитных организаций, которые уже давно критикуют правительства аравийских государств за наличие большого числа неграждан в своих странах.

Получение гражданства ОАЭ сопряжено с большими трудностями. Надо иметь в виду, что государство Объединенные Арабские Эмираты было создано 2 декабря 1971 г., когда правители шести эмиратов подписали соглашение о создании федерации. Спустя три месяца к соглашению присоединился седьмой эмират – Рас-аль-Хайма. В законодательстве каждого эмирата есть свои условия для желающего получить гражданство. На деле, даже ребенок, родившийся от матери – гражданин ОАЭ, не может рассчитывать на получение паспорта ОАЭ. Исключение составляют дети, отец которых является обладателем паспорта одного из эмиратов.

Костяк граждан ОАЭ составляют именно выходцы из местных племен, почти все знающие свое происхождение. Кроме них, гражданство получили те, кто сумел укорениться здесь еще до 1930-х годов – например, индузы, которые занимаются торговлей жемчугом.

Что касается бедуинов, принадлежащих к разным племенам, то среди них до сих пор имеются *бидуны*. В федеральном Законе о гражданстве и паспортах Объединенных Арабских Эмиратов (1972), сказано, что любой араб имеет право на получение гражданства ОАЭ, если его предок проживал на данной территории до 1925 г. Остается только доказать, что его отец или дед действительно проживали в одном из эмиратов, позднее вошедших в ОАЭ. Естественно, что в современных условиях документально подтвердить наличие предков, проживавших в стране до 1925 г., достаточно сложно.

Ключевую роль в разрешении этой проблемы играет *насаб* – благородная генеалогия племени и его членов, которую нужно знать наизусть. Традиционно имена большинства коренных жителей ОАЭ включают название племени: например, «Ахбаби», т.е. происходящий из рода Ахбаб. Иногда имя имеет более сложную конструкцию: Аль Бу-Шамис. В данном случае «Бу» или «бани» можно перевести как «сын» или «потомок» отдаленного предка, например: Бани Яс, Бани Хамад, Бани Кааб.

Саудовская Аравия

Королевство Саудовская Аравия (КСА) также установило для соискателей гражданства Королевства трудно доказуемую дату 1332 г. хиджры (1914). Общая численность населения Королевства 36 млн. Неграждан / *бидун* примерно 25%. Иностранцы в стране составляют примерно 55–60% занятых¹, это меньше, чем в соседних странах. Королевство раньше своих соседей начало наводить порядок в сфере привлечения иностранной рабочей силы. Тем не менее исследователи считают, что доступная статистика не отражает действительную ситуацию, ибо в стране много нелегальных иммигрантов, несмотря на периодические депортации.

Саудовцы не публикуют данные о количестве иностранных рабочих и специалистов. Но проблема скоро назреет, так как численность населения в стране растет медленно. В результате прогресса в медицинском обслуживании на смену демографическому взрыву идет сокращение рождаемости. В стране упал коэффициент фертильности, с примерно 7 детей на одну женщину в XX в. до 2,4 в 2016 г.

Наследный принц Мухаммад бен Салман (МБС), ставший 22 сентября 2022 г. премьер-министром, решил сократить число иностранцев, работающих, в том числе, на административных должностях. Для этого был подготовлен план по «саудизации» кадров. Однако осуществление этого плана продвигается чрезвычайно медленно. Дело в том, что при существующем качестве образования, где на первом месте стоят богословские науки, бывшие бедуины не могут быстро заменить квалифицированных иностранцев². Вероятно, именно понимание невозможности быстро заменить иностранцев своими национальными кадрами, повлияло на то, что процедура получения саудовского паспорта более либеральна, чем в других странах.

¹ Мазеин Н. Иностранная рабочая сила в зоне Персидского залива: страны, которые перестали быть арабскими // Журнал «География» № 11/2003 // <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200301102> (дата обращения: 02.02.2023).

² Любопытно отметить неудачу в попытке заменить торговцев ювелирными изделиями. Эта сфера торговли в Королевстве весьма прибыльна, так как коренной саудовец в год покупает до 1,5 кг золотых изделий. Традиционно в ювелирных магазинах КСА работали средиземноморские арабы, имеющие связи с европейскими поставщиками. Заменить их на представителей коренного населения, не имеющего опыта работы с драгоценными металлами, не удалось.

Так, дети, рожденные в смешанном браке – от иностранных женщин и саудовского гражданина, – имеют право на получение гражданства Королевства. Ребенок, родившийся в Саудовской Аравии от отца, не являющегося саудовцем, и матери из Саудовской Аравии и достигший совершеннолетия, также имеет право на саудовский паспорт при соблюдении следующих условий: он должен постоянно проживать в Королевстве, свободно владеть арабским языком, кроме того, он должен доказать, что дедушка матери был саудовцем. Но в этом случае для получения гражданства необходимо получить особый документ *аль-муафака* (الموافقة – одобрение, араб. яз.) от высшей власти страны (т.е. от короля). В случае если саудовская женщина выходит замуж за иностранца, она теряет право на саудовское гражданство. Однако если она разводится с мужем-иностранцем, она может его восстановить, при условии возвращения после развода на родину.

Власти Королевства понимают, что в стране не хватает квалифицированных кадров, поэтому они заинтересованы в привлечении иностранных специалистов. Иностранец может подать заявление на получение гражданства, если он выполняет следующие условия: это должен быть взрослый человек, непрерывно проживавший в Королевстве в течение 10 лет, имеющий законные способы заработка на жизнь, не имеющий судимости, владеющий арабским языком¹.

В Королевстве есть племена, которые по-прежнему кочуют, пересекая границы с соседними государствами. В конце XVIII в. аравийские бедуины заставили Стамбул платить им якобы за охрану караванов, идущих в Мекку. На самом деле эта плата предусматривала отказ бедуинов от нападения и ограбления каравана. В конце XIX в. многие бедуины начали переходить на полукочевой образ жизни. Одновременно постепенно происходило закрепление территорий за отдельными племенами. Тем не менее и сегодня есть много племен, которые предпочитают вести кочевой образ жизни и которых можно отнести к категории *бидун*.

Оман

Численность населения Омана приближается к 7 млн человек, из которых более полутора миллиона иностранцы. Их число заметно

¹ Закон о гражданстве Саудовской Аравии // https://ru.abcdef.wiki/wiki/Saudi_Arabian_nationality_law (дата обращения: 13.02.2023).

увеличилось с начала 1990-х годов. Доля иностранцев в общем населении Омана, разумеется, ниже, чем доля в рабочей силе. Тем не менее иностранная рабочая сила составляет до 40% занятых¹. Это связано с тем, что султанат позже других государств Аравийского региона начал добычу нефти, ее запасы не очень велики, и общий уровень технологического развития здесь ниже, чем в остальных странах ССАГПЗ.

В древности полуостров стал крупным производителем благовоний и поддерживал обширную торговлю с разными государствами Азии и Африки. Именно поэтому в стране проживает значительное число иностранцев, в основном из Индии, Пакистана и Ирана, которые поселились здесь еще до распространения ислама. В результате сформировался особый общественный климат, характеризующийся полным признанием свободы вероисповеданий.

После пандемии COVID-19 численность иностранных рабочих (по состоянию на март 2021 г.) значительно сократилась, что сказывается на строительстве, недвижимости, услугах и розничных продажах. В 2020 г. из-за кризиса COVID-19 и нефтяного шока правительство приняло меры по оздоровлению экономики. В результате уже в 2022 г. добыча нефти в Омане выросла на 10%. Поскольку запасы нефти в стране скоро будут исчерпаны, Оман уделяет больше внимания развитию добычи газа. Новый султан Хайсам Бен Тарик аль-Сайд, избранный после смерти султана Кабуса в 2020 г., объявил, что его политика будет направлена на сокращение госдолга и создание рабочих мест, особенно для молодежи. По некоторым данным, уровень безработицы среди 18–30-летних в Омане превышает 20%. В мае 2021 г. в стране произошли беспорядки. Чтобы держать ситуацию под контролем, власти пообещали принять определенные меры по созданию рабочих мест в государственном и частном секторах и предоставлению дополнительных социальных пособий².

Дело в том, что 2/3 территории Омана занимают пустыни и дюны, где мало источников воды и отсутствует растительность. На окраинах пустыни Руб-аль-Хали, непригодной для земледелия, можно заниматься лишь разведением верблюдов. Тем не менее

¹ Оман – персидская сказка, где скоро закончится нефть / Финграмота / Fingramota.org // https://dzen.ru/a/YG0zHHwT_zE_ErCh (дата обращения: 13.02.2023).

² Etudes économiques et risque de pays: Oman // <https://www.coface.com/fr/Etudes-economiques-et-risque-pays/Oman> (дата обращения: 13.02.2023).

люди изобрели своеобразные оросительные системы фаладж¹, которые превращают небольшие оазисы в сады. Вода из подземных источников под воздействием силы тяжести направляется на дальние расстояния, обеспечивая сельское хозяйство и бытовые нужды. Экономика горных бедуинов, основанная на полуоседлом существовании, сосредоточена на разведении овец, которые дают молоко, мясо, шерсть и кожу. В стране также имеются бедуинские рыбаки, которые живут на побережье Восточной Аравии, где проходит очень глубокая, но близкая к побережью морская впадина. Через нее в определенное время года проплывают миллионы сардин. Правительство Омана пытается организовать постоянные поселения местных бедуинов, с тем чтобы создать здесь центр по производству рыбных консервов, однако встречает сопротивление. Причина в том, что с июня по октябрь в этой зоне наблюдаются шторм и сильный ветер. И тогда местные жители отправляются в оазис Биляд бани Бу Хасан в глубь страны на сбор фиников. Это обстоятельство не позволяет им окончательно определиться с местожительством. Объясняя подобное поведение, некоторые специалисты считают, что это является результатом недоверия, которое бедуины испытывают к власти. Хорошо известно, что местные бедуины предпочитают дистанцироваться от жителей городов, что отражает древний бедуинский скептицизм по отношению к оседлым арабам, которых презрительно называли «фелхи». Напомним также, что рабство в этой стране было отменено только в 1960 г. Естественно, что при таком уровне развития вопрос о гражданстве не является принципиальным.

Гражданство Омана признается за всеми, кто родился здесь, независимо от гражданства родителей². Подобный либерализм соответствует ментальности не только арабов, но и иностранцев, которые живут в этой стране. Можно сказать, что здесь присутствует корпоративная культура, и она является уникальной в своем роде, представляя собой смесь арабской культуры и культуры пришельцев (западных и азиатских), поскольку в стране всегда проживало большое количество иностранных рабочих.

¹ ЮНЕСКО оценило особенное умение жителей Омана создавать подобные ирригационные системы. В 2006 г. «фаладж» были признаны Всемирным наследием под номером 1207.

² Закон о гражданстве Омана – Oman nationality law – abcdef.wiki//https://fr.abcdef.wiki/wiki/Omani_nationality_law (дата обращения: 05.03.2023).

Бахрейн

Ситуация в Бахрейне совершенно иная, она отличается от других стран региона в связи с тем, что государство практически прекратило добычу нефти, что повлекло за собой сокращение иностранной рабочей силы в нефтяном секторе. Кроме того, процедура натурализации иностранцев здесь упрощена, что позволило части иммигрантов получить гражданство Бахрейна.

Бахрейн – маленькое королевство с населением в 1,3 млн человек, из них до 70% исповедуют шиизм. Правящая династия Аль Халифа и поддерживающие ее племена относятся к Маликитскому мазхабу суннизма. Ключевые посты, а также руководство силовыми ведомствами отданы исключительно представителям племени Халифа, исповедующему суннизм.

По данным Министерства труда, в 2015 г. работающими были зарегистрированы лишь 156 тыс. бахрейнцев по сравнению с 538,5 тыс. иностранцев¹.

В 2011 г. под влиянием антиправительственных протестов, получивших название «арабской весны», охвативших арабские государства, в стране вспыхнули демонстрации с требованиями большей политической свободы².

Уже через месяц по просьбе правительства в страну были введены саудовские войска. Протест был подавлен 15 марта 2011 г. в результате одновременного вмешательства сил безопасности Бахрейна и войск Саудовской Аравии под прикрытием сил «Щит Персидского залива» ССАГПЗ³.

В конце концов, король Хамад пообещал гражданам страны выплатить 1000 динаров (около 80 тыс. руб.) каждой семье. Естественно, что негражданам эта сумма не полагалась. Однако события 2011 г. показали, что власти, стигматизируя шиитов, радикализировали и суннитское население, создали предпосылки для новых выступлений.

Среди бедуинских племен, проживающих в Бахрейне, есть сунниты и шииты. Последние в странах Аравийского полуострова не

¹ Бахрейн пытается избавиться от иностранных рабочих в попытке оживить экономику | Middle East Eye // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.055a62b5-6403357a-b1c16871-74722d776562/https/www.middleeasteye.net/news/bahrain-moves-shed-foreign-workers-bid-revive-economy (дата обращения: 05.03.2023).

² В 2012 и 2016 гг. антиправительственные выступления вспыхнули вновь.

³ Burdi J.-P. Un an après le 14 février 2011, chiites et sunnites au Bahreïn // <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Un-an-apres-le-14-fevrier-2011-chiites-et-sunnites-au-Bahrein> (дата обращения: 05.03.2023).

считаются благонадежными, так как набожные шииты почти ежегодно осуществляют паломничества к святым местам шиизма, находящимся в Иране и Ираке. На фоне длительного соперничества между Саудовским Королевством и Ираном, шииты зачастую подвергаются преследованиям. В 2011 г. власти, воспользовавшись антиправительственными выступлениями, разрушили 43 шиитские мечети и места поклонения шиитов¹. Позднее министр юстиции Бахрейна заявил, что сносились только те здания, которые были построены без разрешения.

Известно, что правительство старается патронировать суннитов, облегчая им процесс натурализации. Численность неграждан в стране не известна, так как власти не публикуют демографических данных.

Неграждане в стране в основном являются потомками иранцев, проживавших там с давних времен. Кроме мусульман-шиитов, есть и христиане. Все неграждане лишены многих прав: им отказывают в праве на законное проживание, им не разрешается выезжать за границу, покупать дома и занимать государственные должности. Им также не разрешается владеть землей, открывать бизнес и брать ссуды в банке. Недавно правительство Бахрейна издало постановления, запрещающие им отправлять своих детей в государственные школы и получать бесплатную медицинскую помощь. В любое время лица без гражданства могут быть депортированы. Известно, что с начала 1980-х годов правительство Бахрейна депортировало сотни бидунов в Иран².

Право на гражданство Бахрейна регулируется Законом «О гражданстве» от 16.09.1963 г. Иностранные редко получают гражданство Бахрейна. Только король имеет дискреционное право предоставлять и отбирать гражданство Бахрейна. В частности, с 2011 г. правительство Бахрейна лишило гражданства около 1000 видных деятелей оппозиции и активистов.

Ребенок, рожденный от отца-бахрейнца, приобретает гражданство королевства, независимо от гражданства матери и места рождения. Ребенок матери – гражданки Бахрейна и отца-иностранца не имеет права на гражданство Бахрейна³.

¹ По данным иранских источников, было уничтожено 52 мечети и более 500 мест религиозного поклонения (мазары, гробницы, хусейнии (места для проведения траурных мероприятий)). В частности была разрушена мечеть Мухаммеда аль-Барбаги, построенная в XVI в.

² Bahrain Human Rights Society | https://ru.wikibrief.org/wiki/Bahrain_Human_Rights_Society (дата обращения: 01.03.2023).

³ Loi sur la nationalité bahreïnité // https://learnmore-formation.fr/wiki/Bahraini_nationality_law (дата обращения: 06.03.2023).

Таким образом, проблема неграждан в аравийских монархиях является болезненным вопросом. В условиях противостояния Саудовской Аравии и Ирана, власти препятствуют натурализации шиитов.

В ряде государств наметилась тенденция по сокращению иностранных кадров и замене их национальными. Однако для осуществления этой реформы нужно, прежде всего, пересмотреть систему образования, с тем чтобы привить трудовые навыки коренному населению, создать обучающие центры для подготовки кадров.

Еще одна проблема – выяснение этнической и государственной принадлежности некоторых бедуинских племен. Они до сих пор существуют практически во всех арабских странах. Очевидно, что кочевание племен искоренить невозможно, значит надо создать для них условия, при которых молодежь сможет отказаться от традиции и приобрести оседлую профессию. Естественно, что там, где доминируют племенные традиции, которые являются важным инструментом мобилизации и контроля над крупными людскими сообществами, важно снизить влияние трайбализма, который сегодня рассматривается как препятствие для общественных проектов, в том числе и для решения проблемы негражданства в той или иной стране.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023.

Принята к публикации 28.03.2023.

Bibikova O.P.
"Non-citizens" in the Countries
of the Arabian Peninsula

Olga P. Bibikova,
PhD (Hist.), Senior Research Associate,
Publishing Department of the Journals "Rossiya i Musulmanskiy
Mir" & "Russia and the Moslem World", INION,
e-mail:olbibikova@mail.ru

Abstract. The countries of the Arabian Peninsula are young states in which the measures forming state institutions (drawing borders, population census, legislative acts, etc.) have not yet been fully implemented. Huge revenues from the extraction and sale of oil and gas allow the rulers of these states to hire labor abroad, multiplying their wealth at their expense. These funds allow a part of the indigenous population with political rights to lead a rentier lifestyle without participating in economic life. At the same time, there

is a separate category of the indigenous population (“non-citizens”) who, being local natives, do not have civil rights. Obtaining citizenship for them is complicated by conditions, difficult of accomplishment.

Keywords: *bidoons; non-citizens; stateless persons; migrant workers; naturalization; deportation; Jus soli; Jus sanguinis.*

Кудаяров К.А.*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВПК ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.07

Для цитирования: Кудаяров К.А. История развития ВПК Турецкой Республики. (Аналитический обзор) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.07

Аннотация. В данном аналитическом обзоре представлены работы турецких и венгерских экспертов относительно развития оборонного сектора в Турции и его роли в обеспечении национальной и региональной безопасности государства. Отмечается воздействие роста оборонной промышленности на ведение внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также возможное влияние ВПК (политики «Байрактаров») на статус Турецкой Республики.

Ключевые слова: Турция; оборонный сектор; вооружение; национальная безопасность.

Государства функционируют в соответствии с их национальными интересами, защищая свой суверенитет и обеспечивая свою безопасность. Чтобы противостоять потенциальным или реальным угрозам и опасностям, государствам нужны вооруженные силы сдерживания, которые в свою очередь нуждаются в оборонной промышленности. Именно на нее возлагаются задачи по производству и поставкам армейского оружия и боеприпасов. Таким образом, оборонно-промышленный сектор занимает ре-

* Кудаяров Каныбек Акматбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

шающую позицию в обеспечении суверенитета, полагает Demir M. [8, с. 75].

Оборонная промышленность – это отрасль, которая имеет свои особенности, в отличие от других отраслей промышленности, не предназначенных для обеспечения безопасности. Учитывая объем инвестиций в этот сектор и используемые передовые технологии, несложно понять, что во всех странах мира наибольшая доля национального дохода приходится на оборонную промышленность. Оборонная промышленность – стратегическая отрасль промышленности, позволяющая противостоять глобальным и региональным угрозам и которая, помимо сдерживающих факторов, в целом контролируется государством в условиях секретности [9, с. 15–41].

Турция занимает важное геополитическое и геостратегическое положение благодаря тому, что она расположена на стыке Ближнего Востока, Кавказа и Балкан – регионов, значительно отличающихся друг от друга, но в то же время объединенных наибольшим количеством вооруженных конфликтов на Земле. Последнее обстоятельство явилось причиной того, что Турция стала обладательницей второй по величине армии в НАТО, благодаря возможностям которой, с одной стороны, она успешно борется с террористическими организациями на протяжении более четырех десятилетий, а с другой – вынуждена тратить больше средств на оборону, чем другие государства.

Процессы последних 20 лет: вторжение США в Ирак, участие США, России, Ирана и стран Европейского союза в гражданской войне в Сирии (имеющей общую границу в Турцией), а также тот факт, что различные террористические группы в регионе используются некоторыми странами для ведения так называемых прокси-войн, – ставят Турцию в крайне сложное во всех отношениях положение, требующее усиления способности отразить угрозы национальной безопасности посредством укрепления оборонной промышленности. И в этом плане от степени развития национальной оборонной промышленности напрямую зависит эффективность внутренней и внешней политики страны, направленной как на обеспечение национальной безопасности, так и на рост влияния Турции в региональном и глобальном масштабах.

За последние два десятилетия Турция добилась значительных успехов в развитии оборонной промышленности. И продолжение этой политики имеет жизненно важное значение для национальной безопасности Турции с точки зрения поддержания и

усиления материальной и военно-технической основы вооруженных сил государства. Развитие турецкой оборонной промышленности не только дает положительные результаты с военной точки зрения, но и создает своего рода «мультиплекативный» эффект, являясь как фактором сдерживания в регионе, так и повышения престижа Турции и доверия к качеству выпускаемой ею военной продукции, полагает Кыйсикоғлу М. В качестве примера можно привести тот факт, что турецкие БПЛА не были перехвачены системами ПВО во время конфликтов в Сирии и Ливии и успешно выполняли поставленные задачи [9, с. 37].

История турецкой оборонной промышленности, имеющая глубокие корни, восходит к османскому периоду [3, с. 3], когда производственные мощности турецких военных предприятий были намного выше, чем у других компаний в Европе. В период расцвета Османской империи, пришедшийся на время правления Мехмеда II Фатиха, считалось, что турецкая военная промышленность опередила свое время [1, с. 220]. Порта добилась больших успехов в производстве пушек. Однако со временем это технологическое превосходство перешло в отставание, несмотря на то что Турция довольно часто участвовала в различных военных кампаниях. Регулярные войны требовали бесперебойного поступления вооружения, поэтому Османская империя традиционно выделяла значительные средства на поддержание своего ВПК и строительство новых оружейных заводов. И уже тогда, в позднеосманский период (в XIX в.), обнаружился дефицит меди, железа, стали и другого сырья, необходимого для производства вооружения, усугублявший и без того незавидное положение Порты. Несмотря на это, власти не оставляли попыток сократить отставание в военно-технологической сфере вплоть до конца Первой мировой войны. Так, в 1908 г. создается Военное министерство Османской империи, а вслед за ним, буквально через год, появляется Главное управление военного производства, в чьи руки была передана вся оборонная промышленность государства. В годы Первой мировой войны турецкой оборонке удалось наладить поставки вооружения для фронта за счет внутренних ресурсов. Однако геополитическая катастрофа, постигшая Турцию в результате проигрыша в войне (1918), вынудила ее свернуть свои военные производства и распустить армию. Дальнейший ход событий в Османской Турции, приведший к национальной борьбе с оккупантами, дал большой толчок для продолжения развития оборонного сектора в стране. Нелегально вывезенные из Стамбула в анатолийские города в

период оккупации Турции военные фабрики стали основой, столь необходимой в вооруженной борьбе турецкого народа с оккупантами. Главными местами размещения эвакуированных предприятий стали Анкара и прилегающие к ней города. Впоследствии эти заводы стали частью уже новосозданного Управления военных заводов, а спустя еще четверть века вошли в состав Корпорации механической и химической промышленности (МКЕ). Первая фабрика, основанная частным сектором на заре существования Турецкой Республики, принадлежала турецкому промышленнику Шакиру Зюмре Бею, который переселился из Болгарии в Турцию сразу после провозглашения республики. Фабрика Шакир Бея долгое время служила для удовлетворения потребностей ТАФ (турецких Вооруженных сил).

Другой не менее важной фигурой в развитии турецкого ВПК являлся Нури Киллигиль, построивший оружейный завод по просьбе правительства. В целом, в Турции после провозглашения ее республикой начались довольно масштабные военно-промышленные проекты, в том числе – по строительству судоверфей, хотя их возможности в основном ограничивались лишь строительством небольших кораблей вспомогательного класса.

В первые годы существования республики на некоторых отдельных заводах было произведено несколько сотен самолетов (с двигателем и без двигателя) и авиационных двигателей, что удивило иностранных специалистов того времени [4, с. 204].

Многие из создаваемых предприятий возникли благодаря сотрудничеству с немецкими инженерами. В 1925 г. между Министерством национальной обороны и профессором Юнкерсом было достигнуто соглашение о создании авиационного завода в Турции [4, с. 208]. Так появился ТОМТАŞ (Turkish Aircraft and Engine Corporation), ставший первым турецким заводом по производству самолетов. Завод был закрыт в 1950 г., а спустя 72 года обрел вторую жизнь. После успешного запуска данного предприятия были построены и другие авиазаводы, в том числе и с участием частных инвесторов (например, промышленника Нури Демираха).

Уже тогда турецкие власти размышляли о переходе местной оборонки на исключительно турецкие сырьевую и научно-техническую базы. Достигнутый к 1940-м годам прогресс в развитии турецкого ВПК сменился его падением, вызванным военной помощью США в рамках реализации «доктрины Трумена» и «плана Маршалла». Военные поставки Вашингтона практически полностью удовлетворяли внутренний спрос на военную продукцию,

что в свою очередь привело к простоянию, а во многих случаях – даже к закрытию турецких военных предприятий либо их пере-профилированию. Например, авиа завод, производивший легкий транспортный самолет ТНК-5 А, превратился в текстильную фабрику [10, с. 90]. Такая же участь постигла и многие другие военные предприятия. И к концу 1960-х годов оборонная промышленность Турции практически прекратила свое существование, полностью попав в зависимость от зарубежных поставок. Сложившееся положение дел было прервано Вашингтоном, объявившим в 1974 г. Анкаре эмбарго на поставки вооружений в связи с вводом турецкого воинского контингента на Кипр. Это решение Соединенных Штатов стало своего рода «холодным душем» и поворотным событием в истории турецкого ВПК, поскольку продемонстрировало турецким властям уязвимость Турции перед угрозами и вызовами национальной безопасности, исходящими извне [4, с. 220]. С этого периода начинается отсчет той политики в сфере военно-промышленного комплекса Турции, результаты которой мы сегодня наблюдаем [1, с. 227].

Последующее развитие ВПК

Для координации деятельности оборонной промышленности в 1985 г. было создано Управление оборонных исследований и разработок (SAGEB), позже переименованное в SSM (Savunma Sanayii Müstesarılığı). Примерно в этот же период появляются: Высший координационный совет оборонной промышленности, Исполнительный комитет оборонной промышленности (SSIK), а также Фонд поддержки оборонной промышленности (SSDF). Оборонный сектор стал получать ежегодные дотации от государства, превышающие 1 млрд долл. США. Для усиления контроля над модернизацией оборонной промышленности SSM был передан в ведение аппарата президента Турции и переименован в SSB – Savunma Sanayii Başkanlığı.

Как полагает Özlü, расходы на оборону являются одними из самых крупных и важных статей государственных дотаций, поскольку от степени обороноспособности зависит национальный суверенитет. Расходы были довольно высокими в 1924 г. и составляли около 48 млн турецких лир, что равнялось 36% бюджетных средств [1, с. 231], в то время как на образование и здравоохранение было выделено всего 8 млн лир. В 1939–1944 гг. доля расходов на оборону в бюджете значительно возросла – с 43,1

до 55%. В последующем доля оборонных расходов Турции постепенно пошла на убыль, а с вступлением в НАТО расходы Турции были крайне низкими, поскольку Анкара получала военную помощь от Североатлантического альянса.

В период с 1947 по 1949 г. в соответствии с Доктриной Трумэна помошь Турции достигла 152,5 млн долл. США, из которых 5 млн долл. было потрачено на строительство автомобильных дорог, а остальные 147,5 млн долл. – на модернизацию Вооруженных сил Турции [4. с. 218].

В период с 1947 по 1951 г. помошь составила около 400 млн долл. США, но большая часть помощи была оказана в виде морально устаревшей военной техники. В рамках реализации так называемого «Проекта 500» в апреле 1948 г. самолеты, списанные из инвентаря ВВС США и вошедшие в инвентарь турецкой армии, включали 241 истребитель P-47, 32 штурмовика и легких бомбардировщика A-26, 100 учебно-тренировочных самолетов AT-6, 67 учебно-тренировочных самолетов AT-11 и 50 транспортных самолетов C-47 (Дакота). Всего в рамках этой помошь поступило 490 новых самолетов. Однако тот факт, что предоставленное оружие может быть использовано только в случае вторжения извне на турецкую территорию, а техническое обслуживание и ремонт всегда будут завязаны на поставках запчастей из США, – омрачал радость от этой помошь и все больше вселял ощущение военной и политической зависимости Турции от Соединенных Штатов.

Вслед за помошью, реализованной в рамках выполнения доктрины Трумэна, начал осуществляться план помошь, принятый государственным секретарем США Дж. Маршаллом. По «плану Маршалла» в Турцию начали осуществляться американские поставки машин для сельского хозяйства, прежде всего тракторов, энергетического и другого промышленного оборудования, судов, химических удобрений. Предполагалось, что помошь будет направлена на увеличение сельскохозяйственного производства, модернизацию сельскохозяйственного инвентаря и модернизацию транспортной системы. Перед Турцией была поставлена задача удовлетворить потребности Европы в продукции сельского хозяйства и стать хранищем сырья. Благодаря этой помошь Турция стала одним из ведущих производителей пшеницы в мире, но, как и в военной сфере, при этом стала зависимой от США из-за того, что сельскохозяйственные орудия отныне закупались в США. Помимо этого, даже собственные сельхозресурсы Турции также должны были быть направлены в соответствии с желанием Вашингтона [4. с. 219]. Проанализировав

американскую помощь, турецкий эксперт Kopukçu полагает, что безоговорочное принятие помощи США было ошибкой [5, с. 218]. Прежде чем принимать какую-либо помощь, стоило тщательно изучить условия помощи и ее последствия для собственной страны, считает эксперт.

Возвращаясь к оборонной промышленности, стоит напомнить, что инициативы, связанные с развитием собственной «оборонки», начались в 1970-х годах, стала ощутимо набирать темпы индустриализация Турции. Уже в 1973 г. была создана компания TAI (Turkish Aerospace Industries), в 1975 – Aselsan и Tümosan [5, с. 169]. Турецкий ВПК продолжал развиваться, несмотря на возобновившуюся с конца 1970-х годов и продолжавшуюся более десяти лет помощь Запада.

В 1980-е годы были созданы Aspilsan, Tusaş и другие оборонные предприятия. Наметилась тенденция поощрения к инвестированию в ВПК частных компаний. Были приняты законы, стимулирующие дальнейшее развитие оборонной отрасли государства, создано Управление развития и поддержки оборонной промышленности

Одним из наиболее важных событий с точки зрения оборонной промышленности в Турции является то, что в 1998 г. постановлением Совета министров были определены основы оборонно-промышленной политики и стратегии. Это решение важно как для единоличной координации работы в этой области, так и для демонстрации важности, придаваемой последней. В результате стратегических решений в этом секторе с 2000-х годов начала выпускаться оригинальная продукция военного назначения. Со временем из-за растущих потребностей в оборонной сфере и внедрения новых проектов ресурсы фонда оборонной промышленности оказались недостаточными, и для исправления этой ситуации с 2018 г. доля поступлений в фонд (от подоходного налога и корпоративного налога) была увеличена [5, с. 170].

Количество проектов, запущенных турецкой оборонной промышленностью, увеличилось почти в 10 раз в период с 2004 по 2018 г., а производство новой военной техники, такой как беспилотные летательные аппараты (БПЛА), танки, вертолеты и ракеты, – сыграло важную роль в снижении зависимости Турции от иностранных источников, одновременно помогая турецким оборонным компаниям занять лидирующие позиции.

Достижения турецкой оборонной промышленности вышли далеко за пределы национальных границ, и турецкие расходы в

этой сфере увеличились в геометрической прогрессии. Если в 2002 г. на оборонную промышленность было потрачено в общей сложности 5,5 млрд долл. с началом новых инвестиций и проектов, направленных на снижение зависимости от других стран, то в 2018 г. эта цифра достигла 60 млрд долл. [7, с. 145]. Доля удовлетворения потребностей в области обороны из национальных источников, составлявшая около 25% в 2002 г., достигла 60% в 2018 г. Наконец, производственные мощности оборонной промышленности выросли с 1,3 млрд долл. в 2012 г. до 6 млрд долл. в 2018 г. Турецкие корветы MILGEM, танки Altay, ударные вертолеты Atak, беспилотники Anka и Bayraktar, учебные самолеты Hürkuş, спутник наблюдения Göktürk-1, недавно разработанные патрульные катера, катера быстрого реагирования, национальные пехотные винтовки, противоминные транспортные средства, системы противовоздушной обороны и ракетные комплексы – это результаты проектов, которые позволили Турции значительно уменьшить зависимость от иностранных технологий. Оборонный сектор продолжил создавать рабочие места, а количество сотрудников увеличилось на 5,14% по сравнению с 2017 г. и составило 77 766 человек [5, с. 170].

Турция заняла девятое место в мире по военной мощи, 18-е – по расходам на оборону [5, с. 169]. По состоянию на 2020 г. турецкая оборонная промышленность произвела около 70% военной продукции за счет внутренних возможностей. В то же время семь турецких компаний, участвующих в оборонном секторе, были включены в список Defense 100 [5, с. 170].

Для Турции военная роль оборонной промышленности определяется тремя конкретными условиями. Первое связано с поддержкой турецких вооруженных сил, а второе относится к конкуренции Турции с некоторыми соседними странами. Нынешняя турецкая военная доктрина передовой обороны и растущие стремления к статусу региональной державы выдвигают на первый план возможности проецирования сил. Согласно турецкой оборонной доктрине, угрозы национальной безопасности должны быть остановлены до того, как достигнут национальных границ. Это третье условие может быть соблюдено с помощью передовой оборонной промышленности и военной техники, полагает A. Malnassy [2, с. 62].

Какую же роль играет оборонная промышленность для государства в плане политики и экономики? В политическом плане оборонная промышленность связана с ролью государства в меж-

дународной политике. Экспорт оружия не только экономически выгоден государству, но и может быть использован для оказания политического влияния. Поэтому в своей внешней и оборонной политике суверенная страна стремится к такому уровню независимости и возможностей, который позволит ей самостоятельно оснащать вооруженные силы и управлять ими. Экспорт военной техники может укрепить политические союзы и приобрести политическое влияние в государствах-импортерах.

С экономической точки зрения оборонная промышленность является важным сектором национальной экономики. Доходы, получаемые от оборонной промышленности, вносят значительный вклад в национальную экономику. Компании, работающие в этом секторе, получают значительную прибыль, инвестируют значительные суммы, в частности в разработку передовых технологий и различные исследования, а также нанимают большое количество квалифицированных рабочих. При этом оборонная промышленность также практически способствует экономическому росту, промышленному и технологическому развитию и социальному благополучию.

Говоря о продукции военного назначения и ее роли, прежде всего стоит сказать о Bayraktar TB2 – самом известном беспилотнике в турецкой военной промышленности. Во-первых, он относится к БПЛА, оперирующим на средней высоте, и может находиться в воздухе до 24 часов. «Байрактар» имеет размах крыльев 12 м, длину 6,5 м и максимальный взлетный вес 650 кг. «Байрактар» завершил свою первую миссию на юго-востоке Турции в 2016 г., где он был задействован с целью уничтожения инфраструктуры и живой силы Рабочей партии Курдистана (РПК). Беспилотные летательные аппараты первоначально использовались в рамках операций Турции на севере Ирака и Сирии. Однако со временем турецкие беспилотники появились и на международном рынке вооружений: в 2018 г. Катар, а затем и Украина подписали соглашения о закупке турецких беспилотников. При этом Турция догнала Соединенные Штаты, Израиль, Китай и Иран в качестве экспортёра боевых беспилотных летательных аппаратов. Турецкие беспилотники стали все чаще использоваться в военных действиях. Как указывает автор, в Сирии беспилотники сыграли ключевую роль и привели к значительным жертвам среди представителей вооруженных сил режима Б. Асада. В ситуации с Ливией турецкие «Байрактары», отправленные в поддержку правительства национального согласия (ПНС), попали в за-

головки газет, уничтожив систему противовоздушной обороны «Панцирь-С1».

В Восточном Средиземноморье некоторые задачи по патрулированию и разведке были взяты на себя турецкими беспилотниками, что еще больше обострило спор о морской границе у берегов Греции, Кипра и Турции. Наконец, значительное количество турецких боевых беспилотников также прибыло в Азербайджан, что в значительной степени способствовало военному успеху Баку в Карабахе.

Использование беспилотных летательных аппаратов имеет ряд преимуществ. Возможно, самым важным из них является экономическая эффективность. Хотя беспилотники Bayraktar далеко не дешевая конструкция (цена одного Bayraktar TB2 в минимальной комплектации оценивается примерно в 5 млн долл.), они все равно намного дешевле истребителей; особенно если добавить к этому стоимость обучения пилота-истребителя. Благодаря использованию беспилотных летательных аппаратов снижается количество потерь в живой силе. Турецкие беспилотники действительно были удивительно эффективны, уничтожив множество целей на упомянутых выше полях сражений.

Однако стоит рассмотреть несколько других аспектов. Во-первых, самолеты не представляют ценности сами по себе; во многих случаях они играют скорее исполнительную роль в интегрированной системе. Эффективная разведка, система связи и электронное подавление – все это необходимые элементы успешной работы беспилотника, равно как и хорошо обученный персонал. Тем не менее беспилотные летательные аппараты далеко не неуязвимы. Турция, например, потеряла по меньшей мере 20 беспилотных летательных аппаратов в Сирии и Ливии за первые шесть месяцев 2020 г. Bayraktar TB2 не имеет активной или пассивной системы защиты от нападения ни с земли, ни с воздуха. Кроме того, эффективная радиоэлектронная борьба противника может заставить их опуститься на землю. Турецкие боевые беспилотники были очень эффективны в борьбе с противниками, застигнутыми врасплох широкомасштабным использованием беспилотных летательных аппаратов и не имевшими надлежащей противовоздушной обороны и сильных электронных помех [2. с. 68].

В Азиатском регионе основные страны – производители оружия в основном приняли технонационалистическую модель: страны сосредоточены на достижении самодостаточности и стре-

мятся уменьшить зависимость от внешних поставок. Их общей характеристикой являются защита национальной оборонной промышленности и разрешение на весьма ограниченные инвестиции для иностранных компаний. Как одна из них, Турция также стремится достичь самодостаточности с помощью преобразования своей оборонной промышленности за счет государственных инвестиций и инвестиций частного сектора. С другой стороны, как Турция, так и другие страны, принявшие технонационалистическую модель, также сталкиваются с некоторыми возможностями и вызовами для своей внешней политики в связи с глобальным соперничеством на международном рынке производства вооружений [3, с. 3].

Рассматривая расходы государства за последние два десятилетия, стоит отметить, что турецкое руководство инвестирует в обеспечение безопасности государства в военном отношении, вместо того чтобы инвестировать в человеческое и социальное обеспечение. Если подобное расходование бюджетных средств будет продолжаться, то высокие военные издержки могут усугубить структурную хрупкость страны и негативно сказаться на ее экономике, полагают авторы (2020).

Всему виной сложная обстановка практически по всему периметру турецкой границы, которая вынуждает Турцию в ответ создавать не менее сложную систему безопасности. Конфликт вокруг континентального шельфа с Грецией, кипрская проблема, гражданская война в Сирии и волна иммиграции из Сирии в Турцию, конфликтная обстановка в Ираке, проблемы с Арменией – являются примерами сложной обстановки в области безопасности. В этом контексте Турция все еще пытается увеличить свой оборонный бюджет, что приводит к социальному неравенству в доходах и макроэкономической нестабильности в стране, полагают S. Yilmaz и M. Yorulmaz [3, с. 8]. Несмотря на динамично развивающуюся ситуацию в мире, Турция использует как возможности дипломатии, так и прибегает к тактике жесткой силы, когда не остается другого выхода [3, с. 16].

По словам эксперта M. Yeşiltaş, напористая внешняя политика становится все более заметной в контексте сирийского конфликта. Быстрое распространение негосударственных вооруженных группировок и активизация гражданской войны в Сирии значительно подорвали национальную архитектуру безопасности Турции, а также приоритеты региональной безопасности. В частности, усиление террористических организаций РПК и ИГИЛ в Сирии и территориальная экспансия сирийского подразделения

террористической организации РПК, YPG, создали глубокую стратегическую проблему для национальной безопасности Турции. Этот вызов вынудил Турцию проводить более активную внешнюю политику и военную стратегию, чтобы предотвратить территориальную и военную мобилизацию РПК-YPG [3, с. 17].

Увеличение инвестиций в развитие технологий и самообеспечение оборонной промышленности будет и впредь являться одним из главных приоритетов для Турции. Несмотря на потенциально возможную высокую рентабельность оборонной промышленности, проблему импорта никто не отменял. Хотя за последние десять лет иностранная зависимость Турции в оборонной промышленности значительно сократилась, зависимость от ввозимого или импортируемого в страну сырья по-прежнему сохраняется. В связи с этим возникает вопрос, в значительной ли степени увеличение экспорта основано на импорте? Абсолютно нельзя исключать того, что Турция, которая проводит напористую внешнюю политику, может столкнуться с некоторыми оборонительными санкциями, когда у нее возникнет политический конфликт со своими региональными и глобальными соседями. Санкции могут быть неизбежны, как и ущерб, понесенный от их введения, учитывая тот факт, что у государства имеется нехватка собственных оборонных ресурсов [3, с. 18].

Конфликты в Нагорном Карабахе и Ливии принесли бесценный опыт турецкой оборонной промышленности. В ходе этих успешных операций потенциал жесткой силы турецкой внешней политики был подтвержден в Северной Африке и горах Кавказа с помощью турецких беспилотных летательных аппаратов. Турецкие беспилотники приобрели значительную репутацию после успешных операций в Сирии, Ливии и Карабахе. Катар, Венгрия, Болгария, Сербия, Марокко, Малайзия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Пакистан и Саудовская Аравия либо купили, либо серьезно заинтересованы в турецких беспилотных летательных аппаратах [9, с. 37–38]. Размещение беспилотных летательных аппаратов турецкого производства в Юго-Восточной Турции и Северном Ираке также принесло пользу Турции и позволило Анкаре как минимум сдержать, если не ликвидировать, мятеж террористической организации РПК.

Если в нынешней турецкой внешней политике и появилась новая сила, которую можно охарактеризовать как активную и напористую, то это сила местной военной промышленности. Турция увеличила инвестиции в местную оборонную промышленность, чтобы уменьшить свою зависимость от мировых держав в предотвращении

кризисов региональной безопасности, и стала более гибкой и инициативной в своих внешних делах. Трансформация в оборонной промышленности открыла значительные возможности как для турецкой внешней политики, так и для ее экономических интересов [3, с. 19].

Несмотря на то что основная масса турецких экспертов полагает, что Турция идет по правильному пути и дальнейшее наращивание ее военной мощи способно поднять статус Турецкой Республики как региональной силы (а возможно, и в качестве одного из глобальных центров силы), венгерские эксперты Besenyő, J. и Málnássy, A. с этим не согласны. Они не отрицают того факта, что Турция как средняя держава играет стратегическую роль в современных международных отношениях. Однако, если рассматривать ее через призму теории комплекса региональной безопасности (RSCT), то станет очевидно, что Турция является государством-изолятором, поскольку она расположена на пересечении трех различных комплексов региональной безопасности (RSC): Европа (включая подкомплекс Балкан); Ближний Восток (включая субкомплексы Леванта, Персидского залива и Магриба); и постсоветское пространство. Несмотря на то что Турция является частью всех трех RSC как активный участник, венгерские эксперты уверены, что она выступает с позиции «аутсайдера». Теория комплекса региональной безопасности также утверждает, что Турция может достичь статуса великой или сверхдержавы только в том случае, если она сначала станет региональной державой, а для этого она должна принадлежать к RSC. Это означает, что стране придется активизировать свои отношения в области безопасности с одним из RSC вокруг своих границ, переместив ее позицию с периферийной роли в области безопасности на центральную, особенно в военном плане [6, с. 11]. Однако, как было сказано выше, большинство турецких экспертов так не считает, полагая, что на пути к повышению своего статуса перед Турцией могут встать проблемы нехватки сырьевых ресурсов, ввозимых из-за рубежа. Эта обеспокоенность имеет под собой реальные основания, поскольку даже стратегический и самый рейтинговый товар турецкого ВПК – БПЛА «Байрактар» на 7% состоит из ввозимого в Турцию сырья. Таким образом, указанные в работе авторы скорее обеспокоены возможной нехваткой ресурсов, нежели чем-то еще.

События, происходящие в оборонной промышленности Турции, стратегически важные невоенные мероприятия Турции, такие как проекты систем противовоздушной обороны, которые еще находятся на стадии разработки, производство баллистических ракет

и инвестиции в ядерную энергетику, а также проекты стратегических вооружений, такие как национальные боевые самолеты, указывают на то, что в ближайшие годы Турция превратится в серьезную державу общемирового масштаба, полагают авторы.

Большинство экспертов считает необходимым выделять ресурсы в указанных приоритетных областях, постоянно продолжая исследования и разработки. Поскольку проекты в этих секторах требуют довольно высокого уровня безопасности, следует уделять особое внимание управлению безопасностью.

Подытоживая работу, необходимо сказать, что оборонная промышленность – это относительно новый компонент во внешней политике Турции, который, судя по всему, продолжит свой рост в ближайшей перспективе. Развитие отечественной оборонной промышленности Турции, имеющее стратегическое значение, оказало большое влияние не только на саму республику, удовлетворив нужды национальных ВС и, таким образом, способствуя укреплению внутренней безопасности государства, но и упрочило ее позиции на международной арене в качестве региональной державы с большим экспортным потенциалом в сфере различных видов вооружений. Турция уже набирает обороты на пути расширения экспортных рынков оборонной продукции как в количественном, так и в качественном отношении. У Турции имеются большие возможности по закреплению за собой статуса поставщика высоких технологий на рынки вооружений Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Список литературы

1. Ozlü H. The Foundation and Development of Turkey's Defense Industry in the Context of National Security Strategy / Perceptions, Autumn-Winter 2021. Vol. XXVI, No. 2, p. 216–240.
2. Malnassy A. Turkish military technology developments and military industry capabilities of force projection in the light of geopolitical goals / Geopolitics and geostrategies – Trends and Perspectives, Strategic Impact No. 2/2022, p. 60–71. DOI: 10.53477/1842-9904-22-11.
3. Yilmaz S., Yorulmaz M. Türk Savunma Sanayisinin Dönüşümünün Türk Dış Politikasına Etkileri / İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. Itobiad- Research Article 2023, 12 (1), s. 1–21.
4. Konukçu C.K. Türk hava sanayiinin oluşum sürecinde fırsatlar ve engeller (1912–1959) / Güvenlik Bilimleri Dergisi, Mayıs 2022, Cilt: 11, Sayı:1, s. 201–222.
5. Demir Z. Türk savunma sanayi şirketleri ile Defense 100 şirketlerinin trend analizi ile karşılaştırılması: örnek uygulama / Yönetim ve Ekonomi Araştırmaları Dergisi /

- Journal of Management and Economics Research Cilt/Volume: 20 Sayı/Issue: 1 Mart/March 2022. p. 168–195.
- 6. Besenyő, J., Málnássy, A. Future expansion and prospects of Turkish defense industry, Insights into Regional Development, 2022, 4 (2): p. 10–21. [https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2\(1\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2(1))
 - 7. Ebru Caymaz. "Strategic management of the defense industry: a review on clustering strategy". Journal of Defense Resources Management (JoDRM), 13/2022. p. 139–147.
 - 8. Demir M. National defense technologies and Turkish armed forces / Eurasian Academy of Sciences Social Sciences Journal 2022, Volume: 45. S. 73–85.
 - 9. Küçükoğlu M. Türk savunma sanayisindeki gelişmelerin ekonomiye etkileri (2000–2023) / Sakarya İktisat Dergisi, cilt 12, Sayı 1, 2023, s. 15–41.
 - 10. Pirinççi, F., Yeşiltaş M. Savunma politikasına giriş. İstanbul: SETA Kitapları, 2021. 317 s.

Обзор поступил в редакцию 10.03.2023.
Принят к публикации 23.03.2023.

Kudayarov K.A.

**History of the Military-Industrial
Complex Development in the Turkish Republic.
(Analytical review)**

Kanybek A. Kudayarov,

PhD (History), Research Associate,
Center for Interdisciplinary Research,
INION,
e-mail: kana8306@mail.ru

Abstract. This analytical review presents the work of Turkish and Hungarian experts on the development of the defense sector in Turkey and its role in ensuring the national and regional security of the state. The impact of the growth of the defense industry on the conduct of foreign policy and foreign economic activity, as well as the possible impact of the military-industrial complex (the policy of "Bayraktars") on the status of the Republic of Turkey is noted.

Keywords: Turkey; defense sector; armament; national security.

**Филоник А.О. *, Батурина В.Н. **
ЕГИПЕТ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ФЕМИНИЗМА**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.08

Для цитирования: Филоник А.О., Батурина В.Н. Египет: первые шаги феминизма // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.08

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с изменениями в положении египетских женщин на протяжении примерно двух десятилетий с начала Июльской революции и до завершения ее этапа, связанного с режимом Насера. Египет, олицетворяющий авангард арабского мира, стал первым арабским государством, которое отказалось от традиционной приниженней трактовки роли женщин в обществе и конституционно подтвердило их равные права с мужчинами. Женщины активно проявили себя в борьбе за независимость страны от Британии и продемонстрировали готовность быть полноценными участниками событий национального масштаба наравне с мужчинами. Эмоциональный взрыв их социального недовольства завершился созданием Союза египетских феминисток усилиями небольшой группы продвинутых египтянок, которые вели просветительскую работу в женской среде и вне ее, распространяя идеи гендерного равенства, выступая против оскорблений их человеческого достоинства и унижения в быту. Отдельной темой было преодоление неграмотности и женское образование, на чем впоследствии сосредоточился и режим, возникший по следам Июльской революции, который одновременно инициировал и меры в экономике, создавая государственный сектор и ограничивая частный капитал. На фоне обострения социальных противоречий идеи феминизма не получили поддержки со стороны государства, и женский Союз был передан в ведение правительства, став одним из проводников политики правящей партии.

Ключевые слова: Египет; Союз египетских феминисток; женский вопрос; традиции; реформы; гендерный разрыв; протесты; дефициты.

* Филоник А.О., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, e-mail: fao44@mail.ru

** Батурина В.Н., преподаватель кафедры глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: vera-baturina@yandex.ru

© Филоник А.О., Батурина В.Н., 2023

Египет – крупнейшая страна Арабского Востока с богатейшей фараонической и средневековой культурой, таким же исламским наследием и в то же время несущая в себе некое светское начало, не чуждое европейскому мышлению и ориентированное на национальные приоритеты, исстари считается центром арабского мира. Эти представления прочно усвоены египтянами и сохраняются в народной памяти, которая подпитывает патриотизм египтян.

В 1919 г. страна пережила мощный подъем национального движения против британского господства. Борьба развернулась и в городах, и в сельской местности, в ней участвовали все слои населения, на улицы массово вышли женщины, которые совместными усилиями добились признания независимости Египта от Британии в 1922 г.

Эти два года мощно всколыхнули женщин, вклад которых в протесты был соразмерен победе, что вселило надежды на возможность дальнейших перемен в их судьбе. Энтузиазм женщин, спонтанно вырвавшийся на поверхность, обозначил их несогласие с правилами, которые действовали в египетском обществе, как исконно присущие ему и диктующие нормы рутинной жизни. Активность женщин в какой-то мере солидаризировала их, подготовила к вступлению в следующую фазу – в борьбу за равенство, достоинство и признание своих гражданских прав и навела на мысль об организационном оформлении.

Стремление женщин из народа отстаивать права своей страны и свои собственные было подхвачено представительницами образованной египетской прослойки. Они были знакомы с лозунгами европейского феминизма, возникшего на полвека раньше, чем о нем узнали в Египте, и разделяли их, но не пропагандировали в своих пределах. Провозглашение же независимости и волна народного воодушевления побудили наиболее пылких сторонниц женской воли в 1923 г. создать Союз египетских феминисток, который перехватил инициативу у действовавшего с 1920 г. Центрального комитета женщин Вафда, по сути, околопартийной группы, и, обретя более высокий ранг, выступил от имени египтянок. Этот факт был знаковым, показав популярность гражданских настроений в обществе как таковом и готовность наиболее активных женщин из света противостоять противникам женского освобождения. Эта кампания стала ассоциироваться с персоной Худы Шаарауи, общественной деятельницей, создавшей и возглавившей организацию. Уже в 1924 г. Египет стал первой исламской стра-

ной, где женщины отказались от хиджаба, что воспринималось как шаг на пути к раскрепощению.

Точкой отсчета появления в Египте женской темы, тогда еще не вполне осознанной, стал вопрос об образовании девочек школьного возраста, что подавляющей частью общества не считалось первой необходимостью на момент возникновения зачатков такой практики. Но мысль подспудно созревала, обретая сторонников, что было обусловлено объективными факторами. Образовательный процесс начинался, как весьма избирательный, еще во времена хедива Исмаила в 70-х годах позапрошлого века и распространялся на небольшое число девочек школьного возраста из неэлитарного слоя общества, которые получали минимум обиходных знаний в классах, что считалось достаточным. За полвека с начала образовательного процесса в него втянулись школы иностранных миссий, а также собственно египетские платные школы, немногочисленные на первых порах даже в городах, где обучались мальчики, к которым присоединялись и школы для девочек из неэлитарных слоев.

Это начинание стало для обывателей значительным новшеством и не было принято как мера, способная привнести в египетское общество полезное начало. Школы для девочек далеко не сразу стали восприниматься как обычное, естественное явление, а не как некая дань европеизму или блажь, навеянная иностранцами. Но вопрос оставался открытым и развивался крайне медленными темпами, поскольку спрос на образованных по более высокому стандарту людей не ощущался как неотложный. Образование не было обязательным, и обывательский слой вполне обходился умением минимального количества детей мужского пола читать, девочки же еще реже имелись в виду. Значительно позже, только к началу прошлого века, сфера школьного образования расширилась, в том числе и для девочек, но лишь в конце первой четверти века с ростом потребности в более-менее грамотных кадрах начальное образование обрело статус обязательного.

Обращение к молодому поколению стало велением времени также и под влиянием идей, которые проникали в египетское общество через контакты египетских интеллигентов с иностранцами и через британскую администрацию, которая, так или иначе, разнообразила методы эксплуатации страны, используя и каналы культурного проникновения. Они открывали доступ к новым явлениям, которые возникали в европейских державах и становились известными в колониях. Таким же образом европейский феминизм

проложил путь и в Египет, где в этом движении увидели средство противостояния социальной несправедливости по отношению к женщинам, а политику английской администрации расценили как сопутствующую консервации этой несправедливости.

Применительно к Египту эти идеи будоражили общество, которое и без того находилось в состоянии брожения и напряженности в контексте развернувшихся событий. Они были связаны с закреплением влияния иностранного капитала на арабских территориях после окончания Первой мировой войны, с распространением реформаторских идей и революционных настроений, наконец, с влиянием постепенного перехода к капитализму, который внес в практику Египта понятия целесообразности и новые требования к рабочей силе, где нашли место и женщины, как носительницы живого труда. Волнующую информацию поставляли и египтянки из образованной среды. В экзальтированной части своего окружения они распространяли сведения о европейских активистках, которые у себя на родине серьезно электризовали социальную атмосферу, в том числе и вопросами равного отношения к женскому образованию. В свете таких тенденций в Египте открывались новые виды на будущее.

В тех условиях пробуждение египетских женщин можно было понимать как появление у них ростков осознания своей значимости для общества и как запрос на уважение и достойное отношение к себе. Хотя, наверное, следует оговорить, что такие мысли не были всеобъемлющими и циркулировали в тех кругах женщин, которые были более подготовленными к их восприятию. Эти чувства и ощущения требовали выхода и начинали ментально сближаться с европейским движением феминисток, которое возникло в середине позапрошлого века и стало привлекать живое внимание широкой западной публики к акциям своих феминисток уже ближе к ХХ в. Известия о событийной стороне этого явления и прокламируемые им идеи достигли Египта с запозданием, и с того времени женское движение в нем стало подражать первым феминисткам, развиваясь уже на египетской почве, хотя без того размаха и ажиотажа, как это имело место в Европе. Вероятно, что основу социальной базы египетского типа феминизма составляли те женщины, которые первыми сняли хиджабы. Хотя достоверных подтверждений этому не имеется, все же такие поступки кажутся вполне естественными для обстановки того времени, насыщенного энтузиазмом наиболее деятельных египтянок, нашедших платформу для выражения своих надежд.

Идея полноценного образования детей школьного возраста стала одной из ведущих для Союза египетских феминисток. Тем более что у истоков Союза стояли представительницы элитарного социального слоя, считавшие, что лозунг освобождения женщин и введения избирательного права для них не имеет перспектив, если не будет увязан в один пакет с требованием полноценного образования и здравоохранения для женщин и детей и ревизией закона о личном статусе и запрете проституции.

По сути, в руках Союза с профилем общественной организации феминизм не был оружием. Вопрос о праве голоса едва ли воспринимался как политический, скорее он относился к категории социальной справедливости и не превращался в подобие классового антагонизма. Другими словами, Союз ставил перед собой не столько чисто феминистские задачи, сколько взвывал к эмансипации женщин, не претендуя на осуществление всех требований феминизма, стремившегося потеснить мужчин и встать на один уровень в соперничестве с противоположным полом. Очевидно, что и другие женские организации на местах едва ли могли охватить более широкий круг вопросов и сосредоточивались на частностях, не выходя за рамки контактов с местными омдами.

Союз женщин, как современно понимаемый организм, едва ли мог обрести статус влиятельной политическая единицы. Он был формальным объединением женщин, искренне стремившихся улучшить качество жизни египетского общества, высвободив политический потенциал женского пола. Представляется, что Союз преуспел лишь косвенно в деле изменения избирательного права и запрета проституции, слившись с курсом египетской революции, руководство которой пришло к выводу о необходимости проявить собственное внимание к преобразованиям в женской сфере. Довольно серьезной своей частью они были проведены в жизнь только через два года после революции, т.е. в 1956 г. Реформа же семейного законодательства не была осуществлена, закон о личном статусе остался прежним, как и положения о многоженстве и праве мужчин расторгать брак без согласия жены¹. Но даже достигнутое показывало, что уже ближе к середине прошлого века организация получила большую известность и могла частично добиться результата, в том числе и потому, что требования ее реально отвечали велению времени. Однако в целом ее влияние оставалось ограниченным, а инициативы не внедрялись глубоко в женские ряды по нескольким

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Egyptian_Feminist_Union

причинам. С одной стороны, этому мешала общая трактовка места и роли женщины в египетском социуме. С другой – в мусульманской среде активистки олицетворяли светскую ориентацию и продвигали европейские ценности, которые не вызывали сочувствия у подавляющего большинства египтянок.

Более радикально настроенная и реальная феминистка Дория Шафик в 1948 г. создала свою собственную организацию Бинт (Банат) ан-Ниль, которая провела несколько эффектных акций. Самая громкая из них была связана с блокированием парламента в 1951 г. силами полутора тысяч организованных горожанок в полувоенной форме, требовавших признания своих прав, но не удостоившихся ответа, а затем осадой за полгода до революции 1952 г. отделения Барклайз Банка, который в Египте был символом английского господства¹.

Совершившаяся в июле того же года революция поставила страну перед целым сномом задач экономического, политического, общественного спектра и перед необходимостью переосмысливать явления, которые, уходя корнями в прошлое, на новом витке исторического развития все явственней становились анахронизмом, противоречащим новому взгляду на функционирование общества и его институтов и пониманию роли государства. Революция сыграла выдающуюся роль в развитии страны и общества и, естественно, наложила отпечаток на сознание немалой части женщин и мужчин.

Дория Шафик восприняла революцию, как знак немедленного начала ренессанса египетских женщин, но поскольку событие не состоялось, она обвинила Насера в диктаторстве, за что была наказана домашним арестом, а затем провела несколько голодовок и подверглась гонениям, а феминистская организация распалась².

Между тем в начале своего правления Насер откликнулся на требования СЕФ, предоставив женщинам, помимо права голоса, некоторые политические и экономические права, равные возможности в образовании и здравоохранении, адекватные условия выхода на рынок труда наравне с мужчинами. Но при этом они не получили полных прав на участие в общественной жизни. «Жен-

¹ David D. Kirkpatrick. Overlooked No More: Doria Shafik, Who Led Egypt's Women's Liberation Movement. Aug. 22, 2018. The New-York Times <https://www.nytimes.com/2018/08/22/obituaries/doria-shafik-overlooked.html>

² Ibid.

щины вне государственной системы хозяйствования оставались в подчинении мужчин, семейное право сохранилось в прежнем виде»¹.

Вероятно, Насер не решился в условиях политической нестабильности разрушить все основы традиционного уклада, который поддерживал работоспособность системы и соответствовал в моменте общему характеру развития производительных сил, чтобы не вызывать турбулентность в обществе, немалый сегмент которого лояльно относился к «братьям-мусульманам». Поэтому не ставилась задача полного отказа от традиционных форм хозяйствования, особенно свойственных периферийным районам, где уровень гражданственности и сознания населения был застанным и ориентировался в основном на сиюминутные потребности и интересы.

В такой обстановке totally мобилизовать женский пол настолько, чтобы в массовом порядке вовлечь его представительниц в общий перестроечный поток и именно в той форме, которая могла бы ускорить появление женщин в поле гораздо более вариативного общественно-полезного труда, нежели замкнутость на домашнем хозяйстве, не удалось. Понятно, что разрушение последнего за счет организованного оттока женщин не предусматривалось, но в социуме, с надеждой принявшем победу национально-освободительной революции, было ощущение, что женщины нуждаются в том, чтобы их «разбудили» и вовлекли в более производительный труд.

Очевидно, что СЕФ к тому моменту выполнил свою историческую функцию мобилизации женщин в переходный период от королевской до авторитарной власти и более не вписывался в рамки новой эпохи, в которой его деятельность оказывалась невостребованной. Союз был преобразован в благотворительную организацию и поставлен под контроль правительства, как и другие женские ячейки, которые выводились на прямые связи с государственными структурами, а права женщин стали частью более широкой государственной стратегии развития в рамках государственного авторитаризма. В итоге, государственный феминизм при режиме Насера сделал женщин экономически независимыми в семейных отношениях, но оставив в зависимости от государства, с точки зрения возможностей трудоустройства, доступности важных социальных услуг – образования, здравоохранения, детских садов,

¹ Sika, Nadine; Khodary, Yasmin “One Step Forward, Two Steps Back? Egyptian Women within the Confines of Authoritarianism” // Journal of International Women's Studies. Volume 13, Issue 5, October 2012) Arab Women Arab Spring. Articles9. <https://vc.bridgew.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=jiws> P. 92.

это же касалось политической ориентации. Одновременно государственный феминизм создал и организовал систему общественного патриархата, которая не бросала вызов личным и семейным взглядам женщин.

Смена социального и организационного «подданства» привела к тому, что женщины оказались в ситуации, когда мужской прозвол был заменен лояльным снаружи, но довольно жестким внутри административным руководством со стороны государства, за которым просматривалась не столько озабоченность положением женщин в семьях, сколько контроль за их способностью соответствовать требованиям мобилизации трудовых ресурсов и исполнением обязанностей на рабочем месте. Хотя есть повод полагать, что в условиях нехватки рабочих мест другой целью вызволения женщин из патриархальной среды было не столько намерение привить им навыки общественно полезного труда и дисциплины, сколько удержать в рамках приемлемого отношения к власти, учитывая высокий политический и протестный потенциал женщин в канун и во время борьбы против английского господства.

Другими словами, в отличие от предшествовавшего периода, «государствление» женского движения было предрешено программой внедрения государства не только в экономику, но и в надстроичные сегменты, тем более такие существенные, как, например, профсоюзное движение, молодежные организации и, естественно, женские, которые имеют выход фактически на все страты общества и могут оказывать влияние на умы людей, распространяя идеологию, которая может не коррелировать с государственным курсом в области развития и мобилизации человеческого потенциала. В целом, такая политика была оправдана в условиях складывавшейся обстановки, которая диктовала необходимость удерживать власть в стране в сложной политической ситуации в регионе вообще и вокруг Египта в частности.

Исходя из итогов раннего периода женского движения, можно сказать, что оно завершилось с вполне определенным эффектом. В меру сил и возможностей оно внесло новое начало в жизнь египтянок, хотя зона его действия была ограничена и не достигала дна социума. Тот период был в Египте временем многих инициатив, создания партий, клубов, собраний, различных направлений, которые предлагали свое видение настоящего и перспектив политического развития страны, но, в основном, без учета места женщин в развивающихся процессах и в отрыве от проблем гендерного неравенства.

Атмосфера второстепенности женского вопроса наряду с ограниченным спросом на идеи женской эмансипации и отсутствие навыков управления крупными процессами создавали большие трудности действиям «прогрессисток», мешая выработке повестки дня, которая могла бы соответствовать уровню более влиятельных структур в виде политических партий. Заметки в прессе отдельных сторонников освобождения женщин от жизни в условиях «домостроя» и выступления немногих женских активисток не решали проблемы, хотя и производили впечатление на читающую публику. Но этих демаршей явно не хватало, чтобы на основе одного женского энтузиазма собрать политические силы и тем более окрепнуть настолько, чтобы реально встать во главе женского движения или хотя бы сплотить группу сторонниц, способных к реальной и системной работе в женских массах.

Тем не менее женский вопрос так или иначе был сформулирован усилиями лидеров организации в виде параллельной официальной точке зрения цели и нашел свое место в египетской политической повестке, и даже не став на тот момент стержневым, приобрел известность, привлек часть женской аудитории, не давая забыть о ее существовании разными выступлениями женщин. В любом случае, факт присутствия живого женского начала, претендующего на собственное место в политической жизни египетского общества, напоминал политикам того периода, что, возможно, грядет еще один претендент на место в политическом истеблишменте, который в будущем наберет силу и влияние и с большей решимостью, чем об этом можно было думать, заявит о своих притязаниях и интересах. Однако подобного не произошло в силу сложившихся причин.

Действительно, Насер, как новый лидер Египта, предложил обществу достаточно спорную для тогдашнего состояния страны инициативу принять во внимание судьбы женщин, хотя бы частично введя их в рамки правовой защиты. Египтянки обрели гарантии от некоторых ситуаций, которые возникали как результат полного пренебрежения гендерным равенством и бесправием женщин, отсутствие реакции на которое в Египте фактически опустилось до уровня обычая.

Конституция 1956 г. запретила дискриминацию по признаку пола, а Хартия 1962 г. подтвердила, что женщина должна рассматриваться, как равная мужчине, может сбросить оставшиеся оковы,

ограничивающие свободу ее действий, чтобы играть конструктивную и чрезвычайно важную роль в налаживании жизни в стране¹. В Хартии же провозглашалось положение, что «семейная ячейка должна быть признана базовой для общества и подлежать реализации в полной мере². В интересах женщин были откорректированы и некоторые положения трудового законодательства.

Идеи равенства едва ли были восприняты с удовлетворением большинством мужского населения страны. Но египтянки приняли их с большим воодушевлением, которое нашло поддержку у феминистских организаций на Западе, заинтересовавшихся возможностью расширить поле деятельности в таком обещающем государстве, как Египет, которое имеет авторитет в арабском мире и к тому же снискало дополнительную популярность в глазах множества женщин Арабского Востока признанием прав слабого пола.

Египетская революция этими решениями, безусловно, преподнесла арабской умме своего рода урок, показав, что не ислам делает женщин обездоленными, а институты, которые веками крепли под прессом особенностей арабского бедуинского быта и в итоге стали довлесть над обществом и его женской половиной.

На фоне традиций мобилизация внутренних сил женского движения не является быстрым процессом в силу давления обычая, освященных временем правовых норм и множества нюансов, которые организуют жизнь женского общества и в городах, и в отдаленных деревнях, где нравы еще строже. В этих условиях не только поддержка государства определяет уровень активности женского населения. Вопрос также и в том, насколько само это сообщество способно ощущать себя внутренне свободным субъектом, что в рамках этого «субъективизма» может подталкивать женщин к достижению целей и какую планку они могут выставить для себя, оценивая, насколько далеко они могут пойти в своих действиях.

Косвенно об этом может свидетельствовать пример Судана, где в рабочих кварталах Хартума примерно в 50-е годы XX в. был проведен опрос мужчин и женщин, которым предложили выбрать в качестве главного один или два из пяти простых жизненных приоритетов, при этом интервьюеров особенно интересовала реак-

¹ Peter Mansfield. The Arabs. London. 1978. P. 542.

² Alan W. Horton. The Charter for North for National Action of the UAR. NorthEast Africa Series. Vol. 9. No 5, Cairo July 1962. P. 17 <http://www.icwa.org/wp-content/uploads/2015/09/AWH-5.pdf>

ция полов на вопрос о харамлике. В результате большинство мужчин дали самую высокую оценку возможности возвести стену в доме, чтобы выгородить женщинам помещение и обеспечить их уединение, тогда как сами женщины отнеслись к этой операции с наименьшим энтузиазмом, но при этом высказали соображения относительно варианта в виде вообще отдельного дома¹, но не посчитали возможным отринуть идею харамлика, как такового.

Сам этот факт интересен, но не отвечает на вопрос, чем респонденты руководствовались при вынесении своего «вердикта». Интригующей выгляделя позиция женщин. То ли их выбор диктовался простым желанием удобств, то ли было выше их сил уйти совсем от старого уклада и потеряться вне его, то ли «сработала» боязнь жизни без мужского пригляда и защиты в условиях трудного существования.

Здесь, скорее всего, усматривается совокупность действия всех трех моментов, поскольку опыт «женщин из низов» не предполагал иных доводов, учитывая их сознание, воспитание и ощущения, которые черпались из исторической памяти предшествующих поколений женщин.

Этот вариант не единичен и, как представляется, может быть без особых оговорок экстраполирован и на ряд других стран региона с примерными условиями жизни, а тем более на Египет. Конечно, Судан отличается от соседнего государства по ряду параметров. Но следует учитывать их совместное существование в рамках Anglo-Египетского Судана, что как бы подчеркивает их африканское родство, которое определяется сходством психотипов, социокультурных черт, религией. Наконец, имеет значение и время опроса, когда еще не было достигнуто столь большого различия между двумя странами по уровню экономического развития, а также тот факт, что ответ на вопрос давался в социуме, скорее всего, не знакомом с феминистскими настроениями, что сводит на нет возможность неискреннего ответа.

Другой пример выяснения отношения женщин к свободе и праву на выбор также был построен на проведении несложных опросов, ответы на вопросы которых должны были показать готовность респонденток к изменению своих жизненных условий. Один из них состоялся в арабской студенческой среде и затрагивал тему брака. Результат показал, что девушки отнюдь не заинтересованы в браке больше, чем юноши, по крайней мере, 40% высказали та-

¹ *Morroe Berger. The Arab World Today. N-Y. 1964. P. 128,*

кое мнение. И еще один опрос выявил, что за короткий промежуток – с 1952 по 1956 г. – количество женщин, заявивших о предпочтительности брака перед двумя другими альтернативными темами, снизилось с 57 до 41%¹.

Приведенные цифры в общем информативны, но едва ли могут рассматриваться как репрезентативные в силу узости социальной базы исследования и небольшого числа опрошенных. Но тем не менее они показывали, что прежде привычные стандарты поведения женщин начинали разрушаться, и эта тенденция может быть связана с революционными событиями в Египте, которые дали толчок признанию самостоятельной роли женщины в арабском социуме. Реакция на открывающиеся в связи с этим возможности может указывать на то, что как минимум часть женщин из разных слоев общества внутренне уже были готовы формулировать свои действия именно в том направлении, ради которого проводился опрос, или близко подходили к черте, но не решались переступить через нее.

Можно также предположить, что полученные ответы могли быть навеяны и феминистскими идеями, особенно если учесть, что студенческая аудитория обычно более осведомлена в вопросах, которые остаются еще закрытыми для населения, тем более находящегося в плену отживающих представлений. Ведь в отсутствие массовых средств коммуникации продуктивная информация о женском движении за границей едва ли попадала на Восток в нужном для «обольщения» женщин объеме. К тому же она была доступна не столь уж многим в связи с распространенной неграмотностью, более отмечавшейся среди женщин. Очевидно также, что египетский Арабский социалистический союз не поощрял идеи феминизма ни в какой форме, тем более в западном, как считалось, особенно разрушительном варианте, который не соответствовал интересам нового египетского государства.

Ответ на вопрос о причинах пробуждения женского сознания следует искать внутри самого Египта, в его послевоенной атмосфере и в активизации национально-патриотических сил в связи, например, с Тройственной агрессией или войной с Израилем 1967 г., в пробуждении общественной мысли и в нарастании интереса в социуме к внешнеполитическим процессам и внутренним событиям в стране. Это была пора, когда страна освободилась от иностранного присутствия и приступила к поиску собственных

¹ *Morroe Berger. The Arab World Today. N-Y. 1964. P. 128.*

путей и методов развития, под которые должны были быть заложены устои, наиболее отвечающие реалиям нового Египта и представлениям его руководства о том, какой должна быть страна в ближайшей на то время перспективе.

На таком разнообразном и напряженном фоне и в обрамлении наследовской политики, «обуздавшей» женский вопрос во избежание превращения его в насыщенный политикой триггер, видится, что у феминизма, как такого, в Египте нет особого будущего, во всяком случае, в обозримой перспективе. Но это не означает, что женское движение исчерпало свои возможности, что было доказано на более поздних примерах из бурной жизни египетского общества, когда женщины выступили спонтанной, но очень мощной мягкой силой. Такие демонстрации свидетельствуют о скрытом потенциале женских масс, способных на многое, если возникают прямые угрозы, порождаемые откровенной социальной несправедливостью или чреватые возвращением моделей гнетущего патриархального быта, как навязанной формы существования женской части населения.

Режим Насера, предприняв в свое время, хотя и важные, но половинчатые меры в целях улучшения положения женщин, лишь частично разрешил их проблемы, оставив в стороне не менее щепетильные темы, которые служат раздражающим фактором для женской аудитории и поныне. Пресечение феминизма как движения, несовместимого с авторитаризмом власти, который и не мог бы стать оружием против режима, оставило женщин наедине со многими трудностями, генерируемыми гендерным неравенством.

В Египте нет радикального феминизма. Но нет и гармонии внутри общества из-за того, что противоречия между мужским и женским началами, с точки зрения напряженности связывающих их социальных отношений, остаются непреодоленными.

Они сложны тем, что в стране сталкиваются два почти равновесных тренда, влияющих на положение женщин. Один из них связан с ростом образованности и культурного уровня населения, в том числе и женского, как следствия модернизационных процессов в обществе, которые изменяют менталитет и ориентируют его на новые ценности. Другой же питается поддержкой все еще влиятельных консервативных сил, в том числе и исламистских, обращенных в прошлое, которые видят в нем скрепы, спасающие общество от распада и при этом консервирующие ретроградное видение места женщины в жизни. Оба подхода существуют в некоем равновесии, но это «оперативное» спокойствие наполнено

глубокими противоречиями, способными непредсказуемо выливаться в серьезное противостояние. Особенно если баланс будет нарушен «судьбоносными» событиями, в которых женщины выступят, скорее, по наитию, и будут действовать не как феминистки, а как патриотки, разделившись по «партийному» признаку и забыв о расприях с мужчинами ради победы здравого смысла.

Список литературы

1. *Alan W. Horton*. The Charter for North for National Action of the UAR. NorthEast Africa Series. Vol. 9 No 5, Cairo July 1962, <http://www.icwa.org/wp-content/uploads/2015/09/AWH-5.pdf>
2. *David D. Kirkpatrick*. Overlooked No More: Doria Shafik, Who Led Egypt's Women's Liberation Movement. Aug. 22, 2018. The New-York Times <https://www.nytimes.com/2018/08/22/obituaries/doria-shafik-overlooked.html>
3. *Morroe Berger*. The Arab World Today. N-Y. 1964.
4. *Peter Mansfield*. The Arabs. London. 1978
5. *Sika, Nadine; Khodary, Yasmin*. «One Step Forward, Two Steps Back? Egyptian Women within the Confines of Authoritarianism». *Journal of International Women's Studies*. Volume 13, Issue 5, October 2012) Arab Women Arab Spring. Articles 9 <https://vc.bridgew.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=jiws>
6. https://en.wikipedia.org/wiki/Egyptian_Feminist_Union

*Статья поступила в редакцию 16.03.2023.
Принята к публикации 30.03.2023.*

Filonik A.O., Baturina V.N. Egypt: the first steps of feminism

Aleksandr O. Filonik,
PhD (Economics), Leading Research Associate
Center for Arab and Islamic Studies, IOS RAS
e-mail:fao44@mail.ru

Vera N. Baturina,
Lecturer, Department of Global Communications,
Faculty of Global Processes,
Lomonosov Moscow State University
e -mail: vera-baturina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes issues related to changes in the situation of Egyptian women over the course of about two decades from the beginning of the July Revolution to the end of its stage associated with the Nasser regime. Egypt, embodying the avant-garde of the Arab world, became the first Arab

State to abandon the traditional belittled interpretation of the role of women in society and constitutionally confirmed their equal rights with men. Women have actively shown themselves in the struggle for the country's independence from Britain and demonstrated their willingness to be full-fledged participants in national events on an equal basis with men. The emotional explosion of their social discontent culminated in the creation of the Union of Egyptian Feminists on their own initiative and the efforts of a small group of advanced Egyptian women who conducted educational work in the women's environment and outside it, spreading the ideas of gender equality, speaking out against insulting their human dignity and humiliation in everyday life. A separate topic was the overcoming of illiteracy and women's education, which was subsequently focused on by the regime that emerged in the wake of the July Revolution, which simultaneously initiated measures in the economy, creating the public sector and limiting private capital. Amid the aggravation of social contradictions, the ideas of feminism did not receive support from the state, and the Women's Union was transferred to the government, becoming one of the conductors of the policy of the ruling party.

Keywords: Egypt; Union of Egyptian Feminists; women's issue; traditions; reforms; gender gap; protests; deficits.

**Погорельская С.В.*
МУСУЛЬМАНЕ В ГЕРМАНИИ:
ВОЗМОЖНА ЛИ РАДИКАЛИЗАЦИЯ?**

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.09

Для цитирования: Погорельская С.В. Мусульмане в Германии: возможна ли радикализация? // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.09

Аннотация. Потенциальная опасность радикализации исламской diáspory ФРГ рассматривается в связи с ее этническим составом, религиозными особенностями и в контексте мер, предпринимаемых государством для интеграции ислама и для предупреждения исламского терроризма.

* Погорельская С.В., кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: pogorelskaja@yahoo.de (ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158)

Ключевые слова: внутренняя политика ФРГ; исламская община ФРГ; исламский терроризм; Исламская конференция ФРГ.

Вовлечение стран ЕС в российско-украинский конфликт на стороне Украины и связанные с этим дебаты об интенсивности и границах участия в нем вытеснили из новостных лент западных СМИ тему исламского радикализма в ЕС так основательно, словно эта тема для Европы перестала существовать. Однако перестала ли Европа существовать для радикального ислама, потерял ли он к ней интерес так же, как Европа (по крайней мере, на словах) – к нему?

В предлагаемой небольшой статье на примере Германии будет предпринята попытка показать, что констелляции, имевшие место в предыдущие годы, серьезно беспокоившие немецкие службы безопасности и находившие отражение в немецких СМИ, никуда не делись. Теоретически радикализация мусульманской диаспоры по-прежнему возможна. Однако по каким параметрам?

В статье вероятный радикальный потенциал мусульманской общины Германии будет рассмотрен в связи с этническим и религиозным разнообразием данной общины и в связи с мерами, предпринимаемыми государственными структурами для профилактики исламского терроризма и борьбы с ним.

В силу внутриполитических особенностей и характера правовой системы Германия слишком долго отвергала саму мысль обязательной интеграции своей, выросшей из иммигрантского ислама, мусульманской диаспоры в жизнь страны, а также необходимость пристального контроля за деятельностью ее организаций. Предполагалось, что большинство ее членов (гастррабайтеры, беженцы, члены их семей) находятся в стране временно (с правовой точки зрения это так и было), а ислам, особенно в период противостояния блоков, вообще считался незначительной культурной особенностью этой социальной страты, тем более что во внутренней политике господствовали тогда идеи мультикультурализма.

Таким образом, к началу нового тысячелетия, когда опасность исламского терроризма приобрела очевидный характер для стран Запада и была широко тематизирована в политике и в медийном пространстве как новая угроза, в Германии существовала очень сильная мусульманская диаспора, разнообразная как этнически, так и по направлениям ислама, функционировавшая на параллельных жизни государства путях и, по своему характеру, склон-

ная к радикализации. К этому времени было, кроме того, ясно, что мусульмане в Германии – это надолго, если не навсегда. Они – часть жизни страны, и следовательно, их собственная жизнь, равно как и функционирование их организаций должны быть интегрированы минимум в существующую правовую систему.

Осознание необходимости интегрировать ислам побудило германскую политику к диалогу с заинтересованными в нем мусульманскими организациями и союзами. Одновременно велась политическая и правовая маргинализация исламских организаций, не способных к внутриполитической интеграции или же не заинтересованных в ней. Курс правительства по отношению к радикальным исламским объединениям существенно ужесточился в ходе иммиграционного кризиса 2014–2017 г., когда страна приняла большие контингенты мусульманских беженцев из стран Ближнего Востока и когда исламский терроризм, о котором немцы до этого слышали только в новостях из зарубежья, пришел в Германию, или, вернее, обратился против Германии. Потому что представлен он в ней был давно, но не афишировал свой немалый потенциал и тем более не манифестирувал его в террористических акциях внутри страны. Он жил в Германии, а воевать выезжал в другие страны. За время конфронтации блоков и в первые десять лет после ее окончания Германия – из идеологических мотивов и в рамках своего, долгие годы существенно не менявшегося, законодательства о предоставлении «политического убежища» – щедро наделяла статусом политических беженцев лиц, преследуемых за убеждения в своих странах. На этих путях она, в числе прочего, закачала в себя мощные и разнообразные силы исламистов, от маститых идеологов-проповедников (получивших позже название «проповедники ненависти»)¹ до радикальных боевиков, причем силы эти приехали в страну отнюдь не для борьбы с немецким порядком, а чтобы легально и постоянно в ней жить. Они воссоединялись с семьями, вызывая к себе жен и многочисленное родство, образовывая целые кланы, вербовали сторонников из числа местной мусульманской молодежи, в основном пресловутого «четвертого поколения гастарбайтеров» (молодежь, отвергшая интеграцию и вернувшаяся к своей религиозной и этнической идентичности), а также из приезжающих в Германию на учебу студентов и молодых ученых-арабистов.

¹ Hassprädiger, проповедник ненависти, устоявшееся понятие для обозначения радикального исламистского духовенства в Германии.

Осознание того, что для радикальных исламских сил Германия 90-х годов стала страной, где они проживали, консолидировались и развивались, пришло в немецкую политику лишь после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США. На этой фазе немецкая политика впервые обратила пристальное внимание на свой внутренний ислам и официально признала, что из «культурной особенности» мигрантов (гастарбайтеров, беженцев), ислам превратился в мощную силу, определяющую повседневную жизнь огромной диаспоры, т.е. части постоянного населения страны, не говоря уже о еще большем количестве формально «временных» мигрантов. Очевидными стали разветленность и оформленность мусульманских структур внутри страны, политизация и радикализация исповедуемого ислама, а также тот факт, что всё это, находясь формально внутри государства, развивается по сути вне его.

Террористические же исламистские акты настигли Германию лишь по мере укрепления салафитских группировок и по ходу миграционного кризиса 2014–2016 гг., когда страна наполнилась, во-первых, «дикими», не интегрированными в местные структуры мусульманскими «беженцами», приехавшими воевать как можно скорее, а во-вторых, очень молодыми, плохо образованными и небогатыми людьми, оставившими семьи в своих странах и, в силу этого, уязвимыми для давления и шантажа ИГ. На этом этапе Германия уже несколько лет реализовывала новую стратегию приручения своего внутреннего законопослушного ислама посредством постоянно действующего института сотрудничества государства и организаций диаспоры – Исламской конференции при МВД, поощряя умеренные организации и маргинализируя радикалов. Новые, радикализированные массы существенно затормозили процесс интеграции ислама.

Несколько слов о том, что представляет собой в настоящее время диаспора этнически и религиозно. Самой значительной ее частью по-прежнему остается турецкая, состоящая из потомков гастарбайтеров, приехавших в страну в начале 60-х годов, а также из «беженцев», принятых в разное время в силу их «преследования за убеждения» в Турции¹.

¹ В 2020 г. в Германии проживали 1 461 910 турецких граждан и около 3 млн граждан с турецкими корнями. В последние два года число турецких граждан сокращается в силу активного приема ими немецкого гражданства. 63% живущих в Германии турок – сунниты. [Statista...]

Гастарбайтеры, их потомство и их непрерывно пополняющееся родство из Турции традиционно лояльны как Германии, так и турецкому государству, их мечети принадлежат управляемому из Турции союзу DITIB и принимают муфтиев, назначаемых из Турции. Второй поток, формировавший турецкую диаспору по большей части в 80–90-е годы, состоял из лиц, принимаемых по «Закону о предоставлении политического убежища» (до первого его ужесточения в 1993 г.). Он состоял не только из курдов¹, но нередко из радикальных мусульман, причем радикальных настолько, что они преследовались турецкими властями. Именно такие беженцы привнесли немалый вклад в радикализацию турецкого ислама внутри Германии. Их мечети в основном принадлежат союзу Milli Göruş.

Следующий поток формирования мусульманской диаспоры Германии – беженцы из арабского пространства. С их въездом изменилась социальная структура мусульманского населения ФРГ – турки с социальной точки зрения представляли относительно благополучную группу, арабские же беженцы создали слой социально нуждающихся и в то же время криминогенных мусульман (например: клан Абу-Чакер в Берлине).

До иммиграционного кризиса 2015–2017 гг. около 63% живших в Германии мусульман были турецкого происхождения. Кроме них были представлены арабы, боснийцы, пакистанцы, афганцы, чеченцы, косовские албанцы, немецкие конвертиды. В силу этнического разнообразия мусульман в Германии также были представлены и практически все значительные направления ислама: по численности преобладали турецкие сунниты, им следовали шииты (алевиты, иранские имамиты, турецкие шииты, измаилиты), суфийские группы.

Приняв по ходу миграционного кризиса 2014–2016 гг. в короткий момент сразу более 1 млн мусульман, Германия стала обладательницей крупнейшей исламской общины Европы (более 5 млн человек).

Относительно стабильной турецкой диаспоре и остальным, представленным в Германии мусульманским организациям и союзам, после 2015 г. противостояло огромное количество неорганизованных, беспокойных мусульман из арабских стран. Германия фор-

¹ У курдских беженцев тоже был террористический потенциал, правда не исламистский. ПКК, десятилетиями ведущая подпольную борьбу за «независимый Курдистан» вербует своих сторонников в Германии и находится под наблюдением Службы защиты Конституции.

мально принимала в первую очередь сирийских беженцев, однако немалое количество предполагаемых сирийцев оказывались на поверку мигрантами из стран Магриба, купившими сирийские паспорта в Стамбуле. Это были как правило молодые мужчины, иной раз даже несовершеннолетние по документам или вообще без них.

Турецкие сунниты были обеспокоены количественным усилением арабского ислама. С увеличением доли арабов, усиливались организации и группы, принадлежащие Центральному совету мусульман Германии, и без того известному своими радикальными позициями и конкурирующему с Исламским советом ФРГ¹. Стабильное консервативное большинство турецкой общины не поддерживает радикализации ислама в Германии.

* * *

В последнее десятилетие ислам в Германии является предметом заботы и контроля со стороны государства. В стране ведется (в основном) хорошо координированная, структурированная борьба с исламизмом, включающая как превентивные меры, так и репрессивные, и охватывающая все уровни общества – от государственных органов до гражданских организаций. Для этого государство развило соответствующий инструментарий.

С 2006 г., в годы правления Большой коалиции (консерваторы и социал-демократы), под эгидой МВД в Германии начала работу Исламская конференция Германии, которая в наше время уже оправдала себя не только как институт взаимодействия государства и способной к интеграции части мусульманской общины, но и как способ селекции действующего внутри страны ислама с целью идентификации радикальных сил и предотвращения террористической опасности. В настоящее время особый упор делается на «германизацию» ислама, с тем чтобы в рамках предмета «религия» он преподавался мусульманским школьникам педагогами, получившими образование в немецких университетах, и чтобы в мечетях, принадлежащих организациям, сотрудничающим с государством, проповедовали муфтии, получившие образование в Германии, а не из исламских стран. Тем самым, как говорил в 2020 г. тогдаш-

¹ Оба Совета созданы в 80-е годы, оба претендуют на роль основного. Исламский совет ФРГ, объединяя 37 преимущественно турецко-суннитских организаций, другой, уже упоминавшийся выше Центральный совет мусульман Германии, объединяя 21 организацию, преимущественно арабских и мульти-этнических.

ний министр внутренних дел Хорст Зеехофер, удается «создавать альтернативы влиянию из-за рубежа» [Deutsche Islamkonferenz ...]. На это новое поколение имамов возлагается надежда эмансиации от Турции, которой подконтролен союз DİTİB, и от Саудовской Аравии, содержавшей в Германии «Исламскую академию короля Фахда»¹ и предлагавшей Германии (с негодованием отвергнутую) помочь в строительстве новых мечетей.

Диалог государства с исламом – лишь одна сторона деятельности государства, направленной на предотвращение дальнейшего обособления и радикализации ислама внутри страны. Однако есть, разумеется, и другая сторона – непосредственная борьба государства с внутренним исламизмом, нейтрализация его террористического потенциала.

Антитеррористические инициативы германских властей проходят в общем правовом поле антитеррористической борьбы в ЕС, поскольку многие европейские страны имеют сильные мусульманские диаспоры. Достаточно сказать, что только в 2014–2015 гг. в Сирию и в Ирак из стран ЕС выехали воевать за ИГ более 7000 известных местным спецслужбам исламистов [BPK, Syrien...]. В Германии исламским терроризмом занимаются несколько государственных силовых служб. Так, например, к борьбе активно подключилась Федеральная криминальная служба, обычно занимающаяся полицейскими вопросами. Она начала расследование исламистски мотивированной преступности еще в 2000 г., однако под особый прицел исламский терроризм попал лишь после информации, что террористические исламистские атаки в США в 2001 г. были подготовлены «Гамбургской ячейкой».

Кроме нее, исламизмом и исламским терроризмом, в контексте предупреждения и борьбы с ним, занимаются Федеральная служба защиты Конституции, Федеральная служба разведки, Служба военной разведки.

В 2004 г. спецслужбы и полиция создали в Берлине «Объединенный центр по предотвращению терроризма» [BKA, Gemeinsames...], который в числе прочего преследует и исламский терроризм. Данный центр не был выделен в отдельную службу,

¹ Саудовско-арабская школа, которая, по данным спецслужб, поддерживала контакты с террористической сетью бин Ладена. Большинство известных спецслужбам боннских исламистов посыпали своих детей в эту школу [DPA: Bonn ...], а иные даже специально переезжали для этого в Бонн, создав городу славу «bastion of Islamism». Закрыта лишь в 2016 г. после длительного конфликта с властями.

это была координационная платформа, в которой соединили свои усилия восемь федеральных и 32 земельные службы, включая внутреннюю, внешнюю и военную разведку, полицию, и Федеральную службу по делам мигрантов и беженцев.

В 2012 г. аналогичный «Объединенный центр по предотвращению экстремизма и терроризма» был создан и в Кёльне. Работа представленных в нем служб координируется по следующим направлениям: ежедневный мониторинг, менеджмент рисков, оперативный обмен информацией, анализ конкретных проявлений исламистского терроризма, транснациональные аспекты, кадровый потенциал исламистского терроризма, правовые меры против исламистского терроризма, дерадикализация.

В эти годы, по заверениям спецслужб, им удалось предотвратить несколько террористических акций в Германии, явившихся, по их словам, подтверждением того, что и Германия, подобно другим европейским странам, «попала в поле зрения» террористов. На самом деле в поле их зрения она, разумеется, была давно, но не как место покушений, а как место жизни. И первый удавшийся исламистский теракт в Германии был направлен не против немцев, а против американских солдат в аэропорту Франкфурта-на-Майне в 2011 г. Ситуация трансформировалась по ходу миграционного кризиса; как уже отмечалось выше, мусульманское население Германии по ходу приема беженцев изменилось не только количественно, но и качественно, в связи с увеличением доли боевиков ИГ или же молодых людей, оставивших семьи на родине и в силу этого легко становившихся жертвами шантажа ИГ.

С этого времени случались теракты против местного населения. В одном только 2016 г. в переполненной «беженцами» Германии произошло несколько событий, оцененных полицией на портале Федеральной криминальной службы как терроризм: нападение с ножом на полицейского в Ганновере (февраль); взрыв бомбы в молельне сикхов в Эссене (апрель)¹; нападение с топором на пассажиров регионального поезда в Вюрцбурге (июль)²; взрыв в бавар-

¹ Задержанные подростки-салафиты признались, что планировали взрыв как акт «борьбы с неверными» [Hohe Jugendstrafen...].

² Подросток из Пакистана, прибывший в Германию через Венгрию в 2015 г. без документов и зарегистрированный как «малолетний афганский беженец без сопровождения», зарубил топором семью гонконгских китайцев. По данным полиции, радикализовался уже в Германии в контактах с эмиссарами ИГ. Ответственность за теракт взяло на себя ИГ [Friedmann J..].

ском Ансбахе (июль)¹. Самый крупный теракт 2016 г. состоялся в декабре, на Рождественском рынке у церкви в берлинском районе Шарлоттенбург². Снова и снова спецслужбы, по собственным данным, предупреждали мелкие террористические акты (по данным Службы защиты Конституции с 2016 по 2022 г. было предотвращено 15 исламистских покушений) [BfV – Islamismus...], однако даже в 2020 г., во время пандемии, состоялась серия покушений в Вальдкрайбурге (апрель)³, стрельба в Берлине на автобане (август)⁴, поножовщина в Дрездене (октябрь)⁵.

Помимо непосредственных террористов отслеживается «исламистская сцена», т.е. весь круг, в той или иной мере связанный с исламизмом, а также симпатизирующие ему. Здесь молодежь радикализуется, здесь происходит вербовка новых членов в террористические ячейки и выезд на обучение в тренировочные лагеря боевиков ИГ⁶, формируется так называемый «немецкоязычный джихадизм». Отмечается прирост мотивированных молодых женщин, в основном членов семей, взявших на себя «хоум офис»⁷. Из 1150 известных на 2022 г. немецким спецслужбам постоянно проживающих в Германии исламистов, выехавших на Ближний Восток в Ирак и Сирию с целью обучения в лагерях исламистов

¹ Террорист, 27-летний сирийский беженец, прибывший в Германию через Болгарию, нечаянно взорвал себя и 15 человек в винном баре вместо запланированного взрыва в толпе во время местного музыкального фестиваля. Доказаны связи с ИГ [Anschlag in Ansbach...].

² Молодой уголовник Анис Амри из Туниса, назвавший себя «солдатом ИГ», прибыл как беженец через Италию во время «арабской весны» 2011, въехал на грузовике в пешеходную зону Рождественского рынка у церкви, убив 11 и ранив 55 человек [DPA: Polizisten...].

³ Сторонник ИГ в апреле-мае взрывал турецкие предприятия и магазины, целью были турецкие культурные организации, мечети и имамы. Причина – ненависть к Турции в силу ее позиции в Сирийском конфликте [Auftakt im Terror...].

⁴ Исламист на автобане охотился на мотоциклистов, тяжело ранив троих человек [Morling U.].

⁵ Поножовщина с двумя жертвами, устроена сирийским беженцем, активным сторонником ИГ. Жертвы – двое живущих в зарегистрированном партнерстве гомосексуалистов из Кёльна, приехавших в отпуск посмотреть Дрезден [Messerangriff in Dresden...].

⁶ До 2011 г. ездили преимущественно в пограничье между Пакистаном и Афганистаном, с 2012 г. – в Ливию и Египет, с 2014 – в Сирию и Ирак (данные: [BKA: Islamistisch...]).

⁷ «Они мотивируют молодых людей, работают для исламистов в Интернете, занимаются там вербовкой, предоставляют исламистам всю логистику и к тому же путешествуют с ними туда-сюда» [Hoever...].

или с целью поддержки радикальных исламистских организаций и до сих пор там находящихся, 5% женщины. Подавляющая часть выезжающих – моложе 30 лет [BfV – Islamismus ...].

Возвращенцев, о которых известно, что они были в тренировочных лагерях ИГ или же сражались за ИГ, арестовывают уже в аэропортах. Остальные наблюдаются спецслужбами. Причины возвращений различны¹, кто-то (чаще всего немецкие конвертиды) следуют давлению семьи, другие к живущим в Германии семьям возвращаются, чтобы отдохнуть и собраться с силами, хотя в последнее время отмечается, что в тренировочные лагеря выезжают целыми семьями, забирая с собой и детей.

Немецкими спецслужбами отслеживаются также так называемые «опасные лица» (Gefährder), совершающие мелкие преступления и замеченные в связях с известными спецслужбами исламистами. На 2022 г. под наблюдением состоят 630 таких лиц, причем 217 из них европейские конвертиды, а 119 имеют немецкое гражданство. Поэтому, вопрос исламского терроризма в Германии одними депортациями уже не решить.

На июль 2022 г. (это пока последние статистические данные) в Германии, по данным Службы защиты Конституции, проживало 28 290 человек, идентифицированных как исламисты с террористическим потенциалом. Самая большая группа (более 11 000) – салафиты, им следует Милли Гёруш с 10 000, Мусульманское братство (1450) и Хизб ут-Тахрый (международная панисламистская партия) (Hizb) – 700 зарегистрированных членов².

Рост исламизма ведет к структурным перестройкам силовых служб. Федеральная криминальная служба, например, выделила в 2019 г. из общего отдела «Полицейская защита государства» отдел «Исламистски мотивированный терроризм» [BKA – Islamistisch ...]. Исламизм находится в нем под грифом «религиозная идеология» как часть всей «политически мотивированной преступности» (куда входят и правый и левый терроризм).

¹ О мотивах возвращающихся см. штудию Федеральной криминальной службы: [BKA – Forschungsergebnisse...].

² Статистика исламизма постоянно актуализируется на портале Службы защиты Конституции Bundesamt für Verfassungsschutz – Zahlen und Fakten. – https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/zahlen-und-fakten/zahlen-und-fakten_node.html;jsessionid=3C1D36B63A8A1CE20F041C42AFC16A1F.internet282

В Федеральной службе защиты Конституции (внутренняя спецслужба) исламизму, который раньше был частью отдела Экстремизм иностранных», также выделен теперь особый отдел «Исламизм и исламский терроризм» (отдел 6) [BfV – Islamismus ...]. Федеральное министерство обороны и Военная разведка занимаются исламизмом в рядах армии¹. Впрочем, по уверениям военных экспертов, растет в бундесвере лишь правый экстремизм, а исламизм уменьшается – за 2019 г. они фиксировали лишь 78 подозрительных случаев [BMVg.], причем процитированное исследование единственное и данные с тех пор не обновлялись. Служба внешней разведки связана с темой во всем, что касается внешних связей немецких исламистов и их взаимодействия с зарубежным исламизмом, и координирует здесь свою работу в рамках Объединенного центра с другими немецкими спецслужбами.

Наряду со структурными изменениями силовых служб, улучшающими логистику антитеррористической борьбы, меняется и правовая ситуация. Издаются законы, нацеленные на предупреждение и предотвращение исламистской опасности. Так, деятельность ИГ и ее символика в Германии были запрещены еще в сентябре 2014 г. [BMI – Presse ...]. Запрещается деятельность в Германии объединений и союзов, связанных с исламизмом [BfV – Islamismus]. Принятый после резолюции ООН от 2014 г.² в июне 2015 г. закон позволяет изымать у воинствующих исламистов паспорта, чтобы не допустить их выезда из страны в места военных действий [BMI – Alle Meldungen]. Изменениям подвергся и Уголовный кодекс: теперь выезжающие в страны, где действуют тренировочные лагеря исламистов, несут наказание, если будут доказаны их пребывание там и их подготовка.

Кроме того, государство дало старт информационной работе с гражданами не только через Федеральный центр политического образования, [BWB. Bundesweite...], но и через порталы министерств и служб. Федеральное министерство внутренних дел предлагает гражданам развернутые ответы на все возможные вопросы о том, что представляет собой исламизм в Германии, как распо-

¹ Координационный отдел случаев подозрения в экстремизме, Die Koordinierungsstelle für Extremismusverdachtsfälle (KfE). – Extremismus in der Bundeswehr: Bericht zeichnet differenziertes Bild (bmvg.de). – <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/extremismus-bundeswehr-bericht-zeichnet-differenziertes-bild-5035908>

² ООН в резолюции требует от государства, предотвратить выезды «своих» исламистов к месту тренировочных лагерей исламских террористов [BMI – Alle Meldungen].

знать исламиста, почему в Германии растет число салафитов и чем опасен салафизм, как себя вести в случае опасности и как помочь спецслужбам [BfV – Islamismus ...]; Служба защиты Конституции информирует о представленных в Германии группировках (салафитские, джихадистские, радикальные, легалистские).

Ужесточаются также критерии, разрешающие исламским союзам работу в Германии. Это дает возможность запретить целый ряд ранее представленных в Германии организаций.

* * *

«Угроза исламизма по-прежнему высока. И в Германии мы должны каждый день принимать в расчет возможность исламистских покушений. Поэтому силовые службы Германии бдительны», – заявляет на портале Службы защиты Конституции ее глава Томас Хальденванг [BfV – Islamismus]. Изменение внешнеполитической и внутренней ситуации в связи с СВО и с вовлечением Германии в конфликт повлияло на информационный фон в стране, но не на внимание государства к исламистскому сегменту террористической опасности. Идентифицировав исламистскую угрозу, спецслужбы преследуют ее с чисто немецкой педантичностью, проблемы могут возникнуть лишь в характере распределения и перераспределения средств в сторону борьбы с угрозами, которые в нынешних условиях могут показаться государству более актуальными.

В заключение можно сказать, что ситуация с немецким исламом – пример того, как государство десятилетиями само выращивает угрозу внутри себя. Практически до начала нулевых годов (2004, новый закон об иностранцах) Германия отказывалась признать, что она – «принимающая страна», т.е. государство, на регулярной основе, а не в порядке исключения, принимающее мигрантов. Это привело к неконтролируемому росту мусульманской диаспоры с неурегулированным статусом пребывания ее большинства при отсутствии каких-либо государственных мер по их интеграции в общественный и правовой порядок. Поглощенность ФРГ «основным конфликтом эпохи» в период противостояния блоков привела к недооценке роли ислама, считавшегося «культурной особенностью» временно проживающих в стране иностранцев. Либеральный закон о предоставлении политического убежища привел в страну радикальных мусульман, в собственных странах преследуемых как террористы. Политика мультикультурализма, считавшаяся чуть ли не обязанностью Германии в контексте ее «исторического прошлого», привела к формированию параллель-

ных обществ. Характер сложившейся в таких условиях исламской диаспоры способствовал ее радикализации. Семена исламистских эмиссаров падали на благоприятную почву.

Политический курс стал меняться лишь после сентября 2001 г., в рамках общего ужесточения курса Запада по отношению к исламизму. Закон об иностранцах (2004) упорядочил регулярный въезд и впервые строго связал натурализацию с интеграцией. Диалог, предложенный государством исламским организациям, вывел неинтегрируемые организации из сферы легальности (салафиты), в 2014 была запрещена деятельность ИГ. Иными словами, Германии в прошедшие годы пришлось инвестировать силы и средства, чтобы нейтрализовать или устраниТЬ те предпосылки к радикализации внутреннего ислама, которые сама же и создала десятилетиями прошедшего бездействия. Дальнейшей радикализации диаспоры, при учете принимаемых государством против этого мер, скорее всего не будет.

References

1. Anschlag in Ansbach. – Frankfurter Allgemeine Zeitung, 27-08-2018. – Mode of access: Terror in Ansbach: News der FAZ zum Selbstmordanschlag
2. Auftakt im Terror-Prozess nach Anschlagsserie von Waldkraiburg. – Augsburger Allgemeine, 02.03.2021. – Mode of access: IS-Attentäter: Auftakt im Terror-Prozess nach Anschlagsserie von Waldkraiburg | Augsburger Allgemeine (augsburger-allgemeine.de).
3. Bartocha A. Die “Dienstleister” wollen nun mehr. – Radio Berlin-Brandenburg, 26.11.2020. – Mode of Access: Tschetschenische Clans in Berlin: BKA warnt vor weiteren Eskalationen mit arabischen Kriminellen | rbb24
4. BAMF, Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – Mode of access: Beratungsstelle Radikalisierung, Format: Artikel, Bereich: Behörde (bamf.de).
5. BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz. Islamismus und islamischer Terrorismus- Mode of access: BfV – Islamismus und islamistischer Terrorismus (verfassungsschutz.de).
6. BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz : Bundesinnenminister verbietet islamistisches Netzwerk “Ansaar International e.V.” – BfV – Islamismus und islamistischer Terrorismus – Bundesinnenminister verbietet islamistisches Netzwerk “Ansaar International e.V.” (verfassungsschutz.de).
7. BKA, Bundeskriminalamt. – Mode of access: BKA – Datenbestand und Nutzung der Antiterrordatei (ATD) und der Rechtsextremismus Datei (RED).
8. BKA, Bundeskriminalamt. – Mode of access: BKA – Gemeinsames Terrorismus-abwehrzentrum (GTAZ).
9. BKA, Bundeskriminalamt. – Mode of access: BKA – Forschungsergebnisse – Analyse der Radikalisierungshintergründe und – Verläufe der Personen, die aus islamistischer Motivation aus Deutschland in Richtung Syrien oder Irak ausgereist sind.
10. BKA, Bundeskriminalamt. – Mode of access: BKA – Islamistisch motivierter Terrorismus/Extremismus.

11. BMI, Bundesministerium des Innern. – Mode of access: BMI – Presse – De Maizière verbietet Betätigung der Terrororganisation “Islamischer Staat” in Deutschland (bund.de).
12. BMI, Bundesministerium des Innern. – Mode of access: BMI – Alle Meldungen – Verhinderung von Reisen radikalisierter Personen (bund.de).
13. BMI, Bundesministerium des Innern. – Mode of access: BMI – Islamismus und Salafismus – Islamistischer Terror (bund.de).
14. BVerwG, Bundesverfassungsgericht. – Mode of access: BVerwG zum Streit um islamischen Religionsunterricht (Ito.de).
15. BPB, Bundeszentrale für politische Bildung. – Mode of access: Bundesweite Übersicht der Anlaufstellen | bpb.
16. BMVg, Bundesministerium für Verteidigung. – Mode of access: Koordinierungsstelle für Extremismusverdachtsfälle BMVg c. 10.
17. *Bullion C.* Seehofer: Gefährliche IS-Rückkehrer müssen in Haft. – Süddeutsche Zeitung, 19.02.2019. – Mode of access: Islamisten – Seehofer: Gefährliche IS-Rückkehrer müssen in Haft – Politik – SZ.de (sueddeutsche.de).
18. DIK, Deutsche Islam Konferenz – Mode of Access: DIK – Deutsche Islam Konferenz – Startseite (deutsche-islam-konferenz.de).
19. Deutsche Islamkonferenz: Seehofer ruft zum Kampf gegen Fanatiker auf. – Deutsche Welle – 10.11.2020. – Mode of access: Deutsche Islamkonferenz: Seehofer ruft zum Kampf gegen Fanatiker auf (dw.com).
20. DPA: Bonn eine “Hochburg” für Islamisten? – Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.03.2005. – Mode of Access: Staatsschutz: Bonn eine “Hochburg” für Islamisten? – Inland – FAZ.
21. DPA: Kaplan in die Türkei abgeschoben. – Der Spiegel, 12.10.2004. – Mode of access: Urteil: Kaplan in die Türkei abgeschoben – DER SPIEGEL
22. DPA: Polizisten erheben schwere Vorwürfe gegen Innenministerium. – Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.11.2019. – Mode of access: Fall Anis Amri: Schwere Vorwürfe gegen Innenministerium (faz.net).
23. *Franz R.* Salafisten: Bonn bleibt Hochburg für islamistische Gefährder. – Generalanzeiger Bonn, 28. März 2018. – Mode of access: Salafisten: Bonn bleibt Hochburg für islamistische Gefährder (ga.de).
24. *Friedmann J.* Ein Jahr Flüchtling, ein Jahr Islamist – Der Spiegel. – 19.07.2016. – Mode of access: Attentäter von Würzburg: Ein Jahr Flüchtling, ein Tag Islamist – DER SPIEGEL.
25. *Hoever F.* Bonner Polizeipräsident: “Das Personal reicht natürlich nie”. – Generalanzeiger Bonn. – 6.Juli 2020. – Mode of access: Bonn: Polizeipräsident Frank Hoever im Interview (ga.de).
26. Hohe Jugendstrafen für Anschlag auf Essener Sikh-Gebetshaus. – Deutsche Welle, 21.03.2017. – Mode of access: Hohe Jugendstrafen für Anschlag auf Essener Sikh-Gebetshaus | Aktuell Deutschland | DW | 21.03.2017
27. *John, B.* Einwanderung in Deutschland: Kriminelle Clans sind kein Resultat von gescheiterter Integrationspolitik. – Tagesspiegel, 16.06.2019. – Mode of access: Einwanderung in Deutschland: Kriminelle Clans sind kein Resultat von gescheiterter Integrationspolitik – Politik – Tagesspiegel.
28. *Marten S.* Seehofer sieht “jederzeit Gefahr” von Anschlägen in Deutschland. – Frankfurter Allgemeine Zeitung, 05.11.2020. – Mode of access: Islamistische Anschläge: “Jederzeit Gefahr” in Deutschland (faz.net).

29. Messerangriff in Dresden – Verdächtiger ist islamistischer Gefährder. Der Spiegel, 21.10.2020 – Mode of access: Dresden: Messerangriff auf zwei Männer – Verdächtiger ist islamistischer Gefährder – DER SPIEGEL.
30. *Morling U.* Prozess um Anschlag mit Auto auf A100 in Berlin gestartet. – Radio Berlin-Brandenburg. – 15.04.2021. – Mode of access: Prozess um Anschlag auf A100 mit drei Schwerverletzten gestartet / rbb24
31. Nach Türkei-Abschiebung Kommt einer der größten Staatsfeinde zurück nach Köln? – Express, 22.02.2021. – Mode of access: Metin Kaplan: Kommt Kalif von Köln zurück nach Deutschland? / Express.de.
32. *Reimann A.* 500 Seiten politischer Sprengstoff. – Der Spiegel. 20.12.2007. – Mode of access: Schäubles Muslim-Studie: 500 Seiten politischer Sprengstoff – DER SPIEGEL.
33. *Scheffer P.* Die Eingewanderten Toleranz in einer grenzenlosen Welt – Carl Hanser Verlag, München, 2008, 536 S.
34. Statista, Anzahl der Ausländer aus Türkei. – Mode of access: Ausländer aus der Türkei in Deutschland bis 2020 / Statista.
35. UN, Resolution 2178 (2014). – Mode of Access: United Nations Official Document.
36. Was folgt aus der gescheiterten Klage der Islam-Verbände? – Mediendienst, 21.11.2017. – Mode of access: Was folgt aus der gescheiterten Klage der Islam-Verbände? / Artikel / MEDIENDIENST INTEGRATION (mediendienst-integration.de).

*Статья поступила в редакцию 29.03.2023.
Принята к публикации 06.04.2023.*

Pogorelskaya S.V. Moslems in Germany: is Radicalization Possible?

Swetlana V. Pogorelskaya,
PhD (Political Science),
PhD of the University of Bonn,
Senior Research Associate,
INION,
e-mail: pogorelskaja@yahoo.de
ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158

Abstract. *The potential danger of radicalization of the Islamic diaspora of Germany is considered in connection with the ethnic composition, religious characteristics and in the context of measures taken by the state to integrate Islam and to prevent Islamic terrorism.*

Keywords: *internal policy of Germany; Islamic community of Germany; Islamic terrorism; Islamic Conference of Germany.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дмитриева Е.Л.*

РЕЛИГИЯ В РОССИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВИЯ И ИСЛАМА)

DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10

Для цитирования: Дмитриева Е.Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10

Аннотация. В статье анализируется влияние цифровых технологий на религиозные институты в России. Цифровизация в настоящее время охватывает все сферы жизни человека и ее проникновение в религиозную сферу – это закономерный и необходимый процесс. Приобщение религии к цифровой среде имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, религиозные деятели начинают вести диалог с верующими посредством информационных технологий, в результате чего увеличивается религиозная аудитория, привлекаются новые последователи, а с другой стороны, онлайн общение может привести к тому, что верующие перестанут посещать храмы, мечети, сведут до минимума свое участие в жизни религиозной общины; таким образом, может произойти разобщение верующих. Для оценки новой религиозной цифровой реальности необходим анализ происходящих процессов с богословской и нравственной точек зрения, а также определение допустимых границ внедрения цифровых технологий в религиозную сферу жизни человека. В статье рассматривается отношение православия и ислама в России к ИТ-технологиям.

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник Редакции журналов «Россия и мусульманский мир» на русском и английском языках ИНИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

Ключевые слова: религия; адаптация к цифровизации; ИТ-технологии; интернет-пространство; религиозные практики; пандемия; цифровая религия; Россия; православие; ислам.

Введение

В настоящее время информационные технологии стали реальностью и изменили привычный образ жизни людей. Процессы цифровизации охватили не только социально-экономическую сферу жизни человека, но и такую, на первый взгляд, далекую от процессов модернизации область, как духовная, и, в частности, религию. Религия вынуждена адаптироваться к изменяющимся условиям жизни общества и присоединиться к участию в цифровизации, чтобы не растерять своих последователей.

Процесс адаптации религии к цифровой среде стал набирать обороты в конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда появилось, такое понятие, как цифровая среда, стали активно развиваться социальные сети в качестве нового способа информационно-коммуникационного обмена, возник большой сегмент интернет-сайтов с религиозной тематикой. Диалог между священнослужителями и верующими стал происходить не только через традиционное живое общение в культовых сооружениях (храм, мечеть и т.д.), но и в интернет-пространстве. Религия, таким образом, начала адаптироваться к новым запросам и ритму жизни современного человека. Данный процесс имеет как положительные (доступ к богатейшему наследию религиозной мысли, популяризация трудов богословов, просветительская деятельность среди молодежи и т.д.), так и отрицательные моменты (снижение посещаемости культовых сооружений, разобщение верующих, пропаганда псевдорелигиозных направлений и радикальных религиозных течений в онлайн-формате и т.п.). Встает также вопрос о допустимых границах и уместности применения цифровых технологий в религиозных практиках (виртуальные молитвы, паломничество и т.д.), так как специфика цифровой среды не всегда соответствует моральным и ценностным критериям различных религий.

Виртуализация религиозного пространства дает больше свободы верующим в религиозной жизни сообщества и позволяет обходиться в некоторых случаях без участия священнослужителей. У определенной части верующих общение онлайн вызывает больше доверия, чем посещение храма или мечети и общение с представите-

лями духовенства в очном формате. На первый план выходит роль администраторов сайтов, которым принадлежит важная функция модерирования и контроля за контентом сайтов. Таким образом, они, вольно или невольно, могут оказывать негативное влияние на сообщество верующих, устанавливать какие-либо правила и границы общения, не соответствующие религиозным моральным и этическим нормам. Данная ситуация с администрированием сайтов вызывают у представителей духовенства некоторые опасения, учитывая высокие темпы и масштабы цифровизации религиозной сферы, но тем не менее они осознают важность и необходимость использования цифровых технологий в жизни церкви. В настоящее время становятся все более актуальными вопросы цензуры и регламента интернет-площадок со стороны представителей духовенства. Проблемой является и то, что духовные лица не всегда обладают достаточными техническими знаниями для выполнения функций модераторов.

Начавшаяся в 2020 г. пандемия изменила представления о роли ИТ-технологий в религии и поставила много вопросов перед представителями духовенства о расширении границ религиозной цифровой среды. В условиях пандемии население столкнулось с карантинными мероприятиями, и остро всталла проблема проведения в виртуальном пространстве тех ритуалов, которые ранее были возможны только в очном формате. Ситуация поменялась кардинальным образом, и то, что раньше считалось неприемлемым, стало реальностью в этот период. Верующие утратили возможность посещать религиозные учреждения и мероприятия, исчезла возможность приобщения к таинствам богослужения, в сознании людей произошел слом религиозных традиций. Все эти факторы явились мощным толчком к вынужденному принятию новой виртуальной реальности, в которую были перенесены многие традиционные религиозные практики. Таким образом, в пандемийный период произошло переосмысление и расширение виртуального религиозного пространства, у верующих появилась возможность не только получать сведения из Интернета, но и участвовать в онлайн-ритуалах и богослужениях. Интересно, что в период после пандемии цифровые ритуалы не ушли из виртуального поля и продолжают существовать наряду с богослужением в храмах.

Сегодня широкое внедрение цифровых технологий в религиозную жизнь общества вызывает меньше критики и неприятия как со стороны священнослужителей, так и со стороны верующих, чем это было на начальных этапах данного процесса и в период до пандемии.

ИТ-технологии в православии и исламе

Русская православная церковь (РПЦ) признает необходимость и важность использования цифровых технологий в осуществлении религиозной деятельности и общении с верующими, но в то же время настороженно относится к проведению религиозных обрядов в онлайн-формате. В РПЦ считают, что виртуальное общение с Богом не заменяет подлинного общения верующих в храме на богослужении, а некоторые религиозные действия не могут происходить в цифровой реальности. Цифровизация не должна выходить за рамки технологий и влиять на поведение человека, изменять его сущность. РПЦ отмечает важность верности традиции и рассматривает ее как главное условие самосохранения и развития личности верующего человека.

РПЦ не отвергает само использование ИТ-технологий в области религиозного просвещения, миссионерской деятельности, организации общения и дискуссий, хотя на начальном этапе цифровизации православная церковь настороженно относилась к этому явлению (были даже предостережения от пользования Интернетом). Но с развитием цифровых технологий и их активным внедрением в жизнь общества произошло изменение и церковной позиции, так как невозможно было игнорировать появление новых технологий и включение их в различные сферы жизни общества.

Чтобы адаптироваться к новой цифровой реальности, были разработаны правила, которые регламентировали отношение церкви к ИТ-технологиям, позволяющим проведение православных религиозных обрядов не только в храмах, но и в онлайн-среде. Некоторые обряды возможно провести онлайн, например, поставить свечу, заказать молебен, побеседовать со священником. Такие услуги пользуются популярностью среди верующих и уже существует множество сайтов, где это можно сделать, когда нет возможности посещать храм. Верующие положительно воспринимают подобную практику цифровизации обрядов, особенно молодое поколение, для которого цифровая реальность является уже обычным делом.

В современных условиях больше невозможно закрывать глаза на достижения в области цифровых технологий, поэтому процесс вовлечения РПЦ в цифровую среду активно набирает обороты. Появилось большое количество православных блогеров, среди которых много представителей духовенства. Растет число образо-

вательных православных сайтов. Современная православная молодежь заняла активную позицию в Интернете и имеет свои страницы в социальных сетях и блогах (Одноклассники, ВКонтакте, ЖЖ и др.). Отрицательной стороной интернет-общения стало появление в Сети лжесвященников, блогеров-мошенников, с которыми РПЦ приходится активно бороться (постоянно отслеживаются и публикуются списки сайтов лжесвященников, ресурсов, блогов, которые не имеют отношения к официальному православию).

Внедрение новых цифровых технологий в жизнь мусульман России также приводит к появлению новых форм общения, продуктов и услуг. Совет муфтиев России выступает за широкое применение ИТ-технологий и приветствует использование социальных сетей и других интернет-площадок для продвижения идей ислама, для дискуссий на религиозные темы, для осуществления связи между этническими и религиозными общинами, а также для опровержения ложных представлений об исламе. Цифровые технологии рассматриваются в исламе как нейтральные по своей природе, человек их может использовать либо во благо, либо во зло, а игнорирование цифровой среды приведет к изоляции религиозного сообщества от мира. Необходимо признать, что среди мусульман России есть часть верующих, которые занимают негативную позицию по отношению к цифровым технологиям и призывают к отказу от их применения, объясняя это желанием сохранить традиции, но парадокс состоит в том, что даже им приходится использовать интернет-пространство для трансляции своей точки зрения.

Одним из основных источников модернизации исламской религиозной практики является Интернет. С его помощью сегодня можно совершить виртуальный хадж, зайдя на сайт для посещения Мекки, прослушать религиозную проповедь по видеоконференции, доступно даже жертвоприношение барана (покупка и забой животного онлайн). В Интернете для мусульман существуют сайты знакомств, которые действуют строго по нормам ислама, сервисы пожертвования денег на благотворительность, специализированные исламские интернет-магазины с халяльной продукцией, особо активно в последнее время появляющиеся и функционирующие в Сети.

Для мусульман разработано огромное количество разнообразных приложений для смартфонов, позволяющих следовать религиозным практикам ислама, а в продаже появилось большое количество электронных устройств (часы с интервалами для молитв, электрон-

ные четки в виде датчика на пальце руки, электронный коврик для намаза). Халяльными считаются электронные устройства, которые не имеют отношения к азартным играм, употреблению наркотиков, алкоголя и табакокурению.

Необходимо отметить, что цифровая религиозная платформа в России еще не заполнена до конца и поэтому ее православный и исламский сегменты имеют хорошие перспективы для роста.

Заключение

По мере развития информационных технологий в России продолжается процесс модернизации религиозной сферы. Религия смогла преодолеть трудности, связанные с необходимостью сохранить традиционные духовно-нравственные ценности, и адаптировалась к новой цифровой реальности. Отказ от использования цифровой среды в религиозной жизни общества означал бы потерю огромной части своих последователей и фактическую изоляцию от мира.

Интернет, как важный источник религиозных знаний, имеет приоритет среди верующей молодежи. Необходимо также отметить, что при общей предпочтительности традиционных религиозных практик, их цифровые аналоги постепенно увеличивают количество своих приверженцев из общего числа верующих. Это объясняется возросшим проникновением современных информационных технологий в повседневную жизнь людей, изменением ритма жизни, повышением комфорта, а также соблюдением режима безопасности в определенных условиях. Нельзя не отметить, что процессы цифровизации, к сожалению, как в религиозной, так и в других сферах жизни человека ведут к обособлению и разобщению людей, к переходу от личного общения к обезличенным контактам в виртуальном пространстве, что не может не сказаться на психологическом и психическом состоянии человека.

Слабым звеном в религиозной цифровой среде по-прежнему остаются вопросы кибербезопасности. Пока еще не существует полной защиты от действий злоумышленников в Сети (взлом сайтов и распространение заведомо ложной информации, подмена содержания сайтов, незаконного использования личных данных пользователей и т.д.).

На протяжении долгого времени религия оставалась достаточно консервативным институтом, но с развитием цифровых технологий то, что ранее казалось невозможным в осуществлении религиозных практик, стало сегодня реальностью.

Литература

1. Белоруссова С.Ю. Религия в виртуальном пространстве. Этнография. 2021. 4 (14). С. 94–118.
2. Юлдашев М.Д., Иванченко А.И., Куликова О.А. Отношение представителей основных религиозных течений к цифровизации религии // Вестник университета. 2022. № 11. С. 214–221.
3. Чеснова Е.Н. Специфика цифровизации ислама и ИТ-халиль // Исламоведение. 2022. Т. 13. № 3 (53). С. 26–41.
4. Фомина М.Н., Эмих Н.А. Цифровизация религиозного пространства: философский взгляд на проблему // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 116–123. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.116>
5. Лифанов С.А., Лифанова Т.Ю. Виртуализация религии и влияние цифровых технологий на формирование религиозной идентичности // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2022. С. 216–224.
6. Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 303–319.
7. Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. С. 462–483.
8. В РПЦ высказались о цифровизации религиозной жизни // <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html?ysclid=lg581bi5jr449992179>
9. Остаться христианином в эпоху глобальной цифровизации // <https://pravoslavie.ru/137351.html?ysclid=lg56lrgk5k431997536>
10. Ислам в эпоху новых СМИ // <https://islamrf.ru/news/analytics/w-monitorings/19515>
11. Кибермусульмане, гипермакхали и медиамечети: исламские общины в информационном обществе // <https://www.islamisemya.com/kibermusulmane-gipermakhalli-i-mediamecheti-islamskie-obshchiny-v-informatsionnom-obshestve.html?ysclid=lg57s0vxmk532684636>

Статья поступила в редакцию 14.03.2023.

Принята к публикации 29.03.2023.

Dmitrieva E.L.

**Religion in Russia in the Era
of Digitalization**

(on the Example of Orthodoxy and Islam)

Elena L. Dmitrieva,

Senior Research Associate,

Publishing Department of the Journals “Rossiya i Musulmanskiy

Mir” & “Russia and the Moslem World”,

INION,

e-mail: eldmi@list.ru

Abstract. The article analyzes the impact of digital technologies on religious institutions in Russia. Digitalization currently covers all spheres of human life and activity and its penetration into the religious sphere is a natural and necessary process. The introduction of religion to the digital environment has both positive and negative sides. On the one hand, religious figures begin to enter in dialogue with believers through information technology, as a result of which the religious audience increases, new followers are attracted, and on the other hand, online communication can lead to the fact that believers will stop visiting temples, mosques and minimize their participation in the life of the religious community, a separation of believers will occur. To assess the new religious digital reality, it is necessary to analyze the ongoing processes from the theological and moral points of view, as well as to determine the permissible limits of the introduction of digital technologies into the religious sphere of human life. The article also examines the attitude of Orthodoxy and Islam to IT technologies.

Keywords: religion; adaptation to digitalization; IT technologies; Internet space; religious practices; pandemic; digital religion; Russia; Orthodoxy; Islam.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2 (328) – 2023**

Научно-информационный журнал

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.В. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Подписано к печати 31 / V – 2023 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,9 Уч.-изд. л. 7,3
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 150

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У